

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ

ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ

ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ

N 1 (139)

МОСКВА 2022

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2022. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2022

Содержание

Оцепенение (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>И.П. Смирнов</i>	
Философия хозяйства в контексте истории мысли.....	11
<i>А.А. Тарасов</i>	
От «черного лебедя» к «красному лебедю». Экономика. XXI век.....	17
<i>Е.В. Трифонов</i>	
Законы развития человека (от животного к сверхчеловеку — жителю Космоса).....	35
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Диктатура правды — будущее России в парадигме органической философии	45
Раздел II. Экономическая теория	
<i>Д.Н. Платонов, Е.Х. Хабибуллина</i>	
Почему в самодержавной России крепостническая система сохранялась так долго (к вопросу о факторах изменения типа хозяйственных систем)	59
<i>Т.В. Гудкова</i>	
Фирма в цифровой экономике	74
<i>А.А. Золотухин</i>	
Возможен ли выход России из ловушки среднего дохода без реформирования основ сложившейся системы?.....	94
Раздел III. Актуальная философия	
<i>В.А. Кутырев</i>	
Науку и технологии — под контроль общества! (опыт философско-практического противостояния фальшизму цивилизации постмодерна).....	113
<i>Д.В. Гарбузов</i>	
Бог и компьютер: особенности концептуализации религиозных представлений в «цифровую» эпоху	126
<i>А.Н. Фатенков</i>	
О человеческом достоинстве и его эпифеноменах	136
<i>А.И. Сацукевич</i>	
Самоидентификация в постсовременном пространстве.....	145

<i>Б.В. Марков</i>	
Телесная память и цифровая коммуникация	149
<i>К.В. Молчанов</i>	
Видимость, гиперреальность и алогичность: критика научного познания и необходимость создания заново логики в составе наук	160
<i>Р.С. Осин</i>	
Ф. Энгельс о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки	175
<i>И.В. Демин</i>	
Вопрос о собственности в русской философско-правовой мысли первой трети XX в. (С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев)	189
<i>М.Д. Горбачев</i>	
Критерий жесткости десигнатора	211
 Раздел IV. Социальная философия	
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Альтернативные парадигмы: марксистские и немарксистские отображения хода исторического процесса	223
<i>Н.Г. Яковлева, А.Е. Штилева</i>	
Э.В. Ильенков о человеке, человеческом потенциале и образовании	241
<i>Т.С. Сухина</i>	
Изменение социально-трудовых отношений в условиях цифровизации	252
<i>А.В. Марков</i>	
Хозяйственная Кастилия: российское продолжение интуиции Гессе	262
 Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова, Т.С. Сухина</i>	
О транспеременах в современном мире: экономизм и технологизм	274
<i>Е.С. Зотова</i>	
Цивилизация России: традиции и новины (обзор дискуссии)	282
Анонсы	292
Наши авторы	295

Contents

Stupefaction (Chief Editor).....7

Part I. Philosophy of Economy

I.P. Smirnov

Philosophy of Economy in the Context of the History of Thought..... 11

A.A. Tarasov

From the Black Swan to the Red Swan. Economy. 21th Century..... 17

E.V. Trifonov

Human Development Laws (from an Animal
to a Superman — an Inhabitant of the Cosmos)..... 35

T.I. Koptelova

The Dictatorship of Truth is the Future of Russia
in the Paradigm of Organic Philosophy 45

Part II. Economic Theory

D.N. Platonov, E.H. Khabibullina

Why in the Autocratic Russian Monarchy the Feudal-Serf System
Persisted for so Long (to the Question of the Factors
of Change in the Type of Economic Systems)..... 59

T.V. Gudkova

A Firm in the Digital Economy..... 74

A.A. Zolotukhin

Is it Possible for Russia to Get Out of the Middle Income Trap
Without Reforming the Foundations of the Existing System?..... 94

Part III. Actual Philosophy

V.A. Kutyrev

Science and Technology — Under the Control of Society!
(the Experience of Philosophical and Practical Opposition
to the Falsehood of Postmodern Civilization)..... 113

D.V. Garbuzov

God and the Computer: Features of Conceptualization
of Religious Ideas in the «Digital» Era 126

A.N. Fatenkov

On Human Dignity and Its Epiphenomena 136

A.I. Satsukevich

Self-Identification in the Post-Modern Space 145

<i>B.V. Markov</i>	
Body Memory and Digital Communication.....	149
<i>K.V. Molchanov</i>	
Visibility, Hyperreality and Illogicality: the Criticism of Scientific Knowledge and the Necessity of Recreation of Logic in Sciences.....	160
<i>R.S. Osin</i>	
F. Engels on the Interaction of the Economic Basis and the Political Superstructure	175
<i>I.V. Demin</i>	
The Question of Property in Russian Philosophical and Legal Thought in the First Third of the 20th Century (S.L. Frank and N.N. Alekseev).....	189
<i>M.D. Gorbachev</i>	
Criterion of Designator Rigidity	211
Part IV. Social philosophy	
<i>S.G. Kovalev</i>	
Alternative Paradigms: Marxist and Non-Marxist Reflections of the Course of the Historical Process	223
<i>N.G. Yakovleva, A.E. Shpilevaya</i>	
E.V. Ilyenkov about Man, Human Potential and Education	241
<i>T.S. Sukhina</i>	
Shift in Social and Labor Relations under Conditions of Digitalization	252
<i>A.V. Markov</i>	
Economic Castalia: a Russian Continuation of Hesse's Intuition.....	262
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova, T.S. Sukhina</i>	
About Trans-Changes in the Modern World: Economism and Technologism	274
<i>E.S. Zotova</i>	
Russia's Civilization: Traditions and Newness (Overview of the Discussion)	282
Anounce	292
Our Authors	298

Оцепенение

Мир человеческий, включая, увы, и Россию, несмотря на его интенсивнейшую физическую движуху по всему охвату земного шарика, мало того, несмотря даже на происходящие глобальные, весьма и трескучие, и громкие, и даже визгливые перемены, — *в оцепенении!*, да не в простом каком-то там оцепенении, — чего в бытии не бывает? — а в *великом оцепенении*, то бишь не просто в оцепенении, а прямо-таки в... ОЦЕПЕНЕНИИ!, как раз том самом, вовсе и не только в ковидном или том же эколого-климатическом, даже не в предвоенном, а как раз в том самом, что случается на самом краю, перед пропастью, под заворачивающим взглядом бездны — БЕЗДНЫ!

Что, разве не так? Преувеличение, искажение, пустой алармизм? Ложь? Это в эпоху-то «пост-правды»?

Мир замер *от самого себя и перед самим собой*, да так замер, что круговую оцепенел, да ладно бы умом с разумом, а то ведь и безумием своим со своим же бессознанием тоже.

Во-первых, что вообще с миром происходит, во-вторых, что с миром будет завтра, в-третьих, пардон, а что будет... э-э... послезавтра, кроме, конечно, *пост-мира* с его *пост-человечеством*, а то и, глядишь, по полной — ни мира, ни человека?!

То бишь *ничего* не будет, как раз не в плане того, что ничего особенного не случится, а в разрезе как раз... НИЧТО — почему нет? Кто из ныне полуобразованных, мало что знающих и «хайтехнологичных» докажет, что *такого* — ТАКОГО! — быть вообще не может?

Было когда-то *начало* — НАЧАЛО, почему же не случиться *концу* — КОНЦУ!

Оглянись вокруг, читатель, всмотрись в себя, в других, и что? — что в мире сейчас сильнее всего: *что* как раз к КОНЦУ, *что* от КОНЦА или *что* через КОНЕЦ к новому-де НАЧАЛУ? А отвечая на сей вопрос, обойдись без эмоций, без ссылок на веру, как вообще и без веры в веру, а так... как «осознаниенный» космогенный субчик. Что-о, слабó?!

Оцепенение, а уж тем более ОЦЕПЕНЕНИЕ, ведь никого не спрашивает, приходит ему в мир или не приходит, вселяться в человека или не вселяться, обуять Землю или не обуять, оно — это самое ОНО — само приходит, само вселяется, само обуяет, разумеется, не без

ироничного панибратства с отчаянием — ОТЧАЯНИЕМ, но это как уж кому видится и как у кого получается!

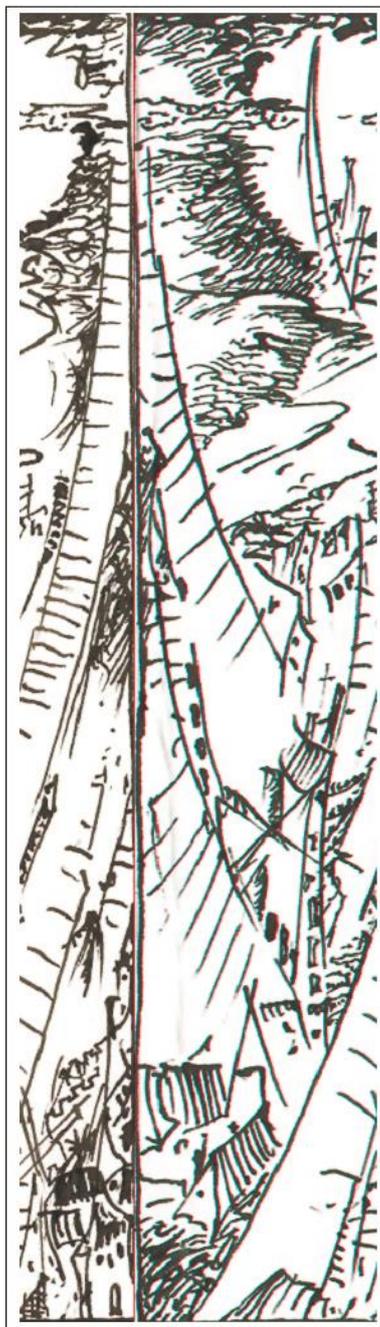
Мир вступает не в очередную, пусть и болезненную, *трансформацию* (смену образа), а уж извините, господа-товарищи, в небывалую на памяти людской *трансгрессию*, то бишь в замену себя чем-то *другим*, не исключая и воцарения пустоты — ПУСТОТЫ!

Что ж, увидится!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

И.П. СМЕРНОВ

Философия хозяйства в контексте истории мысли*

Аннотация. Автор ссылается на проблематичность встраивания философии хозяйства, представленной С.Н. Булгаковым и Ю.М. Осиповым, в историю науки и предлагает рассматривать ее в пределах истории мысли. На основании приводимых аргументов делается заключение об органичной принадлежности названного мировоззренческого направления в обоих вариантах к истории оригинальной отечественной мысли XX—XXI вв.

Ключевые слова: русская мыслительная традиция, философия хозяйства, история мысли, С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов.

Abstract. The author refers to the problematic nature of embedding the philosophy of economy presented by S.N. Bulgakov and Yu.M. Osipov, in the history of science and proposes to consider it within the history of thought. Based on the arguments given, a conclusion is made about the organic belonging of the named ideological direction to the history of the original Russian thought of the XX—XIX centuries.

Keywords: Russian thought tradition, philosophy of economy, history of thought, S.N. Bulgakov, Yu.M. Osipov.

УДК 330.8

ББК 65в

Говоря о философии хозяйства как о научном и мировоззренческом течении, надо иметь в виду два этапа ее существования, содержательно как в чем-то сходных, так и во многом различных. Первый связан с основателем С.Н. Булгаковым; отделенный во времени второй — современный (примерно с 1990 г.) — с работами Ю.М. Осипова и формирующейся вокруг них мыслительной школой. Однако оба они не так просто и лишь с определенными оговорками могут быть вписаны в ис-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Философия хозяйства в контексте истории мысли // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 11—16.

торию науки, принадлежа в первую очередь *истории мысли* [5]. В рамках русской мысли философия хозяйства приобретает логичное звучание и занимает собственную, органично ей принадлежащую интеллектуальную нишу.

Отношения философии хозяйства с наукой носят неоднозначный и нелинейный характер. Зародилась она при переходе автора, С.Н. Булгакова, от научного (в форме политэкономии) периода творчества к философскому с последовавшим затем движением в сторону теологии. Это последовательное движение отвечало общим синтезирующим устремлениям Серебряного века русской культуры, предвосхищающим ее «духовный ренессанс», который виделся тогда именно в синтезе науки, философии и религии. Философия хозяйства Ю.М. Осипова провозглашает не соединение названных областей знания, а их «преодоление», выход за методологические и познавательные рамки каждой из них. Внимание к познавательным возможностям науки и акцентирование их объективно обусловленных границ характерны для русской мыслительной традиции в целом. О необходимости преодолеть скрытую за поклонением науке «раздробленность сознания» и в противостоянии западному рационализму соединить воедино веру и знание рассуждали славянофилы. Диалектику взаимоотношений научного, философского и религиозного познания, а также их историю разрабатывал В.С. Соловьев [7, 165—167]. Философия хозяйства (как С.Н. Булгакова, так и Ю.М. Осипова) разделяет свойственное русской мысли *критичное отношение к науке* и поднимает его на новый уровень осмысления.

В принципе, по отношению к первому этапу философии хозяйства необходимость соотносить ее с русской мыслительной традицией, на мой взгляд, отсутствует — С.Н. Булгаков принадлежит к числу тех, кто эту традицию олицетворяет. Особенностью булгаковского учения является наиболее полная и обоснованная реализация русской философии в сфере экономической теории, что преобразовывало ее в теорию хозяйства, и подведение итогов контакта русской мысли с марксизмом, из которого Булгаков как представитель сущностно важного критического течения «от марксизма к идеализму» вынес в первую очередь этический идеал, развитый им затем в категорическое отрицание «экономизма» как наступающей духовной эпохи.

Что касается философии хозяйства Ю.М. Осипова, необходимость вписать ее исторически и концептуально в традицию русской мысли, очевидно, существует. Помимо упомянутого отношения к науке

есть еще целый ряд объединяющих характерных моментов. Начну с концепта *всеединства*. Позицию Ю.М. Осипова отличают целостность и универсализм, он рассматривает развитие человечества как единого и цельного организма. Россию он помещает в общемировой контекст, рисуя сложную структуру взаимосвязанных и даже взаимообусловленных национальных образований и размышляя о России с точки зрения ее всемирно-исторической миссии, более того, его интересует человек как таковой, в качестве творения и вместе с тем в качестве получившего от Творца известную степень свободы демиурга. В то же время, постулируя неповторимую роль нашей страны в мировой истории на правах отдельного русского мира, он не находится в противоречии с *теорией культурно-исторических типов*, играющей в отечественной мысли значительную роль. Русский человек, русская культура в системе взглядов Ю.М. Осипова уникальны и неповторимы, наша страна составляет в ней отдельную самостоятельную цивилизацию с собственными индивидуальными чертами и своей исторической судьбой. В этом отношении философия хозяйства следует теоретической линии, представленной в русской мысли Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым.

Обращенность в первую очередь к исторической реальности и социальной практике, одинаково характерный для противоборствующих полюсов русской мысли *онтологизм* так же свойственны историческим взглядам Ю.М. Осипова. Главной целью своей философии хозяйства он объявляет именно познание и адекватное отражение реальности в обществоведческой и антропологической перспективе. В работе «Русское мировоззрение» С.Л. Франк обозначил эту черту как «онтологически-метафизическое понимание жизни» [9, 152] и «примат жизненного факта над мышлением» [9, 170]. С указанным свойством неразрывно связан интерес Ю.М. Осипова к эсхатологии, конечным судьбам человека, что объединяет мыслителя с берущей начало у В.С. Соловьева и в дальнейшем разработанной его последователями идеей *Богочеловечества*.

Взаимодействие тварного и богоподобного в человеке — по поводу этой проблемы было сломано немало полемических копий вокруг софиологии С.Н. Булгакова [6]. Софиософия Ю.М. Осипова устраняется из этих непродуктивных, на его взгляд, споров на границе теологии и философии, но использует плодотворный концепт Софии для того же познания реальности. Причем играющая важную роль в теоретических построениях, скажем, Н.А. Бердяева [1], С.Н. Булгакова [2] или

И.А. Ильина [3] трактовка *человекобожия* вполне укладывается в осиповское понимание происходящих в современном человечестве процессов. С этим связана столь типичная для русской мысли и занимающая большое место в трудах Ю.М. Осипова *критика теории прогресса*, демаркирующая русскую мысль от западноевропейской. Высказанные в «Братьях Карамазовых» мысли Ф.М. Достоевского о цене прогресса, который не стоит единственной «слезинки ребенка», и идеи С.Н. Булгакова о «каннибальской цели» теории прогресса, рассматривающей ныне живущие поколения как «унавоживание» для гармонии удобно устроившихся на костях предков грядущих поколений, относятся к классике русской мысли. В том же ряду стоят более поздние пророчества Н.А. Бердяева о приближении «Нового Средневековья» в одноименной книге и разрушительной «социальной функции техники» в работе «Человек и машина», или же размышления Г.П. Федотова о зародившемся новом антропологическом типе *homo europaeo-americanus* в «Письмах о русской культуре» [8, 166]. Корреляция названных идей с развитыми Ю.М. Осиповым в рамках его теории *постмодерна* очевидна. В его представлении постмодерн перестает быть только явлением или направлением культуры и искусства, а трактуется как онтологический, антропологический и исторический феномен, наступивший новейший период человеческой истории.

Пожалуй, наиболее характерной для русской мысли в целом является разработанная в оригинальной отечественной философии теория познания. В этой области решения, предлагаемые Ю.М. Осиповым, тоже в значительной мере сближают его философию хозяйства с основным руслем русской мыслительной традиции. Свой метод он называет *смыслологией*, что подразумевает «смысловое взаимодействие с Софией» [10, 71], т. е. софийное (откровенческое) выявление в фактах и феноменах актуальной и исторической действительности скрытых глубинных смыслов. Здесь прямое созвучие с выдвинутой А.С. Хомяковым идеей *живознания* как «созерцания факта невидимого, проявленного в факте видимом». С таким подходом напрямую корреспондирует и учение С.Н. Трубецкого о «соборном сознании человечества», посредством которого происходит познание, и интуитивизм Н.О. Лосского, который постоянно отмечал, что интуиция по-русски означает «созерцание» [4], и другие идеи русских мыслителей относительно смысла откровения и соотношения субъекта и объекта в процессе познания.

В контекст гносеологии могут быть помещены такие принципиальные для Ю.М. Осипова понятия (для него, в сущности, онтологиче-

ские), как, во-первых, *Иное* и, во-вторых, *Незнаемое*. Связь развиваемых Ю.М. Осиповым идей с С.Н. Булгаковым как предшественником выражается не только в общем понимании хозяйства и его коренного отличия от экономики. Оба мыслителя верят в сакральную миссию России, не поддающуюся логической интерпретации. Ключевой характеристикой России, ее феномена и парадокса, благодаря которым может спастись мир, Ю.М. Осипов называет «иномирность». В том же направлении следовали мысли о России С.Н. Булгакова, избравшего Лествицу Иакова, соединяющую два мира, земной и небесный, метафорой для нашей страны [6, 60]. С точки зрения Ю.М. Осипова, по-настоящему важное во всяком реальном историческом процессе не поддается рациональному, линейному, причинно-следственному объяснению, но обуславливается тем, что он называет «Незнаемое». Оно исподволь управляет процессами, задает их направленность. Главным произведением русской мысли по этому вопросу следует признать «Столп и утверждение истины» П.А. Флоренского. Автор решает в нем такие проблемы, как онтологическое восприятие истины, несовершенный характер «человеческой мудрости», подробно описывает и разбирает «антиномии православного сознания», принципиально оставляющие место для непознаваемого, фактически подтверждая и иллюстрируя при этом концепт «Незнаемого» Ю.М. Осипова.

В целом, картина мира Ю.М. Осипова, в той же степени, что и С.Н. Булгакова, созидаемая обоими философия хозяйства, позволяют говорить о них никак иначе, как о русских мыслителях, представителях национальной мыслительной традиции. Обе мировоззренческие системы в русле названной традиции последовательно отрицают гедонистическое толкование человека как субъекта истории и формальный рационализм, как и производные от него экономический детерминизм, индивидуализм и утилитаризм, в чем заключается их привлекательность для современного читателя. Обе являются частью русской мысли и служат ее формированию и развитию.

Литература

1. Бердяев Н.А. *Смысл истории*. М., 1990.
2. Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // *Вопросы Жизни*. 1905. № 10—11.
3. Ильин И.А. Кризис Безбожия // Ильин И.А. *Собр. соч.* Т. 1. С. 332—358. М., 1996.

4. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
5. *Смирнов И.П.* История мысли. Теоретические основания. М., 2020.
6. *Смирнов И.П.* Спор о Софии Премудрости Божией и его судьба в истории русской мысли // Хозяйство и мысль. Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2015. С. 51—61.
7. *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М., 1988.
8. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992.
9. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
10. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия — современное бытие Спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6. С. 63—78.

References

1. *Berdyaev N.A.* Smysl istorii. М., 1990.
2. *Bulgakov S.N.* Religiya chelovekoboziya u L. Fejerbaha // Vo-prosy ZHizni. 1905. № 10—11.
3. *Il'in I.A.* Krizis Bezbozhiya // Il'in I.A. Sobr. soch. Т. 1. S. 332—358. М., 1996.
4. *Losskij N.O.* SHuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuiciya. М., 1995.
5. *Smirnov I.P.* Istoriya mysli. Teoreticheskie osnovaniya. М., 2020.
6. *Smirnov I.P.* Spor o Sofii Premudrosti Bozhiej i ego sud'ba v istorii russkoj mysli // Hozyajstvo i mysl'. YUbilejnyj monograficheskij sbornik. 25 let Centru obshchestvennyh nauk pri MGU. 1990—2015 / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj. М.: TEIS, 2015. S. 51—61.
7. *Solov'ev V.S.* Soch.: V 2 t. М., 1988.
8. *Fedotov G.P.* Sud'ba i grekhi Rossii. Т. 2. SPb., 1992.
9. *Frank S.L.* Russkoe mirovozzrenie. SPb., 1996.
10. *SHulevskij N.B.* Sofiasofiya — sovremennoe bytie Spaseniya // Filosofiya hozyajstva. 2015. № 6. S. 63—78.

А.А. ТАРАСОВ

От «черного лебедя» к «красному лебедю».
Экономика. XXI век*

Аннотация. Термин «черный лебедь» сегодня ассоциируется с личностью американского автора Николаса Талеба, который назвал им финансово-экономический кризис 2008 г., а также пандемию коронавируса, т. е. те события, которые никак невозможно в точности было предвидеть. Но насколько они невероятны с точки зрения нормального человека, настолько они желательны с точки зрения науки 2-го порядка, цель которой — не порядок, а как раз хаос, поскольку на нем можно лучше всего заработать. И в эту логику вписываются трансформации как в науке, так и в самой экономике XXI в. Мы рассмотрели эти тенденции на примере так называемой «циркулярной» экономики. Но в такой ситуации гораздо более интересным становится как раз другой феномен, который обозначает понятие «красный лебедь». Это явление, которое, казалось бы, обречено на исчезновение, но, вопреки всему, сохраняет свою устойчивость и даже процветает, и поэтому выступает развитием августирианского представления о человеке — *Fallor ergo Sum*.

Ключевые слова: «черный лебедь»; «красный лебедь»; циркулярная экономика; зоны обмена; социальные аддикции; круговая порука; мальтузианство; мем; кайрос; парето-эффективность.

Abstract. The term «black swan» today is associated with the personality of the American author Nicholas Taleb, by which he called the financial and economic crisis of 2008, as well as the coronavirus pandemic, that is, those events that we could not exactly foresee. But as far as these events are incredible from the point of view of a normal person, at the same time they are desirable from the point of view of science of the 2nd order, the purpose of which is not order, but just chaos, because it is the best way to make money on it. And transformations both in science and in the economy

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—011—00173.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тарасов А.А. От «черного лебедя» к «красному лебедю». Экономика. XXI век // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 17—34.

of the XXI century fit into this logic. We have examined these trends using the example of the so-called «circular economy». But, as we tried to show, in such a situation, another phenomenon becomes much more interesting, which means the concept of «red swan». This is a phenomenon, which, it would seem, is doomed to disappear, but, despite everything, it retains its stability and even progresses, and therefore acts as a development of the St. Augustinian idea of man — Fallor ergo Sum.

Keywords: «black swan»; «red swan»; circular economy; trading zones; social addictions; mutual allegiance; Malthusianism; meme; Kairos; pareto efficiency.

УДК 101.1

ББК 60.83, 65в, 87.5, 87.6

Хороший человек — такая же редкость,
как и черный лебедь.

Ювенал (римский поэт)

Николас Талеб — трейдер с Уолл-Стрит, который зарабатывал на рыночных кризисах и обвалах. Его можно причислить к тем, кого сегодня называют «risk engineer» — инженер по рискам. Талеб считает, что неопределенность не просто неизбежна — она необходима и желательна. Он пишет, что «хочет жить счастливо в мире, которого не понимает» [1, 27]. Им снова введено в философский и экономический лексикон понятие «черный лебедь», изначально обсуждавшееся в связи с проблемой индукции. Еще в начале 2000-х Талеб предупреждал о наступлении чего-то «невиданного», некоего кризиса, катастрофы, которых мы можем только предчувствовать, но описать не в состоянии, поскольку это нечто принципиально непредсказуемое и даже, как казалось до этого, невозможное. «Черный лебедь» — событие «highly unlikely»¹. Но невозможное — только в определенных рамках того, что принято считать «нормальным». Самого же «черного лебедя», в отли-

¹ Согласно определению Н. Талеба, «черный лебедь» имеет три свойства: 1) он располагается за пределами нашего опыта и потому соответственно наших ожиданий, поскольку вообще ничто в прошлом никак не указывает на его возможность; 2) оказывает «экстремальное», катастрофическое воздействие на реальность (ну уж точно не как какая-нибудь птица, пусть даже самая «невиданная»); 3) несмотря на всю свою «потусторонность», он может быть осмыслен людьми, а потому сделаться впредь объяснимым и предвидимым.

чие от «белого» или даже «серого», нормальным никак назвать нельзя. И когда это предупреждение воплотилось в виде финансового кризиса 2008—2009 гг., то Талеб мгновенно получил мировую известность и даже славу как человек, который «все предвидел», что «невозможное» очень даже «возможно». И он изо всех сил стремится «капитализировать» это свое «попадание в струю» вплоть до сегодняшнего дня.

Итак, финансовый кризис оказался тем самым «черным лебедем» — этаким «фриком» (freak), т. е. уродцем, аномалией. Проблема ли это? Да, разумеется. Но сегодня «фриками» как раз никого не удивишь. Наоборот! Они повсюду. Проблема уже в другом — а где «нормальные», «белые лебеди»? Даже в экономике кризис («черный лебедь») стал нормой («побелел»). Все уже привыкли к этому. И вот это уже не нормально! Сегодня экономический кризис — закономерное следствие дальнейших и все ускоряющихся инноваций в финансовом секторе. Все уже прекрасно знают, что это обязательно и неизбежно закончится «черным лебедем», никак иначе! Поэтому главный вопрос отныне — как вырваться из тотального господства «черного лебедя»?

Когда какое-либо событие происходит впервые и абсолютно беспрецедентно, то это «черный лебедь». Но когда принципиально не делается никаких выводов из этого (бес)прецедента, когда траектория или теория, стратегия никак не меняются, то это уже не «черный лебедь», но — более адекватное название — «хромая утка». При этом говорится, что нельзя менять правила игры. Но ведь «черный лебедь» — это как раз событие, которое меняет правила игры. Но вот их то и нельзя менять. Вот такой замкнутый круг, в котором «черный лебедь» становится нормой, «белым/серым лебедем». Но ведь люди до нас всегда так делали — меняли правила игры при встрече с неизвестным. Мы что, глупее их, отказываясь менять правила игры, даже в самых чрезвычайных обстоятельствах, даже в первую очередь именно в этих случаях? Очевидно, что ни одно событие не является «черным лебедем» само по себе — только в рамках определенной теории, стратегии, картины мира. И если теория, стратегия или картина мира беспрестанно (вос)производит «черных лебедей», то кто в этом виноват? Ответ очевиден. В современной экономической науке это называется «перформативный поворот» — когда теории производят реальность, которая затем подгоняется под ответы. А в теории познания — «эпистемологический дизайн». Сам Талеб описывает это так: «Математик начинает с задачи, а потом придумывает решение; консультант сначала предлагает “решение”, а затем придумывает проблему» [1, 660].

В экономической науке 2000-х гг., т. е. параллельно с идеями Н. Талеба о «черном лебеде», был популярен так называемый фриканомикс — «помесь» экономикса и все того же самого корня — «freak». Фриканомикс абсолютно любое явление и поведение человека объясняет эгоистичным экономическим поведением, подсчетом полезности, подавая себя в качестве «Grand unified theory», единой теории вообще всего. Но, как говорил К. Поппер, теория, которая объясняет все, на самом деле не объясняет ничего. Она ничего не прибавляет к тому, что мы уже знали и без нее! Она просто удваивает мир. Это карта размером с мир. Большая, подробная, изощренная, но абсолютно бесполезная. Но с точки зрения производства «черных лебедей» она как раз сверхполезна (!): «Платоническая складка — это взрывоопасная грань, где платоновский образ мышления соприкасается с хаотичной реальностью и где разрыв между тем, что вам известно, и тем, что вам якобы известно, становится угрожающе явным. Именно там рождается Черный лебедь» [1, 26].

Вот Н. Талеб утверждает, что мы можем (должны?) трансформировать, «переводить» «черного лебеда» в менее опасных «серых лебедей». (Сам термин «серый лебедь», обозначающий редкое, но ожидаемое и прогнозируемое событие, у Талеба соответствует, по его собственным признаниям, «мандельбровской случайности». Подробнее о Б. Мандельброте — далее по тексту.) Это возможно не в форме точного предсказания или прогноза, когда «это», например, случится в следующий раз, но просто самим фактом осознания того, что «это» в принципе возможно, и оно изменит, трансформирует наше поведение. Только сразу возникает вопрос: какое, чье поведение — индивидуальное или коллективное? Должно ли, например, государство брать на себя эту функцию? Талеб категорически против этого. С его точки зрения, любой правительственный (централизованный?) орган будет вводить нас в заблуждение, иллюзию того, что он может все точно рассчитать и предсказать, но тем самым неизбежно окажет себе «медвежью услугу» и только усугубит проблему, сделав «обратный перевод» — перевод «серых лебедей» в одного большого, жирного «черного лебеда». И есть все основания верить Талебу. От «серых лебедей» можно защититься соответствующей государственной или социальной политикой, от «черного» — нет. Но если «перевод» должно делать не государство, то кто? Здесь он проникателен: сами ученые! Производя кризисы и порождая риски. Ведь только ими — искусственно и специально созданными рисками — и можно управлять! Поэтому наука сегодня —

вообще уже не про порядок. Она — про хаос и его производство. Ее интересует не то, как и почему системы «эволюционируют» — несмотря, вопреки, преодолевая кризисы («черные лебеди»), но посредством кризисов. Цель «науки 2-го порядка» — бесконечное, перманентное производство кризисов. Ее интересуют «стабильность и порядок вдали от точек равновесия» — чем дальше, тем лучше. Или, как говорил Уоррен Уивер, основатель микробиологии, «на краю неопределенности» — между жизнью и смертью, где нет ни жизни, ни смерти. Возможно, даже, что смерти там не будет. Но и жизни тоже!

Главный вопрос AI (искусственного интеллекта) — как переформулировать интеллект, чтобы включить его в сферу рыночного обмена. Главный вопрос AL (искусственной жизни) — как переформулировать жизнь, чтобы включить ее в процесс производства и извлечения прибавочного продукта? Главный вопрос AS (искусственной науки) — как переформулировать науку, чтобы включить ее в процесс накопления капитала?

В биологии распространение этой идеи способствовало внедрению в теорию эволюции «катастрофизма». В отличие от классического дарвинизма, эволюционистов сегодня (парадокс!) больше интересуют не постепенные, плавные трансформации, а катастрофические, которые начинают рассматриваться как базовое условие обеспечения стремления жизни в широком смысле ко все более высокому уровню сложности: якобы жизнь эволюционирует посредством регулярных, периодических кризисов, катастроф, а потому появление новой жизни, ее «инновационное» развитие требуют непрерывной деструкции старой жизни. Отсюда проистекает, например, популярность «гипотезы Геи» Джеймса Лавлока, в рамках которой главной движущей силой эволюции объявляется самая «мутабельная» (в смысле совпадения невероятно высокой частоты деления и не менее аномального количества мутаций, приходящихся на каждое такое деление) часть живой природы — микробы, микроорганизмы и вирусы. Они же объявляются самыми разумными представителями жизни. Ну все, как у Ричарда Докинза в общем. Все эти концепции — а их целый пучок, и Талеб в них «гладко» вписывается — являются слегка прикрытым или даже нескрываемым анти-, но одновременно тем самым и гиперэкологизмом. Они как бы говорят: «Вы что?! Предотвратить катастрофу — значит вмешаться в естественный процесс самоорганизации жизни. Катастрофа — источник обновления и прогресса! Не смейте ей препятствовать и противодействовать». Сюда же добавляется и отрицание любого вмешательства

государства: государство все сглаживает, а нужно как раз обратное — чем катастрофы чаще и грандиознее, тем лучше. Но здесь прекрасно видно, что речь идет о прямом (уже даже не переносном или символическом!) отождествлении жизни и капитала. Одна и та же логика — в биотехнологиях, медицине, раковой опухоли, вирусной пандемии, финансовых спекуляциях. Сегодня, де-факто, это одно и то же!

Долгое время в экономической науке доминировали «механистические» концепции, в первую очередь теории равновесия. Но сегодня мы наблюдаем возврат или обращение к биологическим (органическим) теориям экономического роста, ведь само понятие «роста» — скорее биологическое, нежели физическое. Но его также можно понимать по-разному, и доминируют сегодня как раз довольно странные представления, согласно которым экономический рост трактуется как процесс эволюции в точках или пространствах, где наблюдаются и преобладают неравновесные состояния. «Родословная» данных воззрений восходит к американско-австрийскому экономисту Йозефу Шумпетеру, который прямо говорил еще в первой половине XX в., что для понимания экономического роста необходимо перейти от статичного мышления (возможно, косвенно намекая на уход от центральной роли государства в экономике, поскольку корень слов один и тот же — state, государство, и static (лат.) — статичный), которое характерно для физики и механики, к динамическому мышлению в логике биологических концепций роста и эволюции. Но его представление об эволюции было очень специфичным даже для его времени. Шумпетер считал, что эволюция как жизни, так и капитала, логику которых, если не их самих, он отождествлял, представляет собой череду жесточайших, разрушительных, но именно потому необычайно продуктивных кризисов и катастроф. Он назвал эти точки «роста» созидательным разрушением (creative destruction), а кривую инноваций описал как конвульсивную, т. е. судорожную, припадочно-эпилептическую, «фриковую».

Иногда науку 2-го порядка называют Data-Science. Здесь цифра (Data) вместо слов. Слова нам понятны. Они сглаживают реальность, делают ее обитаемой. Цифры и данные — наоборот. Кажется, что они призваны сделать мир понятнее, но в действительности производят только хаос. Другой вариант названия науки 2-го порядка — синергетика. Авторы синергетики — И. Пригожин и И. Стенгерс — настаивают на том, что наука о сложных самоорганизующихся системах должна вызвать к жизни «новую политэкономия природы». Речь идет о том, что экономика, основанная на неорганической природе, страдает от

неумолимого действия закона истощения ресурсов и уменьшения нормы прибыли, тогда как экономика, основанная на органической природе, самой жизни, подчиняется только законам самоорганизации и увеличения сложности. У последней, как и у экономики «спекулятивного пузыря», нет никаких лимитов. Разум имеет границы. Безумие — безгранично! У «новой экономики» нет ни начала, ни конца. «У истории нет и не может быть конца», — объявляет Пригожин [8, 126]. Но этот бесконечный рост не похож ни на арифметическую, ни даже на геометрическую прогрессию. Он — фрактальный! Это означает, что у него нет и не может быть никакой точки равновесия, пределов, систем координат и т. д. Он просто есть и все! Но это то же самое, что говорить о кривой, которая непрерывно создает разрыв. В XIX в. математики называли такую кривую «патологической». В XX в. эту идею «докрутил» и нашел ей практическое соответствие и применение французский математик Бенуа Мандельброт в своей теории фракталов и логике спекулятивных финансовых рынков соответственно.

«Мода» на кибернетику (науку) 2-го порядка проникла и в экономику с финансами. Впрочем, причинно-следственная связь здесь по крайней мере не так однозначна: нам более вероятным и логичным (если здесь вообще все еще можно говорить о какой-либо логике) видится как раз обратное — кибернетика и вообще наука 2-го порядка являются проекциями экономики и финансов. Конкретный пример этой «зоны обмена», «переворота миров» — уже упоминавшийся нами французский математик Бенуа Мандельброт, основоположник теории фракталов, на фигуре и идеях которого стоит остановиться чуть более подробно. В 1986 г. Мандельброт прочитал серию лекций по политической экономии в Гарвардском университете. Обычно в качестве самой главной его мысли подчеркивается идея о том, что история экономики является историей небольшого числа «гениев-инноваторов» экономической науки, которые своими математическими теориями и моделями обеспечивают динамику всей реальной экономической системы. Меньшее внимание уделяется другому представлению Мандельброта, а именно, о том, что источником этих самых «математизированных» концепций и моделей являются сами экономические и социальные, в первую очередь рыночные — как непосредственно относящиеся к действию механизма рынка, так и опосредованно, т. е. порождаемые им — явления, и эти самые «рыночные» теории, в свою очередь, затем переходят в другие сферы науки и знания, в том числе в физику, химию или биологию, например. Таким образом, здесь мы видим своеобразный

«переворот миров», поскольку, если утилитаристы XIX в. прямо говорили о подсчете «полезности» по аналогии с другими физическими величинами, в начале XX в. Й. Шумпетер говорил о необходимости ухода от господства «механицизма» в экономике, а теории равновесия середины и всей второй половины XX в. не то чтобы даже косвенно, а прямо создавались физиками, оказавшимися в экономической науке вследствие потребностей Второй мировой войны, то здесь мы наблюдаем нечто прямо противоположное — не экономика строится по модели физики, но физика и другие точные науки являются проекцией какой-то новой экономики.

Впрочем, Мандельброт не был первым, кто высказал это, более того, его идея оказалась воспринятой (напомним — в 1986 г.) довольно спокойно вовсе не потому, что ее никто не понял, а как раз потому, что к тому времени ее считали само собой разумеющейся, поскольку она является одной из краеугольных для «неолиберализма», который к тому времени уже одержал окончательную победу на Западе, уже не за горами была победа на Востоке, тотальное идеологическое господство вплоть до наших дней (например, в Китае — как главном «бенефициаре» неолиберальной эпохи). Эта же идея содержится в работах Фридриха Хайека, причем еще первой половины XX в. Задолго до Талеба, который назвал ученых «хрупкоделами» (*fragilista*), Хайек считал их «дилерами подержанных идей» (*second hand idea dealers*) и говорил о том, что они должны не просто подчиниться рынку, но прямо признать его тотальное «когнитивное» превосходство, стать проводниками порождаемого им знания («ин-формации») как единственно возможного. Он даже подверг критике понятие «*homo economicus*» на том основании, что оно предполагает рациональность человека или ученого, которую считал крайне ограниченной, а потому не просто нуждающейся в рынке, но прямо производной от него. Только РЫНОК владеет и может владеть истиной! Иногда эту мысль пытаются сгладить и потому трактуют как относящуюся только к социально-гуманитарному знанию. Но Хайек совсем не останавливался на этом — у него (внимание!) любая истина, любое знание, в том числе точных наук (!) является по самой своей сути «знанием от рынка» и, более того, «знанием о рынке», и только. Этому он посвятил в том числе свою работу «*The Sensory Order*» [5] (нет перевода книги на русский язык), где показывается (делается попытка показать), причем совершенно в духе «коннекционизма», как устроена работа разума и сознания человека, в том числе и даже в первую очередь — ученого, располагающегося ниже в иерар-

хии, нежели Рынок, который у Хайека, по сути, выступает «универсальной машиной Тьюринга». Кстати, идеи А. Тьюринга и Ф. Хайека, так же как и Й. Шумпетера, формируются примерно в одно и то же время, почти параллельно и в унисон. И по этой же причине Хайек позже развивает свои идеи в более известной экономистам работе «Competition as a Discover Procedure», где он прямо отождествляет рыночную конкуренцию и разум. Игра слов — от Competition к Computation и обратно — таким образом оборачивается «реальностью», реальностью науки 2-го порядка.

Если вернуться к Б. Мандельброту, то стоит отметить, что он признается в качестве сторонника возрождения центрального места геометрии в математических науках. В отличие от алгебры, геометрия является более «феноменологической ветвью» математики, т. е. отсылающей к конкретному опыту и референту, но последним, в данном случае — в случае мандельбровской случайности — выступает рыночный опыт. Точка.

Еще одной «зоной обмена», точкой пересечения — в первую очередь между знанием социальным и биологическим, но во все более возрастающей степени также и рыночно-экономическим — всегда была эпидемиология. Причина этого в том, что распространение эпидемии зависит не только от самого патогена, но и от свойств самой «сети», внутри которой он распространяется. Инновационная экономика нацелена как раз на то, чтобы запрограммировать такие свойства сети, чтобы рост был по возможности как можно более стремительным, желательным даже — катастрофическим. Тогда «спекулянты» и прочие последователи Мандельброта останутся довольны. Сегодня это «серая зона», внутри которой «социетальное» и «естественное» меняются местами. Таким образом, отныне «социетальное», т. е. в первую очередь рыночное, является точным и объективным, тогда как физика, химия, математика и биология становятся науками «конструктивистскими». Еще одной причиной такой конвергенции-дивергенции-перверсии становится тот факт, что сегодня основной средой «научного роста», в первую очередь экономического, являются компьютеры, компьютеризированные виртуальные модели, где действует та же самая логика — вируса, только компьютерного, но все более становящегося неотличимым от реального, биологического. Не случайно главный механизм «инновационной экономики» все чаще называют (пока в кавычках, но это, видимо, временно) «социальным заражением». Вообще, если внимательно посмотреть на то, что говорят специалисты по «сетям» и «ин-

новациям», то всегда можно встретить в их терминологии или логике рассуждений отсылку к вирусам, эпидемиям, гриппу, пандемии и т. п. Причем в основном позитивную. Достаточно сослаться хотя бы на главного специалиста по этим вопросам в Массачусетском технологическом институте (MIT) Алекса Пентланда [7].

Отсюда становится понятно, почему, начиная с 2020 г., популярность Н. Талеба и его «черного лебедя» резко пошла вверх. Поскольку пандемия — это тоже «черный лебедь». Событие, которое абсолютно логично вписывается в складывающуюся систему. Пандемия = Финансовый кризис. Между ними нет принципиальной разницы. Это одна и та же логика. Вирусная!

Мы уже упомянули, что для философии проблема «черного лебедя» отнюдь не нова. Философия вообще имеет огромный опыт «иметь дело» с «черными лебедями». Это вообще специализация философии — на невозможном. Взять хотя бы Теодицею, согласно которой необходимо расширить свой горизонт восприятия происходящего. Например, через подражание Богу, который оптимизирует имеющиеся у него ресурсы. Но сегодня человеку со всех сторон говорят: «Эй, человек, не вздумай считать себя Богом, представь, что ты крыса, которой нужно выбраться из лабиринта!». По-научному это называется транзитивностью, когда любого касается только одно — оказавшись на развилке, прими решение, повернешь налево или направо, и больше ни о чем не думай. Тем более не думай о том, как устроен весь лабиринт. Двигайся от одной развилки к другой — только так можно быть эффективным! В XX в. эта проблема также имеет выражение в идее «ограниченной рациональности» Г. Саймона.

В рамках данного типа рациональности, как развитие упоминавшегося нами (*Disclaimer: далее идет оксюморон, но иначе и не скажешь!*) анти/гиперэкологизма, а также в русле рассуждений о конфигурации экономики будущего (экономики XXI в.) сегодня становится все более модным говорить о так называемой «циркулярной экономике», «экономике замкнутого цикла» — Circular Economy (CE). Особенно популярной CE стала после того, как вошла в официальную терминологию ООН в 2012 г. Не случайно и то, что Китай является одним из лидеров в сфере продвижения дискурса CE. Именно Китай первым из всех стран сформировал общегосударственный национальный план по

внедрению СЕ. На первый взгляд причина в том, что именно Китай испытывает большие проблемы с экологией. Но не все так просто...

Уже сейчас существует более ста определений СЕ. Сама идея «замкнутого цикла» даже в самой экономике отнюдь не новая — она по меньшей мере с начала XIX в. используется в химическом промышленном производстве. Сегодня она реанимируется, получает новый импульс, начиная со знаменитой публикации середины 1960-х гг. американского экономиста Кеннета Боулдинга «Экономика космического корабля Земля» (*The Economics of the Coming Spaceship Earth*) [3]. Сам Боулдинг больше известен как автор термина «экономический империализм», обозначающего параноидальное стремление экономистов объяснять абсолютно любые явления нашей жизни экономическими причинами. Главные же идеи «spaceship Earth» — что наша планета является «закрытой системой»; что необходим переход от линейной к циклической модели экономического роста и воспроизводства, к тому способу, который использует сама природа, по сути — возврат к «натуральному хозяйству». Боулдинг говорит о том, что большую часть своей истории люди считали, что жили в безграничном или почти безграничном мире. Всегда было место, куда можно было двинуться дальше. Всегда был неизведанный горизонт. Впервые о том, что Земля есть сфера, заговорили древние греки. Но большинство людей стали это осознавать только после эпохи Великих географических открытий, поняв, что Земля есть закрытая система со своими пределами. Боулдинг признает, что на самом деле полностью закрытых систем мало. Он предпочитает такую систему «вещи-в-себе», о которой мы ничего не можем узнать извне, так же как и о нас ничего не могут узнать, если мы внутри, те, кто соответственно снаружи. Но ведь все живое является открытой системой. Так же как и человеческие общества. Боулдинг указывает на такую особенность человеческого тела, как неспособность бесконечно поддерживать себя в равновесии и балансе благодаря системам ввода новых ресурсов и вывода отходов, поскольку существует такой феномен, как старение, причина которого в том, что есть такие отходы нашей жизни, которые никак нельзя компенсировать новым вводом. Отсюда видно, что весь дискурс СЕ есть не более чем давняя мечта о бессмертии, только относящаяся не к биологическому телу, а социальному. Неслучайно Боулдинг ставит знак равенства между капиталом и знанием. Он так и определяет капитал — как материю, которая стала знанием, смогла быть воспринята сознанием, оказалась не только «ве-

щью-в-себе». А потому в мире должны остаться только такие вещи, которые могут стать частью капитала.

На первый взгляд, главный вопрос СЕ: почему наш образ жизни привел нас в настоящее, привел к «болезни» — экологическим проблемам, глобальному потеплению, истощению природных ресурсов, например? Мы не будем стесняться использовать медицинскую терминологию. Тем более что СЕ сегодня прямо и открыто, цинично трактуется в том числе как способ борьбы с социальными болезнями и зависимостями (Societal Addictions). Под «социальными аддикциями» обычно понимаются ситуации, при которых общества и их члены оказываются вовлечены на постоянной основе в деятельность, которая кажется всем безальтернативной по причине исключительной выгоды для большинства участников в краткосрочном плане, а потому характеризующейся такой устойчивой приверженностью, но исключительно неустойчивой и даже катастрофической для всех в плане долгосрочном. Это ситуации, с высокой степенью вероятности (неизбежно), ведущие к появлению «черных лебедей».

Нас интересует ответ на вопрос: что представляет собой СЕ — радикальное изменение или всего лишь избавление от симптомов, паллиативная помощь? Для ответа на этот вопрос воспользуемся хорошо известной «формулой» Имре Лакатоса, согласно которой у любой научной теории есть ядро и есть ее периферийный защитный слой, пояс. С этой точки зрения, эволюция — изменение периферии, революция — трансформация самого ядра. Так вот, очевидно, СЕ меняет (трансформирует) только периферию, защитную оболочку, не затрагивая ядро, сердцевину нынешней модели экономического роста. СЕ, несмотря на декларируемую новизну, вообще не ставит вопрос о ценностях. Любой актер экономической системы — индивид или организация — стремится максимизировать свое богатство, благосостояние и готов использовать для этого любую возможность. СЕ идеально вписывается в данную систему ценностей. Людям ничего особо или кардинально нового придумывать в плане ценностей не надо — лишь немного подкорректировать работу самой системы. Например, перейти от линейного к циклическому воспроизводству. Поэтому задача СЕ — служить защитной оболочкой для невредимого ядра экономика, продолжив экономический рост в условиях новых экологических и социальных изменений и вызовов.

Суть СЕ сводится к контроллингу, о котором мы уже писали ранее [2, 200—201]. Планировать теперь нужно не «вход» производства,

но «выход» потребления, что, оказывается, одно и то же! С одной стороны, кажется, что отходов не будет, но, с другой — будут сразу производиться мусор, отходы. Когда исчезнут отходы? Только когда все станет отходами! СЕ предлагает: давайте для простоты все рассматривать в качестве junk'a. Если коротко, то суть явления сводится к следующей схеме: Производство = Потребление; Сырье = Отходы.

Вариациями СЕ, предполагаемыми инструментами его воплощения являются идеи «естественного капитализма», при котором вся естественная среда становится капиталом, замкнутыми цепочками поставок (логистики), что уже реализуется в форме все того же контроллинга, биомимикрии, когда мы, опять-таки, включаем механизмы воспроизводства природы в производственные технологические цепочки путем адаптации или имитации, «природно-доброжелательного» реинжиниринга, т. е. дизайна производственных процессов, и т. д. Иногда в качестве альтернатив экономического развития будущего — экономики XXI в. — наряду с СЕ упоминаются «экономика совместного использования», так называемый «шеринг» (sharing), или «местные валюты» как способ трансформации самого «ядра» современной экономики, а не только ее внешней оболочки. На самом деле все это — одно и то же. СЕ, шеринг, локальные валютные системы — примеры одного и того же по сути явления «сетевой экономики». И ничего нового здесь вообще нет. Иногда это трактуется в терминах различия между механистическим подходом экономикса и органицизмом «новой экономики», для которой характерна опора не на общество, но на сетевые структуры. Для первого характерно якобы лишь устранение симптомов (реактивная позиция), тогда как альтернатива — повышение жизненных сил системы (проактивная позиция).

Более полувека назад известный антрополог Мэри Дуглас сформулировала фундаментальное отличие до-современных, т. е. архаичных, обществ, от современных — сети и социума соответственно [4]. В первом случае в основании всего, в том числе экономики, лежит то, что позволяет членам сети дифференцироваться, отличаться, ранжироваться, занимать разное положение в иерархии. Поэтому, когда сегодня говорят о «социальных сетях», преподнося это как нечто сверх(транс)новое, то забывают или хотят ввести в заблуждение, что это, собственно, то, что составляет основание примитивных, архаичных обществ, от которых человечество всю свою историю хотело, стремилось избавиться. Вся история цивилизации есть в какой-то степени история борьбы с этим «первородным грехом» — «круговой порукой»,

мафиозно-клановой общественной структурой. Именно там, где и когда удавалось уйти от нее, наблюдался социальный прогресс, происходили настоящие изменения, перемены. Когда же общество скатывается обратно к «круговой поруке», цикличности, то наблюдаются застой, упадок, регресс, если и перемены, то только с приставкой «транс-».

Сегодня под пикантным и привлекательным соусом все это подается, например, в коммерческой среде — в виде различного рода Facebook'ов или Twitter'ов, в виде «платформенного капитализма» (Amazon или Google), в государственной — в виде китайской «системы социального кредита», в академической — всякого рода Web of Science или Scopus. Люди здесь тем или иным способом ранжируются, положение каждого зависит от числа «лайков», количества «просмотров», начисленных баллов или «цитирований». Это становится единственным смыслом деятельности, тем, что действительно нельзя назвать иначе как «аддикцией», зависимостью. Все кругом повязаны. При этом другие ориентиры и ценности более высокого порядка исчезают и не принимаются в расчет — например, истина или закон. Но ведь именно это и лежит, как показывает М. Дуглас, в основании современных обществ. Именно эти «вещи» и позволили людям не зависеть от других людей, от мафии, олигархии, от релятивизма. Основание «социума» — не что нас, людей, отличает друг от друга, но что нас всех вместе, человечество, отличает от всего остального. Например, доступ к истине, подчинение закону. Ведь в этом суть права и закона: ты либо подчиняешься закону и тогда не зависишь ни от кого, либо не подчиняешься, и тогда вся твоя судьба в руках других людей и твоих связей с ними. И в этом суть истины: либо у каждого своя точка зрения и соответственно полный хаос, либо она одна, но доступна только как результат совместного усилия. И поэтому любые формы «круговой поруки», олигархии, «сетевого общества» не более чем, в терминологии Т. Веблена или Л. Мамфорда, пережитки старого в новом. Атавизмы.

Исходя из этого становится понятным, что по сути идея СЕ — не более чем вариант мальтузианства. В XX в. ее предтечей был Римский клуб с его докладом 1972 г. по названию «Пределы роста» за авторством Аурелио Печчеи, главной идеей которого был переход от индустриальной модели роста к постиндустриальной, от фордизма к постфордизму. Следующий доклад Римского клуба вышел в 1976 г., и его автором был уже голландский экономист Ян Тинберген, лауреат Нобелевской премии по экономике 1969 г., который еще в 1950-е гг. первым стал использовать термин «конвергенция» для обозначения сближения

и взаимного обмена чертами между социализмом и капитализмом. Но, что интереснее для нас в данном случае для понимания доклада, его брат Николас Тинберген, один из коллег и соавторов науки этологии Конрада Лоренца (они совместно получили Нобелевскую премию по физиологии и медицине), работал на нацистов — главных представителей «экологического мышления» в XX в. (достаточно вспомнить ограничение вредных выбросов в атмосферу, развитие астронавтики, вегетарианство и т. д.). В XXI в. все это несколько трансформируется (медицинализация общества, СЕ, коронавирус и т. д.), но суть остается прежней — мальтузианской.

Есть совсем вульгарный смысл понятия СЕ — Circular как относящийся к «кружкам», в том числе многочисленным thought collectives в неолиберальном смысле, которые формируют повестку дня, планы, стратегии и видение будущего. Главным на сегодня «популяризатором», промоутером идеи СЕ является неправительственная организация, благотворительный Фонд Эллен Макартур. Цель данного Фонда — «ускорение перехода к СЕ». Главное средство ее достижения — формирование общего видения будущего, ассоциирующего у людей с СЕ, программирование будущего, посредством превращения СЕ в абсолютно доминирующий в сознании людей «мем СЕ» как безальтернативного будущего. Главные акторы — лидеры общественного мнения, призванные исполнять роль современных «шаманов», которые должны гипнотизировать людей, внушать им, внедрять в их сознание этот «мем». Сама СЕ описывается как каскадный (=лавинообразный) принцип формирования и распространения тех или иных процессов. «Циркулярный» здесь выступает синонимом «лавинообразного». И Фонд Эллен Макартур призван вызвать, запустить эту «лавины». Сам способ действия здесь — через мем, через риторику — перекликается со способом терапии «общественных аддикций» — так называемым «мотивационным интервьюированием», по сути — программированием, «кодированием», которое используют при лечении алкогольной или наркотической зависимости. Мы все сегодня рассматриваемся как наркоманы — буквально или символически, причем эта разница все более стирается.

Эллен Макартур, основательница Фонда, носящего ее имя, британская яхтсменка, которая в 2005 г. установила мировой рекорд по одиночному скоростному плаванию вокруг света. Совершенно не случайно, поэтому, ее описание СЕ является точкой зрения «моряка», отправившегося в «кругосветку» с ограниченным запасом ресурсов на

борту. По сути это то же самое, что и положение одинокого «астронавта», заброшенного в недоброжелательную Вселенную. Но есть одно важное отличие: когда ты моряк, направляющийся из точки А в точку В, то ты берешь с собой и используешь минимум ресурсов в первую очередь для того, чтобы увеличить скорость и сократить время путешествия, а потому соответственно и расход ресурсов. Но если ты астронавт, то у тебя нет ни точки А, ни точки В, тебе надо просто «тянуть время», рассчитывая вообще не понятно на что. В лучшем случае это чем-то напоминает действия лягушки в кувшине с молоком, которая, если дотерпит, то получит сметану и сможет выбраться. Но на что рассчитывать человечеству? Трансгуманисты, например, в качестве «сметаны» предлагают некую точку сингулярности, трансформации, перехода в новое качество, скачок, эмерджентность. Сама же Макартур заявляет, что вариант с экономией энергии и передачей управления «автопилоту» (читай — artificial intelligence) — вообще не вариант, так как судно в таком случае в любой момент может смыть и перевернуть неподвижной волной. На самом деле ответ уже есть. Нужно двигаться из точки А в точку В. То есть иметь долгосрочную стратегию. Но ее реализация должна быть гибкой и постоянной, осуществляемой человеком. Цель должна быть, с одной стороны, конкретной, но с другой — абстрактной, чтобы мы могли прокладывать путь каждое мгновение времени.

Главный вопрос экономики: что мы должны делать — минимизировать отходы или максимизировать доходы? Всегда нужно искать какой-то баланс. В эпоху коронавируса стало очевидно, что в экономике производится человек. Поэтому переформулируем вопрос: человек — это доход или отход цивилизации и соответственно должен максимизироваться или минимизироваться? Минимализм в данной постановке вопроса — это мальтузианство. Максимализм — это капитализм и социализм. От борьбы между естественными организмами к единой борьбе в рамках искусственного организма.

Итак, в лице Circular Economy (CE) мы имеем идею перехода от линейной к циклической (циркулярной) модели роста. На языке философии это называется переход от хроноса к кайросу. В случае хроноса речь идет о линейном течении времени и протекании процесса, абсолютном и неостановимом, под который человек может лишь адаптироваться. В случае же кайроса, не существует никакого абсолютного те-

чения, последовательности, предзаданности, железной логики. Время здесь не существует отдельно от объекта, привязано к нему, зависит от него. Главный вопрос в таком случае: вокруг кого оно вращается?

В связи с этим обращает на себя внимание тип явлений, который постепенно привлекает все большее внимание. «Красный лебедь» — так обычно обозначают сегодня Китай [6], неизбежный крах которого предрекают вот уже более 70 лет, начиная с Мао Цзэдуна, затем — площади Тяньаньмэнь, в результате вызовов XXI в. и т. д. Даже не будучи большими поклонниками этой цивилизации, отметим саму идею: «красным лебедем» называют феномен или явление, которое по всем «законам», логикам и предсказаниям уже давно должно было исчезнуть, разрушиться, распасться, раствориться, но (!) вопреки всему оно все еще существует и даже процветает. Таким образом, понятие «красного лебедя» одновременно диаметрально противоположно и вместе с тем сходно с понятием «черного лебедя». Если «черный лебедь» — это то, чего нет и быть не может, «highly unlikely», но тем не менее происходит, то «красный лебедь» — то, что есть, но при этом невозможно, то, чего быть не должно, то, что оно сохранится, «highly unlikely», оно обречено на провал, но тем не менее не исчезает, но, напротив, вопреки всему, только набирает силу. Если тот же Талеб часто откровенно издевается над представителями академической среды, то он просто не видит, что они — «красные лебеди», так как все равно «на плаву», несмотря ни на какую травлю и ухищрения против них. Но это результат не просто адаптации, но чего-то принципиально иного. Человек вообще — так же как и философия, т. е. собственно человеческая форма существования в мире — с точки зрения науки невозможны, им нет места в научной картине мира! И тем не менее они все еще есть — вот что удивительно! Они — «красные лебеди». Это указывает на главное достоинство, сильную сторону человека и его принципиальное отличие, на которое указал еще Аврелий Августин — умение, способность «заблуждаться». Fallor ergo Sum. Заблуждаюсь, ошибаюсь, следовательно существую. В этом — принципиальное отличие человека от животного или машины. Если животное ошибется, то, согласно закону эволюции и борьбе за выживание, оно с высокой степенью вероятности погибнет. Если машина сделает ошибку, то разрушится, «зависнет» и т. д. И только человек может почти всегда, часто, или даже все время ошибаться и тем не менее при этом двигаться дальше вперед. Поэтому, если бы Блаженный Августин оказался в наше время, то его реакция была бы следующей: зачем вы пытаетесь с помощью датчиков, мони-

торинга и систем контроля («система социального кредита») «устранить» даже самую возможность любых ошибок? Вы же тем самым разрушаете самое ценное в человеке. Вы сами себя подрываете! Люди хотят жить в мире, где они могут совершать ошибки, но не хотят, даже в условиях, когда им за это ничего не будет, а не наоборот. Парадокс в том, что сегодня эволюционизм превратился в катастрофизм («черный лебедь»), а революция, наоборот, стала синонимом стабильности и устойчивости («красный лебедь»)!

Понятие «черного лебедя» — это радикализованный вариант так называемой Парето-эффективности, согласно которой 20% событий дают 80% эффекта, результата, а 80% событий — только 20%. В случае «черного лебедя» получается, что 1% событий дает 99% эффекта! В случае же «красного лебедя» 1% событий и явлений дают 99% смысла, остальные 99% — пустота и бессмыслица. Смысл — это наука. А вот общая семантика, сайентология, нейролингвистическое программирование и тому подобные псевдосмыслы — это уже псевдонаука. Ой, пардон! — Наука 2.0, разумеется...

Литература

1. *Тaleb Н.* Черный лебедь. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.
2. *Тарасов А.А.* NBIC-вирус пандемического контроля: quo vadis? // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 193—207.
3. *Boulding K.* The Economics of the Coming Spaceship Earth // *Environmental Quality in a Growing Economy* / H. Jarrett (ed.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1966. P. 3—14.
4. *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. London: Routledge, 1966. 249 p.
5. *Hayek F.A.* The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. 209 p.
6. *Heilmann S.* Red Swan. Hong Kong: The Chinese University Press, 2018. 267 p.
7. *Pentland A.* Social Physics. How Social Networks Can Make Us Smarter. N. Y.: Penguin Books, 2014. 211 p.
8. *Prigogine I., Nicolis G.* Exploring Complexity. N. Y.: W.H. Freeman, 1989. 344 p.

References

1. *Taleb N.* Black Swan. Moscow: CoLibry, ABC—Atticus, 2020. 736 p.
2. *Tarasov A.* NBIC — virus of pandemic control: quo vadis? // *Philosophy of Economy*. 2020. № 3. P. 193—207.

Е.В. ТРИФОНОВ

Законы развития человека (от животного к сверхчеловеку — жителю Космоса)*

Аннотация. Немалое число экономических законов открыли ученые и практики используют их в процессах хозяйствования. Однако законы развития человека до сих пор не сформулированы и не являются предметом практического использования. Принимая во внимание судьбоносное значение роли человека в сохранении и развитии цивилизации, законы развития человека получают в высшей степени актуальное значение. Целью статьи является определение сущности законов развития человека и их роли в сохранении, развитии и процветании человека и цивилизации.

Abstract. A considerable number of economic laws were discovered by scientists and use practices in economic processes. However, the laws of human development have not yet been formulated and are not the subject of practical use. Taking into account the fateful importance of the role of man in the preservation and development of civilization, the laws of human development are highly relevant. The purpose of the article is to determine the essence of the laws of human development and their role in the preservation, development and prosperity of man and civilization.

Ключевые слова: потребности, высшие потребности, способности человека, законы развития человека, выживание, развитие и процветание человека и цивилизации.

Keywords: needs, higher needs, human abilities, laws of human development, survival, development and prosperity of man and civilization.

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Трифонов Е.В. Законы развития человека (от животного к сверхчеловеку — жителю Космоса) // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 35—45.

УДК 330.113.4
ББК 65.011

Характеристика высших потребностей

Потребности являются исходной категорией, определяющей развитие человека. Развитие потребностей означает развитие человека. Развитие человека представляет собой следствие развития потребностей. Среди совокупности потребностей выделяются господствующие, высшие потребности, которые обуславливают характерный, определяющий, закономерный признак развития человека.

Вся совокупность потребностей имеет важное значение для развития человека. Однако среди всех потребностей выделяются особо важные, необходимые, объективно значимые потребности, удовлетворение которых открывает возможности удовлетворения всех остальных потребностей. Такие потребности можно назвать высшими потребностями.

В научной литературе редко встречается категория «высшие потребности». Практически используются другие категории, но по внутреннему содержанию они совпадают с категорией «высшие потребности». Л.П. Шиповская называет ведущие потребности человека, которые «...оказывают существенное влияние на его жизнь, деятельность и поведение» [6, 37]. В.В. Рышкус выделяет «...преобладание потребностей в особой целесообразной деятельности в структуре потребностей человека» [3, 199]. Он не называет такие потребности высшими в совокупности потребностей, но сама идея об особых потребностях наталкивает на мысль о существовании высших потребностей, значение которых состоит в сохранении, развитии и процветании человека. А. Арно отмечает взаимосвязь потребностей, переход от низших к высшим потребностям, подчеркивает доминирование высших потребностей, но сохранение низших, которые утрачивают «...свое главенство в мотивах человеческой деятельности» [1, 9]. Потребность рассматривается как основная движущая сила развития человека, как исходная форма активности человека, как внутренний стимул развития человека. Потребность определяет целесообразность человеческой жизнедеятельности.

В нашей работе выдвигается положение, согласно которому высшие жизненные потребности являются условием, источником и основой законов развития человека как совокупности его способностей,

обеспечивающих реализацию высших жизненно необходимых потребностей.

Высшие потребности выражают наиболее значимые, судьбоносные потребности. Такими во все времена являлись потребности существования, развития и процветания человека на всех этапах его жизнедеятельности. Высшие потребности — это исторические потребности человека, на каждом конкретном этапе обеспечивающие главное условие — выживание человека. Потребность выживания — это та существенная потребность, которая на данном историческом этапе развития человека определяет главное условие существования и реализации совокупности иных потребностей человека. «Подавляющее число поступков, совершаемых людьми, диктуется инстинктом самосохранения» [4, 166]. Высшая потребность состоит в обеспечении выживания, развития и процветания каждого человека на Земле.

Высшие потребности человека имеют исторически конкретный характер, главное условие существования на данном историческом этапе развития человека. Удовлетворение высших потребностей предполагает деятельность человека по сохранению жизни на планете. Потребность сохранения жизни в настоящее время является в высшей степени актуальной проблемой. Деятельность по сохранению жизни на планете имеет статус высшей целесообразной деятельности человека. Способы сохранения жизни на разных исторических этапах развития имеют конкретно-специфический характер, поэтому законы развития человека также получают свой конкретно-специфический, исторический характер

Потребность как экономическая категория представляет собой общественную форму состояния естественных потребностей. Потребность как экономическая категория выражает отношения между людьми, возникающие по поводу воспроизводства совокупности потребностей людей. Это экономические отношения по определению значимости, порядка и последовательности удовлетворения потребностей в обществе в данном, исторически конкретном времени.

Актуальность потребности зависит от ее положения по отношению к насущной, объективно необходимой потребности. Насущными потребностями являются такие, которые для данного исторического периода обеспечивают главное условие выживания, развития и процветания человека и человечества. Главные потребности выживания могут быть названы высшими потребностями.

Высшие потребности отличаются на каждом историческом отрезке развития цивилизации. Общая характеристика высших потребностей может быть представлена следующим образом.

1. Высшие — это существенные потребности, они выделяются из совокупности потребностей тем, что выражают потребности существования и сохранения жизни человека, удовлетворение которых определяют другие потребности. Высшие потребности и их удовлетворение определяют наличие других потребностей. Высшие потребности открывают возможности существования других потребностей.

2. Высшие — это объективные потребности, внешние обстоятельства, которые реализуют действия совокупности потребностей. Объективность высших потребностей означает их наличие независимо от того, признают их люди или не признают. Наличие и реализация высших потребностей являются теми обстоятельствами, от которых зависит жизнь на Земле. Высшие потребности и их практическая реализация сохраняют жизнь, развитие и процветание человека и цивилизации. Деятельность человека по реализации высших потребностей является условием сохранения человеческой цивилизации. Отсюда деятельность человека, его поведение и выбор по сохранению жизни на планете имеют объективный характер, определяя насущную необходимость закона развития человека по сохранению жизни человека и цивилизации.

3. Высшие — это необходимые потребности, что означает обязательность их наличия. Высшие потребности имеют высшую степень их необходимости. Без высших потребностей и их реализации невозможно существование самой жизни. Высшие потребности выделяются из совокупности потребностей для того, чтобы определить первоочередные потребности людей, без которых невозможна жизнь на планете.

4. Высшие — это устойчивые потребности. Пока условия, вызывающие высшие потребности, стабильно сохраняются, до тех пор эти потребности остаются стабильными и в основном определяют устойчивое поведение людей по их реализации. Изменение условий существования людей вызывает появление новых высших потребностей. Новые высшие потребности выражают новое содержание и новое направление устойчивого поведения людей. Высшие потребности меняются в результате коренного изменения условий существования людей. Высшие потребности сохраняются, но под воздействием новых условий меняют свое содержание. Неизменным остается главное отличие высших потребностей по отношению к совокупности других — они остаются

главным условием сохранения жизни на планете. Таким образом, устойчивость действия высших потребностей сопровождается устойчивостью поведения и выбора людей на определенном историческом этапе развития общества.

5. Высшие потребности — повторяемые в течение определенного периода времени. Устойчивость высших потребностей и устойчивость поведения людей по их достижению означают повторяемость высших потребностей и поведения и выбора членов общества. Следовательно, закономерное развитие высших потребностей вызывает закономерное поведение и выбор людей по удовлетворению этих потребностей.

В результате возникновения, развития и удовлетворения высших потребностей происходит развитие человека на основе появления новых способностей, обогащающих содержание признаков и свойств человека. Развитие способностей и возможностей человека по удовлетворению высших потребностей проявляется как закон, позволяющий ему выживать, развиваться и процветать на соответствующих исторических этапах развития общества.

Закон, или, точнее, законы развития человека, представляют собой развитие способностей человека и его эволюцию от животного к сверхчеловеку — жителю Космоса на основе появления и реализации высших потребностей, обеспечивающих существование, развитие и процветание человека на разных этапах развития цивилизации. Отмеченная закономерность определяет «общее направление развития человека от примитивной универсальности человеческих индивидов ко все более всестороннему и свободному их развитию» [2, 79].

Законы развития человека

Законы развития человека имеют существенный, объективный, необходимый, повторяющийся и устойчивый характер. Сущность законов развития человека выражает появление и развитие способностей, обеспечивающих реализацию высших потребностей, которые способствуют выживанию и развитию человека и его цивилизации. Законы развития человека — это конкретно-исторические законы, выражающие появление способностей человека, которые он использует для выживания и развития цивилизации. Появление новых способностей человека является условием и гарантией преодоления противоречий данного исторического этапа и перехода к новому качественному состоянию человека и общества. Соотношение старых и новых способностей

человека показывает, что «в той или иной степени старое детерминирует возникновение нового...» [5, 36].

Законы развития человека имеют объективный характер. Для эффективного управления обществом и экономикой требуются новые способности людей. Законы развития человека позволяют приводить способности людей в соответствие с новым качественным состоянием общества и экономики. Знание законов развития человека, наличие необходимых способностей для решения усложняющихся задач развития позволяют заранее сформировать требуемые способности. Необходимые способности можно заранее обеспечить, осуществляя целенаправленное развитие способностей, талантов и требуемых умений.

Законы развития человека крайне востребованы в условиях современной технотронной, информационной и биологической революции. Законы развития человека позволяют эффективно и в полной мере использовать неисчерпаемый интеллектуальный потенциал человека. Законы развития человека позволяют определить главные направления совершенствования способностей человека. Совершенно очевидно, что переход от творческой деятельности единиц к массовой творческой деятельности многократно повышает общественную производительность труда, превращает каждого человека в высокопроизводительного работника. Развитие способностей формирует ситуацию, когда каждый человек окажется настолько эффективным, что добавочная стоимость многократно превысит пожизненно потребляемую стоимость каждым работником. В обществе появляются гигантские источники развития и процветания цивилизации.

Законы развития человека имеют устойчивый и повторяющийся характер. На отдельном историческом этапе развития сохраняются условия, определяющие конкретный характер поведения и выбора человека. Соответствующие для данного этапа способности являются востребованными, а поэтому устойчивыми. Пока существуют условия и высшая конкретная потребность человека — до тех пор конкретный закон развития человека оказывается устойчивым.

Исторически высшие потребности меняются, появляется потребность в новых способностях. Новый закон развития человека приходит на смену старому закону, поскольку изменились исторические условия жизни, появились новые потребности, в том числе высшие, поведение и выбор жизненно необходимых целей меняет содержание деятельности, возникает потребность в новом качестве способностей, закон развития человека получает новое содержание. Замена одного

закон развития человека другим происходит, если изменяются условия выживания человека на новом этапе развития. Новый закон развития человека отражает необходимость развития новых способностей, соответствующих новым реалиям действительности. Однако ядро закона остается неизменным — это наличие способностей человека, в наибольшей степени обеспечивающих выживание, развитие и процветание человека на конкретном этапе эволюции. Форма закона развития человека меняется, отражая необходимость новых способностей выживания, а ядро закона остается неизменным. Закон, по существу, выражает необходимость развития способностей человека, их соответствия требованиям времени.

Законы развития человека имеют конкретное выражение на разных исторических этапах развития общества. Высшая потребность существования вызывает к жизни исходный закон физического выживания человека. Под выживанием понимается такой уровень удовлетворения потребностей, при котором жизненные средства позволяют обеспечить физическое выживание человека. При этом выживание предполагает разные уровни удовлетворения физиологических потребностей. Минимальный уровень выживаемости соответствует прямому голоданию, физическому истощению и балансированию на грани смерти. Максимальный уровень выживаемости означает доступность продуктов питания, преодоление голодания, но качество продуктов питания остается низким, здоровье человека не увеличивает продолжительность жизни.

Развитие экономики предъявляет высокие требования к качеству рабочей силы, появляется возможность и необходимость полного удовлетворения физиологических потребностей людей. Закон физического выживания уступает место закону развития экономического человека. Закон выражает такой уровень удовлетворения потребностей, который включает качественное удовлетворение физиологических потребностей и рост удовлетворения духовных потребностей человека. Во многих развитых странах господствующим становится закон развития экономического человека. Период господства закона развития экономического человека будет продолжаться еще длительное время, учитывая, что многие развивающиеся страны находятся до сих пор на стадии физического выживания человека.

Распространение духовных потребностей в системе высших потребностей материального благополучия постепенно приведет к тому, что духовные потребности приобретут господствующее положение

среди высших потребностей человека. Закон развития экономического человека постепенно будет преобразован в закон развития гармоничного человека. Высшая потребность самовыражения «...объединяет нужды, связанные со стремлением человека к более полному использованию его знаний, умений, способностей, привычек, личного потенциала» [7, 5]. Самовыражение человека означает поиск своего места в мире, своего предназначения, которое позволяет в наибольшей степени быть полезным в конкретном виде деятельности.

Исследование материального благополучия населения в развитых странах показало, что при определенном, достаточно высоком уровне удовлетворения потребностей материального благополучия, чувство удовлетворенности людей не повышается, а даже снижается. Повышение чувства удовлетворенности наблюдается в том случае, когда потребность материального благополучия высокого уровня сопровождается распространением потребности в духовном развитии человека. Потребности духовного развития постепенно становятся высшими потребностями, определяя характер развития гармоничного человека.

Закон развития гармоничного человека является продолжением и развертыванием закона развития экономического человека. Закон развития гармоничного человека выражает практическую необходимость удовлетворения разнообразных духовных потребностей, имеющих цель обнаружить предрасположенность конкретного человека к той или иной практической деятельности. В конечном итоге закон развития гармоничного человека позволяет обнаружить способности, дарования и таланты каждого человека, определить склонность человека к конкретной деятельности, в которой он в максимальной степени реализует свое предназначение как активной созидательной силы на Земле.

В обозримом будущем закон развития гармоничного человека прорастет в закон развития творческого человека. Высшая потребность в массовом творчестве является родовым признаком человека. Творческая деятельность становится насущной потребностью, обеспечивающей прогресс и процветание цивилизации. Закон развития творческого человека создает условия выживания, материального благополучия и гармоничного развития всего человечества.

Уже в далеком будущем закон развития творческого человека закономерно «прорастет» в закон развития сверхчеловека. Это будет период появления потребностей в сверхспособностях человека. Закон развития сверхчеловека позволит решить нескончаемое число «зем-

ных» проблем и подготовить человечество к массовому освоению космического пространства.

На определенном этапе развития человечества неизбежно возникнет высшая потребность космического расселения человечества. К этому периоду человечество окажется полностью готовым к космическому расселению в результате предшествующего периода развития. Действие закона развития сверхчеловека подготовит человечество стать космическим человечеством. В свои естественные права вступит закон развития космического человека. Человек и человечество закономерно станут жителями Космоса.

Внимание к законам развития человека объясняется уже тем, что исследований в области перспектив развития человека практически нет в научной литературе. И это серьезный недостаток исследований, поскольку человек «виновен» в том, как складывается ситуация и в области естественных, и в области общественных наук и практик. Человек — центр всех наблюдаемых процессов, а законы его развития не являются предметом научных исследований. Человек — высшая ценность и цель бытия и от него зависит судьба цивилизации на Земле. Влияние человека на происходящие процессы возрастает в геометрической прогрессии. Изучение законов развития человека позволяет определить будущее человечества и его перспективу существования на Земле. Выяснение содержания законов развития человека позволяет установить направления развития цивилизации и условия сохранения жизни и человеческой цивилизации на Земле.

Взаимосвязь высших потребностей и законов развития человека прослеживается следующим образом. Высшая потребность физического выживания вызывает закон физического выживания человека. Высшая потребность материального благосостояния порождает закон развития экономического человека. Высшая потребность самовыражения определяет появление закона развития гармоничного человека. Высшая потребность самореализации диктует появление закона развития творческого человека. Высшая потребность в сверхспособностях сопровождается появлением закона развития сверхчеловека. Высшая потребность космического расселения человечества означает появление закона развития человека-жителя Космоса. Более того, «заключенная в человеческой сущности глубинная тенденция к самосовершенствованию, самоусложнению, переходу от низших ступеней к высшим, ко все большей идентичности самой себе есть объективная закономерность,

которая с необходимостью определяет порядок смены общественно-экономических формаций» [2, 78, 79].

Таким образом, законы развития человека — это существенные, объективные, необходимые, повторяющиеся и устойчивые конкретно-исторические свойства способностей людей, обеспечивающих реализацию высших потребностей в целях сохранения и совершенствования человеческой цивилизации.

Развитие цивилизации предполагает развитие человека, его способностей находить главные направления сохранения и развития цивилизации. Главная проблема цивилизации — проблема ее выживания, развития и процветания. Способы решения главной проблемы развития цивилизации — обнаружить факторы, способствующие ее достижению. Человек является источником проблем цивилизации и только человек способен решить жизненно важные проблемы человечества. Способом решения проблем цивилизации оказывается гуманитарное развитие человека. Развитие человека предполагает обнаружение высших способностей выживания, развития и процветания цивилизации. Итак, законы развития человека — это система экономических отношений развития способностей человека, обеспечивающих реализацию высших потребностей сохранения, развития и процветания цивилизации. Содержание законов развития человека отличается появлением, укреплением и развитием фундаментальных способностей, обеспечивающих появление новых, более развитых способностей. Развитие способностей человека образует ядро законов развития человека. Причем среди совокупности способностей человека выдвигаются такие, которые обеспечивают эффективное освоение и даже преобразование окружающего мира в интересах выживания, развития и процветания человека и цивилизации.

Выводы

1. Законы развития человека — это существенные, объективные и необходимые способности людей, обеспечивающие реализацию высших потребностей существования, развития и процветания человека и цивилизации.

2. Законы развития человека выражают развитие конкретно-исторических способностей людей, обеспечивающих реализацию высших потребностей в целях сохранения и совершенствования человека и цивилизации.

3. Законы развития человека — это система экономических отношений развития конкретно-исторических высших способностей человека, обеспечивающих реализацию высших потребностей сохранения, развития и процветания цивилизации.

Литература

1. *Арно А.* Тенденции индивидуализации личного потребления // Маркетинг. 2015. № 4.
2. *Васильева Т.С., Орлов В.В.* Социальная философия. Пермь, 1999.
3. *Рышкус В.В.* О формирующем качестве жизни человеческих потребностях // Философия хозяйства. 2012. № 1.
4. *Савельева М.В., Маслова О.В.* Пассионарность как мера активности человека и общества // Философия образования. 2008. № 3.
5. *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Эволюция, Космос, Человек (общие законы развития и концепции антропокосмизма). Кишинев: «Штиинца», 1986.
6. *Шиповская Л.П.* Человек и его потребности: Учеб. пособ. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2011.
7. *Яшкина Н.В.* Характеристика существующих теорий мотивации // Менеджмент и кадры. 2016. № 1.

References

1. *Arno A.* Trends of individualization of personal consumption // Marketing. 2015. No. 4.
2. *Vasilyeva T.S., Orlov V.V.* Social philosophy. Perm, 1999.
3. *Ryshkus V.V.* On the human needs that form the quality of life // Philosophy of Economy. 2012. No. 1.
4. *Savelyeva M.V., Maslova O.V.* Passionarity as a measure of the activity of a person and society // Philosophy of Education. 2008. No. 3.
5. *Ursul A.D., Ursul T.A.* Evolution, Space, Man (general laws of development and concepts of anthropocosmism). Chisinau: «Shtiintsa», 1986.
6. *Shipovskaya L.P.* Man and his needs: Textbook manual. M.: Alpha-M: Infra-M, 2011.
7. *Yashkina N.V.* Characteristics of existing theories of motivation // Management and personnel. 2016. No. 1.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Диктатура правды — будущее России в парадигме органической философии*

Аннотация. Рассматриваются культурная и природная необходимость существования современного российского общества, а также объективные условия выживания человечества, названные диктатурой правды. Исследуется интеллектуальное и нравственное содержание категории «правда»: адекватность мышления цивилизованного человека и воплощение справедливости в социально-экономических, политических, бытовых отношениях. Анализируется психологический аспект правды как упорядоченности чувств, самопознания и самопризнания современного человека. Нравственно-этическое содержание категории «правда» противопоставляется парадигме постчеловека. Правда рассматривается как часть «далекого» нравственного идеала, как воля к жизни, раскрытие природного и человеческого потенциала, стремление к красоте, истине, справедливости, без чего невозможно представить будущее России.

Ключевые слова: нравственный идеал, благо, будущее, парадигма органической философии, правда, постчеловек, Россия, справедливость, этнос.

Abstract. The scientific article considers the cultural and natural need for the existence of modern Russian society, as well as the objective conditions for the survival of mankind, called the dictatorship of truth. The intellectual and moral content of the category of «truth» is studied: the adequacy of the thinking of a civilized person and the embodiment of justice in socio-economic, political, domestic relations. The psychological aspect of truth as the order of feelings, self-knowledge and self-recognition of modern man is analyzed. The moral and ethical content of the category «truth» is opposed to the posthumous paradigm. Truth is seen as part of the «distant» moral ideal, as the will to life, the disclosure of natural and human potential, the desire for beauty, truth, justice, without which it is impossible to imagine the future of Russia.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Диктатура правды — будущее России в парадигме органической философии // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 45—55.

Keywords: moral ideal, good, future, Paradigm of Organic Philosophy, truth, posthumous, Russia, justice, ethnos.

УДК 330, 101
ББК 65в

Введение

«Правда» — русское слово, отражающее не только особенности языкового менталитета, но и концентрирующее в себе интеллектуальные, нравственные усилия многих поколений. Интеллектуальное содержание правды — это адекватность мышления, соответствие человеческого понимания мира той реальности, которая существует на самом деле. Нравственное наполнение категории «правда» предполагает реализацию справедливости в социально-экономических, политических и бытовых отношениях. Диктатура правды — нравственная и природная необходимость возвращения общества и отдельного человека к исходным законам жизни в определенных биолого-географических и культурных условиях, без чего невозможно будущее новых поколений. В настоящий момент с особой остротой стоит вопрос выживания человечества в условиях массовых болезней, искусственного уничтожения исходной генетической природы человека (разрушение социального института семьи, стихийное использование геной инженерии). Сама природа человека как биологического вида *Homo Sapiens* диктует четко определенные и неизменные условия выживания в биосфере и в космосе. Западный вариант глобализации, нацеленный на упрощение жизни, способствует усилению локального, эгоистического, сознания, поэтому современный цивилизованный человек-потребитель теряет представление о себе как значимой части человечества и вселенной, утрачивает чувство ответственности и ценности собственной жизни [4, 72]. Необходимость осознания собственной природы и назначения человека — это и есть диктатура правды, определяющая жизнь будущих поколений.

Биологическое и тесно с ним связанное культурное выживание — важнейшая задача для современной России. В решении данной проблемы может помочь органическая философия, парадигма которой концентрирует открытия нескольких поколений ученых, синтезирует естественнонаучные достижения и знания гуманитарных наук; формирует методологические основы для согласования научного, религиозного, художественного опыта познания мира и человека; создает осно-

ву соединения и воплощения в жизнь теоретического и практического знания. Поэтому целесообразно рассматривать будущее нашей страны с позиции органической философии и «правды» — ключевого понятия русской культуры.

Диктатура правды в возвращении к органической справедливости

Справедливость — важнейшая нравственная установка, формирующая правила общественной жизни, включающая в себя различные сферы отношений: от межличностной до международной. Именно понятие «справедливость» — исходное основание для определения нравственных категорий: «добро» («благо») и «зло». При этом для современной техногенной цивилизации справедливость — это доминирование народов, преуспевающих в экономическом и техническом развитии. Природные ресурсы планеты ограничены, и возникает вопрос о праве доступа к ним как источнику жизни для многих народов. Органическая справедливость (т. е. право на существование каждого отдельного этноса и возможность реализации своего самобытного исторического пути развития) — это важнейшая проблема современных международных отношений. От ее решения зависит выживание вида *Homo Sapiens* на планете Земля, так как глобальная унификация и исчезновение возможности появления новых этносов и культур знаменуют гибель всего человечества. Согласно парадигме органической философии, человечество может существовать только как мозаичная целостность неповторимых этнических культур. Таким образом, ключевой принцип равенства в концепции органической справедливости — это право на полноценную жизнь для каждого отдельного народа.

Правда, диктующая необходимость многообразия жизни, в парадигме органической философии выступает как детерминация будущего — сохранение многонационального культурного единства России. Сложность как признак устойчивости системы и высокая степень адаптации к меняющимся природным и культурным условиям — все это определено культурным многообразием России, которое показывает, что каждая индивидуальная жизнь неповторима и значима для Вселенной. При этом жизнь всегда представлена «как реальность, требующая внимания и ответственности, существующая не благодаря комфорту, а за счет напряжения сил, порою на грани возможного» [5, 209].

В парадигме органической философии правда противопоставляется категории зла. Все, что уничтожает жизнь в ее многообразии, — это зло. И относительно поведения человека добро и зло можно рассматривать

как противоположные, взаимоисключающие линии поведения. А в сфере духовной культуры, по мнению Льва Гумилева, добро — это «субстанция» и «тварный мир», зло — «вакуум», «бездна» [2, 483—484]. Несправедливость техногенной цивилизации — это борьба с природой, нарушение естественных биосферных процессов, искаженное представление о реальности в мышлении современного человека. Категория правды не позволяет поставить добро и зло на равные чаши нравственных весов, потому что благо (продолжающаяся из поколения в поколение жизнь) всегда более значимо.

Диктатура правды указывает на несправедливость виртуального (иллюзорного) мира, создаваемого для манипуляции, информационных войн. Дело в том, что ложь уничтожает нашу планету на духовном и материальном уровне, запуская механизмы войн и неоправданного потребления ресурсов так, что Земля начинает в прямом смысле слова терять вещество и энергию, которые безвозвратно уходят в открытый космос не только с запусками космических аппаратов. Но, с точки зрения Л.Н. Гумилева, массовая, искусственно спровоцированная человеком гибель живых организмов в биосфере — нарушение естественных энергетических процессов, или «унесение света» с Земли в космос [2, 480—481]. При этом диктатура правды указывает на то, что невозможно обеспечить безопасность одного народа, физически и культурно уничтожая другие, поскольку будущее человечества возможно только при условии сохранения многообразия (многоэтничности) антропосферы. Именно современной России волей-неволей отводится особая роль в решении международных правовых вопросов сохранения возможности самостоятельного исторического развития для многих народов, в сбережении природного богатства планеты и духовного потенциала человечества. Так, Россия обладает самой большой территорией, поэтому способна воздействовать на климат планеты [9], а ее этническое разнообразие указывает путь духовного согласования самых разных культур и народов.

Диктатура правды как преодоление суицидной парадигмы постчеловека

Диктатура правды — это отрицание возможности постчеловека. Идею постчеловека в культуре западной техногенной цивилизации можно понимать как результат трансмеханистического сознания. Постчеловек — иллюзия присутствия чего-то человеческого или человекоподобного в момент исчезновения человека как вполне определенного

культурного и природного существа. На основании идеи постчеловека создается парадигма, отрицающая ценность и целостность человеческой жизни. Парадигма постчеловека агрессивно отвергает достоинства естественности и самостоятельности развития человека как представителя биологического вида и как носителя определенной этнической культуры. Стремление к постчеловечеству — культурное и природное самоубийство, осуществляемое техногенной цивилизацией.

Правда концепции постчеловека заключается в глубоком разочаровании, в разрушении оптимистического жизнеутверждающего взгляда на мир. Это попытка преодоления несовершенства, исходящая из отрицания и ненависти к современному человеку, но абсолютизирующая возможности техники, созданной несовершенным и уродливым творцом. Диктатура правды призывает к гуманистической твердости, к воле и желанию бороться с нравственной деградацией, к сохранению руководящего, «надтехнического» значения человека в современном мире. Техносфера не должна продолжаться за счет биологической и духовной природы человеческого существа, потребляя все силы биосферы. Преображение техники, изменение вектора ее развития — важнейшая задача человечества. Так, согласно парадигме органической философии, развитие техники только тогда безопасно и созидательно, когда оно происходит в контексте определенных природных и культурных условий конкретного ландшафта. Здесь техника не должна быть универсальной и нейтральной относительно нравственных категорий добра и зла. Поэтому невозможен универсальный технический проект улучшения человека.

Техно-генетическое улучшение человека как путь к постчеловечеству — это уничтожение антропосферы в ее многообразии. Проект постчеловека — воплощение агрессивности и пессимизма, состояния, когда человек возненавидел сам себя. Поэтому справедливо замечание, что современная антропология превращается в антропофобию [6, 75]. Диктатура правды в парадигме органической философии говорит о необходимости возрождения человеколюбия как важнейшего принципа всех видов человеческой деятельности. И подобное возможно до тех пор, пока существуют самобытные этнические культуры, не утратившие духовные традиции, не разорвавшие окончательно органическую связь человека с окружающим природным ландшафтом. Человеколюбие, гуманизм возможны лишь тогда, когда человек рассматривается как идеал (духовный и физический). Подобный идеал существует в христианской культуре и представлен личностью Иисуса Христа. Инте-

грация религиозных и объективно-научных взглядов на природу и сущность человека формирует представление о нем как об уникальном отражении бесконечной Вселенной. Сколько людей, столько и таких отражений всего окружающего материального и духовного мира. При этом каждое отражение (отдельная личность) неповторимы и потенциально совершенны. Потенциал совершенства каждого человека можно реализовать лишь в конкретной жизни, в индивидуальном выборе и стремлении к высшему: истине, красоте, справедливости. Невозможно усовершенствовать человека технически, так как совершенствование — это индивидуальный творческий путь через переживание и приобщение к судьбам мира.

Таким образом, преодоление суицидной парадигмы постчеловека происходит благодаря восстановлению понимания сущности человеческой личности и возрождению принципа природоподобия техники. Известно, что в Древней Греции искусство и техника назывались одним словом «технэ» (τέχνη) и были тесно связаны с природой, у которой человек учился гармонии и совершенству. Со временем живописец покидает ряд каменщиков, плотников, гончаров потому, что те считают ненужным стремление к абсолютному идеалу в технической деятельности. Последующее развитие техники в европейской цивилизации представляет собой смирение человека с собственным несовершенством, своей духовной и физической ограниченностью. Человек стремится защитить себя от природы при помощи хитрости и самообмана — мнимого благополучия вне абсолютной истины и красоты. Но искусство и религия сохранили отпечаток миметичности — способности человека сострадать, стремиться, преображаться при помощи высших идеалов: истины, красоты, справедливости [3, 89—90]. Диктатура правды в парадигме органической философии показывает необходимость возрождения миметичности — человеческого стремления к идеалу, т. е. абсолютной нематериальной сущности материальной вещи. При этом выражение правды как нравственной, социальной, интеллектуальной категории невозможно без индивидуального и коллективного усилия, исходящего из глубокого опыта и памяти современного поколения (опыт передается от предков через знание и уважение истории своего народа).

Диктатура правды — возвращение к природе и культуре России

Правда — нравственная сила, отражающая внутреннюю упорядоченность чувств, развитое самопознание (и самопризнание), наличие

духовных идеалов, связывающих прошлое, настоящее и будущее. Воля к жизни, стремление к красоте, истине, справедливости — все это правда человеческого существования. Именно она дает человеку чувство уверенности, убежденности, оптимизма. Правда русской (российской) жизни заключается в межэтническом сотрудничестве, необходимом для мира, благополучия и процветания. И это не пустые слова, а реальность многокультурного мирного исторического взаимодействия живущих в России народов. Российский суперэтнос — биогеохимическая целостность, формируемая различными этносами, возникшими одновременно при сочетании разнообразных ландшафтов одного региона. Поэтому этногенез необходимо рассматривать как природный процесс биосферы Земли. Этногенез обладает дискретностью, прерывностью, а его важнейшие движущие силы — географический ландшафт, пассионарность и аттрактивность.

Пассионарность представлена микромутациями внутри человеческого вида, она изменяет стереотип поведения, благодаря чему этнос может пройти в своем развитии такие стадии, как «подъем», «акматическая фаза», «надлом», «инерция», «обскурация», «гомеостаз» и «депопуляция». При этом, с точки зрения Л.Н. Гумилева, формирование российского этноса связано с «пассионарным подъемом» на рубеже XII—XIII вв. Поэтому этнический возраст современного российского суперэтноса составляет примерно 800 лет. Именно на этот период выпадает сложный переход от фазы «надлома» к «инерции». Так, «надлом» в российском суперэтносе наступает после Отечественной войны 1812 г., а общая продолжительность этой фазы — не менее 200 лет. В связи с чем советский период истории представляет собой тяжелое и сложное время для нашей страны — время разрушения былого этнического единства. Но распад СССР Лев Гумилев считал результатом недальновидной этнической политики советского руководства. С точки зрения ученого, решающим и особенно драматичным для СССР оказался период с 1986 по 1989 г., так как именно в это время советское правительство сознательно игнорировало сам факт мультиэтничности российского общества и подталкивало этносы к созданию новых самостоятельных государств. «“Парад суверенитетов” не был запрограммирован в ходе этногенеза [1, 194]».

Правда в парадигме органической философии выступает как природная и культурная необходимость осуществления определенной индивидуальной и коллективной деятельности, без которой невозможно обеспечить жизнь будущих поколений. Природная необходимость,

следуя пассионарной теории этногенеза, говорит о том, что в современной России важно осуществлять не партийную политику (ориентированную только на власть и социально-экономические проблемы), а этническую (предполагающую комплексную реализацию различных культурных традиций обустройства жизни в определенном географическом пространстве). Духовно-нравственная составляющая правды для современной России — это сохранение веры как оптимистической и альтруистической настроенности чувств (неиссякаемого стремления к высшему и совершенному: истине, красоте, справедливости). Поэтому справедливо утверждение, что в современных условиях «главное для россиян... *вера*, да-да, именно так — ВЕРА! — *первая и последняя!*» [7, 26].

Парадигма органической философии позволяет говорить о том, что будущее России зависит сейчас от господствующих ценностей: будут ли преобладать эгоистические или альтруистические установки? Диктатура правды указывает на необходимость альтруизма как видоохранительного фактора для Homo Sapiens. Только оптимистическое жизнеутверждение и альтруистическая любовь дадут возможность сконцентрировать пассионарную энергию многих этносов для сохранения жизни и здоровья населения России. Важно сохранить и природу континента, и то этническое разнообразие, которое составляет мозаичную целостность России. Необходимо при этом помнить, что нравственной и природной установке правды всегда противостоит пессимистический индивидуализм, способный поставить точку в истории нашей страны и превратить ее в «удобрение» для других государств и народов, так как не все этносы доживают до своей старости. Так, парадигма органической философии помогает сформировать «нецивилизационный» (неэкономикоцентричный) подход в понимании общества, поскольку природная составляющая правды — это биогеохимический контекст существования человека, а нравственное наполнение — альтруистическая жизнеутверждающая любовь.

Честная, правдивая оценка наших знаний о развитии общества говорит о том, что западный подход (механицизм) не дает адекватного (объективного) представления, поскольку подвержен схематизации и направлен на достижение узкокорыстных целей (обеспечение материального благополучия человека и его господство над природой). Поэтому справедливо замечание: «Мир совсем не цивилизация, так же как хозяйство не экономика, народ не общество, труд не работа, а народно-хозяйственный уклад не общественно-экономическая формация

[8, 28]». Правда указывает на подлинные богатства, создаваемые природой и творческим созидательным переживанием личности. Это богатство памяти, любви, веры в лучшее будущее новых поколений, раскрывающих и преобразующих природное многообразие родной земли, способных ощущать единство Вселенной и свое место в ней. Так, «действительное богатство заключается в накоплении потенциала в человеке, обеспечиваемом единством поколений в территориальной общине» [8, 33]. Такое богатство не продается и не покупается, а создается оно мучительно в сложном природно-человеческом процессе этногенеза и определяет жизнь будущих поколений.

Заключение

Диктатура правды — это природная и культурная необходимость, определяющая жизнь современного человечества на планете Земля и в космосе. Осознание объективных законов, понимание реально существующей действительности требуют от современного человека решимости и оптимизма. Современной и будущей России необходим «далекый идеал» (представление о высших ценностях — раскрытие всего многообразия жизни, ее красоты, истины, добра). Путь к такому идеалу открывают вера и надежда. В «далеком идеале» нет места пост-человеку, так как сама его идея указывает на отказ от будущего для всего человечества. Будущее России — накопление, раскрытие природного и человеческого потенциала-богатства. Это будущее действительно есть, ведь еще не осознана и не пережита вся та бездна возможностей и способностей, доверенная народам нашей страны широтой территории и мозаичностью многоэтнического единства.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: СЗКЭО, ООО «Издательский Дом “Кристалл”», 2003. 608 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 560 с
3. Коптелова Т.И. Природоподобие цифровых технологий в парадигме органической философии // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 83—95.
4. Коптелова Т.И. Ультраэкономика и ультраэксплуатация: возможности преодоления в органической парадигме хозяйства // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 68—82.

5. *Коптелова Т.И.* Экология духа как основа социального проектирования в парадигме органической философии // *Философия хозяйства*. 2016. № 5. С. 205—212.

6. *Кутырёв В.А.* Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизм) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 73—86.

7. *Осипов Ю.М.* Россия в переделье (двадцать тезисов — 2020) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 11—26.

8. *Пшеницын И.В.* Русский мир и антимир цивилизаций // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 26—33.

9. *Zimov S.A.* Pleistocene park: return of the mammoth ecosystem // *Science*. 2011. T. 308. P. 796.

References

1. *Gumilev L.N.* Ritmy Evrazii: epohi i civilizacii. SPb.: SZKEO, ООО «Izdatel'skij Dom “Kristall”», 2003. 608 s.

2. *Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli. M.: AST, 2001. 560 s

3. *Koptelova T.I.* Prirodopodobie cifrovyh tekhnologij v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4. S. 83—95.

4. *Koptelova T.I.* Ul'traekonomika i ul'traekspluatatsiya: vozmozhnosti preodoleniya v organicheskoy paradigme hozyajstva // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 2. S. 68—82.

5. *Koptelova T.I.* Ekologiya duha kak osnova social'nogo proektirovaniya v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 5. S. 205—212.

6. *Kutyryov V.A.* Chelovek kak nesovershennoe sovershenstvo (antropokonservatizm contra transgumanizm) // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 73—86.

7. *Osipov YU.M.* Rossiya v peredel'e (dvadcat' tezisov — 2020) // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 11—26.

8. *Pshenicyn I.V.* Russkij mir i antimiry civilizacij // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 26—33.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Д.Н. ПЛАТОНОВ, Е.Х. ХАБИБУЛЛИНА

Почему в самодержавной России крепостническая система сохранялась так долго (к вопросу о факторах изменения типа хозяйственных систем)*

Аннотация. Рассмотрены исторические материалы, позволяющие переосмыслить взаимовлияние объективных и субъективных факторов смены хозяйственных систем в России, Великобритании, Франции, США. Далеко не всегда решающее значение в смене хозяйственных укладов имел материальный фактор более высокой эффективности производства нового уклада по сравнению со «старым». Важнейшую роль в процессах перехода к новым хозяйственным укладам в истории сыграли субъективные, часто нематериальные, факторы. В их число входят мировоззрение правящих слоев, а также разнообразные мотивы влиятельных сословий общества. В истории мировой экономики наблюдается процесс постоянного усложнения хозяйственных систем, а входящие в них уклады взаимодействуют нередко в парадоксальных формах. При этом хозяйственная эволюция продолжается.

Ключевые слова: Россия, хозяйственная система, хозяйственный уклад, факторы смены хозяйственных укладов, феодально-крепостная система, рыночно-капиталистическая система, рабовладение, община, «симбиозный» капитализм, факторы смены хозяйственных укладов.

Abstract. The historical materials allowing to rethink the mutual influence of objective and subjective factors of the change of economic systems in Russia, Great Britain, France, the USA are considered. The material factor of higher production efficiency of the new way of production, compared with the «old» one, was not always decisive in changing economic patterns. Subjective, and often immaterial, factors have played an important role in the processes of transition to new economic structures in history. These include the worldview of the ruling strata, as well as various motives

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Платонов Д.Н., Хабибуллина Е.Х. Почему в самодержавной России крепостническая система сохранялась так долго (к вопросу о факторах изменения типа хозяйственных систем) // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 59—74.

of powerful classes of society. In the history of the world economy, there is a process of constant complication of economic systems, and the structures included in them often interact in paradoxical forms. At the same time, the economic evolution continues.

Keywords: Russia, economic system, economic structure, factors of change of economic structures, feudal-serf system, market-capitalist system, slavery, community, «symbiotic» capitalism, factors of change of economic structures.

УДК 330.8
ББК 65.03

В России феодально-крепостническая система просуществовала достаточно долго, вплоть до 1860-х гг. Можно ли понять корни этого явления с позиций прежней теории смены хозяйственных систем, и как по-новому оценить влияние разных факторов, которые способствовали ему?

В XVIII столетии в России зарождался новый рыночно-капиталистический уклад. Но это происходило в очень своеобразных условиях. Петр Первый «прорубил окно в Европу». И он предвидел возможности обновления экономической структуры страны. Это выразилось в новых принципах его экономической политики. Так, например, тарифом 1724 г. он стремился развернуть экономику империи в сторону промышленной специализации. Но в дальнейшем эта стратегическая по своему характеру инициатива русского царя была постепенно сведена на нет его преемниками.

Протекционистский тариф 1724 г., введенный Петром, предусматривал до 75% пошлины на ввозимые иностранные товары. Суть этого тарифа была в том, что если аналогичные товары в стране производились в достаточных объемах, то пошлина на иностранный ввоз таких наименований поднималась до заданного максимума. Это привело к серьезным сдвигам в отечественном экспорте.

Статистические данные за 1725 г. показывают, что структура экспорта стала существенно меняться. В частности, 72% стоимости произведенных российских товаров приходилось уже на *готовые промышленные изделия и полуфабрикаты*, а 28% на традиционный сырьевой экспорт. В 1726 г. вывоз из России был в 2 раза больше, чем ввоз. Это был успех промышленной политики Петра Великого. Можно предположить, что он собирался постепенно поменять аграрную ориентацию России, сделав ее промышленной.

Но через некоторое время после его смерти начался отказ от наследия императора.

У истоков аграрной ориентации страны, закреплённой усилением крепостничества, стояли Анна Иоанновна и её фаворит Бирон. В 1731 г. был создан новый таможенный тариф, согласно которому существовавшая протекционистская пошлина снижалась с 75 до 20%. Это был настоящий подарок более развитой в промышленном отношении Западной Европе. Предусматривалось, что пошлина на промышленные товары, которые не производились в России, устанавливалась в размере всего лишь 5%. Российский рынок оказался совершенно незащищённым от иностранной конкуренции. *Новое промышленное производство в России стало невыгодным делом.* При Анне Иоанновне многие *иностранные компании*, потерявшие при Петре Первом свои привилегии, получили их вновь. Но на этом слом петровской стратегии не закончился.

С 1762 г. на российском троне — Екатерина Вторая, экономическая политика которой была достаточно противоречивой. С одной стороны, при ней крепостническая политика достигла своего апогея («Манифест о вольности дворянства»), а с другой — её действия в торгово-промышленной сфере способствовали становлению рыночно-капиталистического уклада. Так, были отменены некоторые государственные монополии и принят закон о свободе предпринимательства для всех слоёв населения. Политика Екатерины в отношении дворянства позволила этому сословию более активно заняться хозяйственной деятельностью в своих поместьях и прочих отраслях.

Основываясь на данных историка Б.Н. Миронова, можно утверждать, что в период с 1707 по 1918 г. именно хлеб был одним из основных продуктов биржевой торговли. Особенно сильно хлебные цены росли в период с 1761 по 1810 г. [4]. И этот период стал временем расцвета российского крепостничества.

Под влиянием роста цен на хлебные продукты в России начинается *новая экспансия крепостничества*, его рост «вглубь и вширь». В условиях отсутствия ярко выраженного про-промышленного курса к середине XVIII в. страна начала превращаться в поставщика недорогой сельхозпродукции, а также промышленных *полуфабрикатов*. Дело в том, что главным фактором сложившейся аграрной ориентации и сохранения крепостничества не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности выступил внешний — западноевропейский — рынок.

Но эта картина сохранения и расширения крепостного уклада была в России не повсеместной. Были и такие регионы империи, которые развивались по другому хозяйственному сценарию. Это Северо-

Восток европейской части (Предуралье) и Сибирь. Подавляющее большинство сельского населения этих регионов имело статус государственных крестьян. Они обладали значительной хозяйственной свободой: могли распоряжаться землей, закладывать ее, сдавать в аренду и даже продавать. Эти крестьяне платили государству подушную подать, а барщина у них была мало распространена.

Определенную часть промышленного производства в этом регионе, а также в нечерноземных районах производили мануфактуры, на которых применялся крепостной труд. Но со второй половины XVIII в. в ряде отраслей промышленности все шире начал использоваться вольнонаемный труд. Это тенденция особенно сильно проявилась в российской текстильной промышленности, где применялся труд крестьян-отходников. Они были формально крепостными, но находились на оброке. Поэтому местный помещик нередко отпускал их на работу в мануфактуры, и часть заработанных денег они отдавали своему землевладельцу.

При Екатерине Второй начинается процесс вытеснения крепостного труда из мануфактурной промышленности. Но он лишь набирал силу и получал соответствующее правовое оформление. В 1762 г. вышел указ, запрещающий покупать крепостных для промышленных предприятий. Все мануфактуры, основанные после 1762 г., работали исключительно на вольнонаемном труде. Именно в 1760—1770-е гг. были заложены основы формирования рынка вольнонаемного труда. А к концу XVIII в. в Российской империи работало уже примерно 400 тыс. наемных рабочих. В целом, в императорской России начал формироваться своеобразный *«симбиозный» капитализм, в котором переплетались несколько укладов: растущий, рыночно-капиталистический, и старый, крепостнический. Последний содержал в себе ряд важных элементов хозяйственного уклада сельской общины, ее обычаев и традиций.*

В рамках этой сложной хозяйственной системы произошло *приспособление феодально-крепостнического уклада*, — как в аграрной, так частично и в мануфактурной промышленности — к западноевропейской рыночно-капиталистической системе. При этом в России шел рост числа капиталистических предприятий, основанных на вольнонаемном труде. И долгое время этот новый уклад сосуществовал с «уходящим» крепостническим.

Итак, именно под воздействием внешнего спроса на наши сельскохозяйственные продукты со стороны Западной Европы, и прежде всего, Великобритании, крепостное право в России стало расширяться, и никакого упадка этот уклад не переживал, несмотря на его относи-

тельно низкую продуктивность. Но этот факт относительно низкой производительности с гектара в российских условиях не имел существенного значения для главных получателей доходов от использования крепостной формы хозяйства.

Россия снабжала и кормила многие западноевропейские страны, создавая для них относительно дешевую продовольственную и ресурсную производственную базу. И тем самым она во многом обеспечивала Западной Европе, и, прежде всего, Англии, опережающий уровень промышленного развития. В то же время это искусственно продлевало жизнь крепостнического уклада в России.

Изначально, для классического крепостного хозяйства, адекватной была *не рыночно-ориентированная, а натуральная система* хозяйства. Однако в условиях бурного развития капитализма в Западной Европе крепостничество в России стало *укладом, ориентированным на западноевропейский рынок*, обслуживающим рост рыночно-капиталистической системы Запада. В силу *рыночной ориентации* российский феодально-крепостной уклад можно было бы назвать «вторичным» крепостничеством. В то же время это явление опиралось на элементы, обычаи и традиции общинного уклада.

В объяснении процессов смены хозяйственных систем господствовавшая прежде теория решающее значение придавала *объективным, от воли людей не зависящим, материальным факторам* изменений в экономике. Капиталистический уклад считался а priori более производительным по сравнению с феодально-крепостным, а из этого следовало, что в период развития капитализма он должен был *неизбежно* вытеснить крепостной уклад.

Но преимущество в производительности труда могло проявиться только в ситуации «прочих равных», т. е. если рассматривать действие этого фактора безотносительно к прочим обстоятельствам. На самом деле, действие прочих факторов требует прояснения. Они нередко действовали в направлении «нейтрализации» материальных преимуществ нового уклада по сравнению со старым. Часто бывало так, что старый уклад обеспечивал более высокую эффективность, по сравнению с новым.

В прежней схеме смены укладов в достаточной мере не были учтены взаимовлияния разных «прочих», по отношению к эффективности производства, факторов, что уменьшало объяснительную силу старого подхода. Поэтому и основной вывод — о закономерной неизбежности вытеснения старого экономического уклада новым — нередко расходился с историческими реальностями.

Конкретный исторический материал дает возможность уточнить и переосмыслить прежние теоретические подходы.

Обратимся к истории экономики Англии. В XVI в. доходы английских помещиков в связи с «революцией цен» резко упали, поскольку они получали от крестьян фиксированную денежную ренту. В этих условиях необходимо было принимать решения, которые улучшили бы их экономическое положение. Английские лендлорды повысили величину денежной суммы оплаты за переход имущественных прав от отца к сыну. В результате, крестьяне, которые в большинстве своем не могли выплачивать такие денежные суммы, лишились своих наделов. Такие земельные участки превращались в пастбища для выпаса овец и сдавались в аренду фермерам. Эти преобразования привели к окончательному установлению нового капиталистического уклада в сельском хозяйстве Великобритании.

В том, что английским лендлордам удалось осуществить достаточно быстрый переход к новому, рыночно-капиталистическому, укладу в сельском хозяйстве, важную роль сыграли *несколько* факторов.

Ключевое значение имела благоприятная *общеекономическая ситуация*. Дело в том, что во второй половине XVI столетия в Европе наблюдался стабильно растущий спрос на шерсть. Более высокая эффективность (производство прибавочного продукта) в фермерском укладе явилась результатом благоприятной *рыночной конъюнктуры*, связанной с высоким спросом на шерсть. Она не была обусловлена появлением новых технологий в животноводстве или технических новаций.

Субъектом смены укладов выступили земельные собственники, которые были *материально заинтересованы* в преобразовании хозяйственной системы.

Еще одним немаловажным фактором, существенным для смены укладов в Англии, были благоприятные для землевладельцев правовые условия.

Подчеркнем еще раз, что эволюция аграрной системы в этой стране произошла за счет одновременного действия *нескольких благоприятствующих этому факторов, а также в силу наличия заинтересованного сословия*. В английской экономической истории наблюдалось достаточно *уникальное сочетание* комплекса субъективных и объективных общехозяйственных и правовых, «желательных» и «возможных», факторов, *действовавших в одном направлении*. Результатом этого взаимодействия явилось достаточно быстрое развитие капиталистических форм сельского хозяйства. Но такое взаимодействие наблюдалось исключительно в Великобритании.

При анализе процессов становления капиталистического уклада в Англии с позиций прежней теории значению названных факторов было уделено недостаточно внимания. Но системоопределяющим фактором перехода к новой форме производства считалась производительность труда. При таком подходе происходило преуменьшение значения фактора спроса на шерсть. Последняя причина и порождала высокую эффективность нового производства. Если бы не было зафиксированных хозяйственных условий, рыночно-капиталистический уклад не смог бы утвердиться и принять необходимые формы. Получается, что смена укладов в данной ситуации не была закономерной. Аналогичные рассуждения могут быть проведены и в отношении влияния фактора благоприятной правовой среды.

Нельзя допускать смену смысловых акцентов при анализе факторов эволюции систем хозяйства. Это приводило к необоснованному усилению идеи *неизбежности* смены укладов. Тем самым подготавливалась теоретическая база для обоснования закономерности свержения капиталистической системы и для создания мифов евроцентризма. По определению С.Г. Кара-Мурзы, евроцентризм — это «особая идеология Запада, возникшая вместе с капитализмом в недрах протестантского мироощущения. Это идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что *все* народы и *все* культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития» [1, 292].

Что касается вопроса о смене господствующего уклада в условиях российского сельского хозяйства XIX в., то здесь ситуация была совершенно иной, по сравнению с Англией. Все вышеперечисленные факторы, действовавшие в английской экономической истории в благоприятном капиталистическому укладу сельского хозяйства направлении, в России работали в направлении, симметрично противоположном. Рассмотрим это подробнее.

Первым, объективным и наиболее важным фактором *продления существования* феодально-крепостнического уклада в сельском хозяйстве был благоприятный общеэкономический контекст, а именно, наличие внешнего спроса на русскую сельскохозяйственную продукцию, производимую крепостными хозяйствами, со стороны Западной Европы, в особенности Англии. Внешний спрос обеспечивал российским помещикам достаточно высокие и относительно стабильные доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции. Поэтому второй фактор смены укладов, проявившийся в примере по Англии, т. е. высокий уровень производительности труда, не играл в российских условиях какой-либо значимой роли. Кроме того, у российских помещиков *не*

было материальной заинтересованности в замене «старого» хозяйственного уклада на новый, капиталистический,

Далее, что касается правовых условий, то здесь также наблюдалось разительное отличие российской ситуации от английской. Наше законодательство имело несравнимо более мягкий по отношению к крестьянам характер, нежели английское, которое К. Маркс назвал «кровавым». Поэтому, даже если предположить возможность возникновения некоей выгоды (большей эффективности) от смены «старого» хозяйственного уклада на новый, правовых *рычагов для* повторения «успешного опыта» насильственного сгона крестьян с земли у российских помещиков не было.

Таким образом, в России, в отличие от Англии, сразу *несколько факторов действовали в пользу продления жизнеспособности крепостного уклада* в сельском хозяйстве. Эти обстоятельства как бы «нейтрализовали» потенциальные преимущества капиталистического уклада в производительности труда в условиях России. Имеющиеся реальные доходы российских землевладельцев от использования крепостного уклада, работавшего на экспорт, при переходе на новые условия хозяйства с большой вероятностью были бы для них потеряны, а выгоды от возможной новой системы были далеко не очевидны. Такую перспективу российские землевладельцы хорошо понимали. Поэтому перевод хозяйств на новые принципы организации был для них не актуален.

Изучая влияние *субъективных факторов*, отражающих интересы затрагиваемых процессом смены хозяйственных укладов субъектов, необходимо рассмотреть *более широко и мотивацию, и сам круг лиц*, имеющих возможность повлиять на сохранение старой системы хозяйствования.

Старая схема объяснения причин обновления хозяйственных систем преуменьшала значение или искажала смысл действия субъективных факторов. В первую очередь большое значение имело мировоззрение представителей *правлящих сословий общества*. Лучшие представители господствующих сословий заботились не только о своих личных выгодах, но и о первоочередных нуждах своих крестьян. Некоторые из них даже отпускали крепостных на волю. Так, граф А.Х. Бенкендорф, русский офицер, герой войны 1812 г., отпустил своих крепостных в Лифляндии в 1816-м, а в Тамбовской губернии — в 1818 г. Причем крестьяне не только были наделены землей, но и получили начальные денежные средства. Кроме того, за каждого из них граф Бенкендорф заплатил подати в государственную казну за пять лет вперед [3]. Еще один пример такого рода можно найти в работах историка И. Купермана (псевдоним К. Осипов), в которых приведены сведения о том, что

великий полководец, генералиссимус А.В. Суворов на своих землях заменил натуральный оброк на денежный, причем в минимальном размере. При этом угодья, леса и реки он отдал в свободное пользование крестьянам [5].

Ликвидация крепостничества была произведена в России вовсе не в силу его устарелости из-за низкой эффективности «старого» уклада. Реформа аграрного сектора была осуществлена, главным образом, в силу действия *субъективного фактора* — личного выбора правителей России, которые по своему мировоззрению были настоящими христианами. А христиане в каждом человеке видят образ Бога, и это мотивировало правящие слои к освобождению от тяжелых форм личной зависимости крестьян. Русские государи также понимали необходимость реформирования аграрной сферы, исходя из целей долгосрочных целей усиления страны и сохранения социального мира. Решение о проведении реформы было принято вопреки чаяниям помещиков, заинтересованных в продлении существования крепостничества. Преобразования аграрного сектора были осуществлены постепенно, усилиями нескольких русских монархов.

Еще начиная с императора Павла, русские государи *проявляли стремление к улучшению положения крепостных* крестьян. Была сделана попытка ограничить число барщинных дней до трех.

Александр Первый в 1803 г. издал закон «о вольных хлебопашцах», по которому каждый дворянин мог освободить своих крепостных крестьян от личной зависимости, оговорив за собой получение определенного выкупа за землю. Условия выкупа прописывались в двустороннем договоре с крестьянами. При этом уже с самого момента заключения договора крестьяне становились лично свободными.

При Николае Первом, в период с 1837 по 1841 г., была проведена реформа государственных крестьян, по которой были увеличены земельные наделы малоземельным крестьянам. Кроме того, была расширена система самоуправления, открыты школы и больницы. На момент проведения реформы в Российской империи насчитывалось 19 млн государственных крестьян, что составляло 27% населения. В результате этой реформы был накоплен опыт решения крестьянского вопроса, который был использован при подготовке основной части реформы 1861 г. Ее провел Александр Второй, причем указ об отмене крепостного права был подготовлен Патриархом Филаретом, который взял за основу проект славянофила Ю.Ф. Самарина.

Продолжили и завершили эпоху реформирования Александр Третий и Николай Второй.

Исторические материалы по устранению крепостничества в России показывают, что этот уклад не был «объективно вытеснен» более

производительным капиталистическим укладом. Он был упразднен вовсе не под давлением «объективных законов», связанных с материальными преимуществами нового уклада, а под воздействием субъективного, нематериального фактора — личной воли правителей России. Они не были *материально заинтересованными* в этой реформе, скорее она несла для них определенную личную опасность из-за того, что шла вразрез с интересами влиятельной части класса помещиков. Но российские государи решились на проведение в жизнь своих замыслов, исходя из стратегических интересов страны и всего народа в целом. Здесь сработала их личная нравственная ответственность за всех своих подданных.

Сосуществование разных укладов, старых и новых, было характерной чертой развития рыночно-капиталистической системы в России. Внешний спрос со стороны рынка западноевропейских стран явился «запускающим фактором» *сохранения* и в какой-то мере искусственного расширения крепостнического уклада. Но рассматриваемый сектор крепостнического уклада был особым, экспортоориентированным, а не натуральным хозяйством. Это было не классическое крепостничество, как во Франции, а скорее, «нео-крепостнический» уклад. Важную роль в жизнеспособности этого уклада играла его глубокая подоснова — общинный строй, который господствовал в русской деревне при сохранении народных обычаев и традиций.

В другом историческом случае экспортная ориентация стала фактором «второго дыхания» рабовладения.

Промышленный переворот начинался в быстро растущей хлопчатобумажной отрасли, которая основывалась на технических достижениях Великобритании, но в значительной степени обеспечивался за счет хлопка-сырца, производимого рабовладельческой плантационной системой Юга США. Так, по данным статистики, известно, что в 1860 г. доля США в мировом производстве хлопка-сырца достигла 66% [6, 208]. *Если бы не плантационная система, построенная на рабстве, в Западной Европе и в США не произошла бы полноценная промышленная революция.* Воздействие рабовладельческого и капиталистического укладов было взаимным. С одной стороны, плантационное рабство создавало мощную «подпитку» для роста промышленного капитализма дома и в Западной Европе, а с другой — растущий капиталистический уклад *продлевал сохранение рабства.*

Каковы причины длительного сохранения жизнеспособности этого уклада?

В прежней теории утверждалось, что решающее значение в смене укладов имел один главный фактор — более высокий уровень производительности труда. Этот тезис опирался на правдоподобную,

но достаточно умозрительную идею о том, что новый уклад якобы всегда создает более высокую производительность труда. Предполагалось, что технология нового уклада всегда имеет преимущества перед старым укладом. Но новые исследования показали, что сильная личная мотивация не всегда может создавать самую эффективную технологию.

Дело в том, что изучение производительности труда при плантационном рабовладении на Юге США показали, что в данном случае *в рабовладельческом укладе достигался более высокий уровень производительности труда по сравнению с трудом лично свободных наемных работников*. Этот вывод, полученный американскими историками Р. Фогелем и С. Энгерманом, был опубликован ими в книге «Время на Кресте» в 1974 г., а в 1993 г. исследование было удостоено Нобелевской премии. Историки рассчитали, что на южных рабовладельческих плантациях США производительность труда была на 35% выше, чем на Севере [8]. Было показано, что такой высокий уровень производительности труда достигался за счет того, что рабы на плантациях сами создавали *сложно организованное и эффективное производство*. Плантаторы не вмешивались в организацию труда и быта рабов, управляющими почти всегда были сами афроамериканцы.

Вывод о том, что труд рабов на плантациях Юга США был *более производительным, чем труд наемных белых рабочих*, подтверждают следующие сведения. Во время сбора урожая хлопка рабов не хватало, и на этот период обычно нанимали белых рабочих. В среднем выработка свободных белых рабочих была вдвое ниже, чем у рабов, и поэтому вознаграждение их труда было также вдвое ниже, чем у рабов. Как отмечают американские авторы рассматриваемого исследования, у белых протестантов просто не получалось освоить сложную организацию коллективного труда, которую применяли негры. Более высокая производительность достигалась за счет *бригадной организации* труда, в которой применялись *кооперация и специализация*. Например, бригады могли состоять из пяти работников, при этом первый — взрыхлял землю; второй — разбивал комья земли; третий — делал лунки для семян; четвертый — сажал семена; пятый — прикрывал лунки землей.

Как справедливо подчеркивает известный российский ученый, профессор С.Г. Кара-Мурза, «история самоорганизации африканских рабов в США, которые на плантациях соединялись в общины и становились трудовыми коллективами, важна для понимания *культуры общинных структур* незападных народов. В том числе и культуры крестьянских общин России. Рабы *в критических условиях* и в чуждой культурной среде создали *самобытную технологию, опираясь на опыт, навыки и нормы своей культуры*. Они приспособились к условиям и стали ценными работниками, а затем большой и важной общностью,

почти большим особым народом в нации США. Для нашей темы можно сказать, что их организация, уклад труда и быта три века влияли на специфическую... [хозяйственную систему] Юга США. Это был опыт создания общественного строя, непохожего на “современный капитализм”... Ошибка марксистов... заключалась в том, что они *ставили знак равенства между докапиталистическими формами и некапиталистическими*. Если видеть в общине только ее формационное содержание, то она, будучи “докапиталистической” формой, в конце XIX века выглядела как *пережиток и архаика*. Если же рассматривать общину как продукт культуры, то в ней виден *гибкий и содержательный уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базами*. Инерция этой ошибки очень велика. Многие экономисты [до сих пор] продолжают исходить из догмы абстракции формационного подхода...» (курсив наш. — Д.П., Е.Х.) [1, 307—308].

Приведенные исторические данные по американскому рабовладению и российскому крепостничеству показывают, что их устранили не в силу более низкой производительности старого уклада по сравнению с новым, а вследствие воздействия целого комплекса разнообразных факторов.

Наиболее существенными в решении судьбы рабовладения в США были объективные *экономические факторы*. *Фактор растущего спроса на хлопок* со стороны промышленных предприятий Севера США и Западной Европы способствовал эффективности рабовладельческих плантаций Юга США. В свою очередь наличие спроса на продукцию Юга создавало стабильные и высокие доходы для землевладельцев Юга. А это приводило к *заинтересованности* плантаторов в сохранении и даже расширении рабовладельческого уклада.

Что касается северян, то они проявили *заинтересованность в экономическом ослаблении позиции южан*. Они рассчитывали, что с отменой рабства Гражданская война против южан будет выиграна, страна сохранит целостность, но при этом позиции южан ослабнут. В этих условиях северянам будет проще проводить защитительную политику в отношении своей промышленности, невзирая на интересы южан проводить политику свободной торговли. Промышленники Севера надеялись также, что отмена рабства поможет смягчить проблему нехватки рабочих рук за счет возможности притока на рынок труда бывших рабов.

Большое значение для северян имели *западные земли, на которые претендовали плантаторы Юга*. В этом аспекте создавалась заинтересованность северян, в том числе вновь приехавших в США переселенцев, в отмене рабовладения. Позиции плантаторов после отмены рабства действительно ослабели, и вскоре был принят закон о гомсте-

дах, который позволил почти задаром (при уплате сбора в 10 дол.) получить в собственность крупные участки земли (размером 64,75 га) всем желающим, кроме участников Гражданской войны на стороне Юга против Севера.

На отмену рабства сильно повлияла общеполитическая ситуация в США. Решение было принято, чтобы добиться перелома в ходе гражданской войны в пользу северян. Они надеялись, что отмена рабства позволит привлечь на их сторону негритянское население, которое составляло 4 из 9 млн всего населения Юга.

Наконец, на отмену рабства воздействовал также и *субъективный фактор нематериального характера*: личная позиция части американских граждан, которые выступали за отмену рабства, исходя из нравственных убеждений и христианского принципа равенства всех людей перед Богом.

Но юридическое освобождение от рабства не принесло бывшим невольникам заметного улучшения положения. Они не получили землю и, оставшись без средств к существованию, вынуждены были наниматься на работу за минимальную плату. В отличие от белых, афроамериканцы получили лишь часть свободы, которая полагалась гражданам США. Борьба с узаконенной расовой сегрегацией им предстояло еще более ста лет. А «суд Линча» просуществовал еще полтора века (последний приговор по нему состоялся в 1997 г.).

Затянувшееся на три столетия использование рабовладельческого уклада в США и последующее развитие капитализма показывают прозорливость уникального русского мыслителя К.Н. Леонтьева (1831—1891), считавшего, что «...рабство никогда не уничтожилось вполне и не только не уничтожится, но, вероятно, вскоре возвратится к новым и, вероятно, более прочным формам своим» (цит. по: [2, 169]). И действительно, в современную эпоху рабство встречается достаточно часто, но принимает рыночно-капиталистические формы выражения. Корень неистребимости его в том, что рабство становится *морально приемлемым* для людей, считающих увеличение прибыли основным смыслом жизни. Это связано с массовым отходом населения западных стран от христианских норм, что именуется *апостасией*.

В связи с нашей проблемой интересен пример из экономической истории Римской империи. В 395 г. н. э. произошел распад Римской империи на две части: западно-римскую и восточно-римскую (византийскую).

В западно-римских условиях сосуществовали и взаимодействовали два уклада, которые определяли характер хозяйственной системы — рабовладельческий и свободный, крестьянский уклад. При этом крестьянский уклад играл определяющую роль, поскольку именно он

обеспечивал римскую армию воинами, которые добывали рабов. *Получается, что уклад свободного крестьянского хозяйства в Западной Римской империи обеспечивал жизнеспособность рабовладельческого уклада.*

Со временем крестьянские хозяйства стали приходить в упадок и разоряться.

Ослабление роли свободного уклада снижало жизнеспособность рабовладельческого. Таким образом, мы видим, что хозяйственная система может существовать, опираясь на симбиоз двух хозяйственных укладов, и ослабление одного из них ведет к упадку всей системы в целом.

Есть и другие примеры, ярко иллюстрирующие процесс смены хозяйственных укладов. В ходе Французской революции конца XVIII в., как показали исследователи, изучавшие этот период, феодальный уклад был устранен не по причине его проигрыша *в производительности труда*. В решающей степени это произошло вследствие действия *субъективного фактора*, сформировавшего негативное «общественное мнение». Это мнение отражало интересы представителей третьего сословия по поводу того, что они не могли рассчитывать «на первые роли» в государстве, что создавало рост напряженности во французском обществе. Негативное воздействие имели и объективные экономические факторы. В частности, революционным событиям способствовал невыгодный для французской промышленности договор о свободной торговле с Англией от 1786 г. Он привел к вытеснению французских товаров английскими и вызвал застой французской промышленности (см.: [7, 99—100]).

Рассмотренный исторический материал на примерах ликвидации феодальных систем в России, Великобритании, Франции, США и Римской империи показывает, что процесс *смены хозяйственных укладов* имеет сложный характер. Далек не всегда решающее значение в смене хозяйственных укладов имело материальное *преимущество новых укладов в производительности труда*. Важнейшую роль в процессах перехода к верховенству нового уклада в истории сыграли субъективные и нематериальные факторы — общехозяйственный, политический и геополитический контексты действовавших хозяйственных систем.

Резюмируя, можно сказать, что опыт России показывает пагубность «революционаризма» в экономической политике. Он не дает долгосрочных эффективных результатов, если его сравнивать с глубокими эволюционными преобразованиями хозяйственных систем.

Необходимо остановиться на новой модели России будущего. Революционный сценарий обновления хозяйственных укладов, осуществленный в начале XX в., не является единственной моделью изме-

нений к лучшему хозяйственного строя России. Возможны и другие, эволюционные варианты преобразования хозяйственной системы, например, в форме одной из версий модели «монархического социализма» (о котором размышлял К.Н. Леонтьев) или модели «гарантийного государства» русского евразийца Н.Н. Алексеева, а также его единомышленника П.Н. Савицкого, который выдвинул концепцию «хозяйно-державия», и другие модели русских мыслителей. В последние годы идет интенсивная разработка модели «русского неолиберализма», нацеленной на создание суверенной и «сильной экономической структуры», служащей интересам всех слоев населения, опирающейся на традиционные ценности русской цивилизации (школа философии хозяйства профессора Ю.М. Осипова).

В эволюции мировой экономики, как правило, имеет место процесс постоянного усложнения системы хозяйственных укладов и их, нередко парадоксальных, форм хозяйственного взаимодействия.

В рамках рабовладельческой, феодально-крепостнической или рыночно-капиталистической систем хозяйства отдельных стран могут причудливо переплетаться несколько хозяйственных секторов, унаследованных от прошлых хозяйственных систем.

Современная западная цивилизация США и Западной Европы получила важнейшие ресурсы для своего благосостояния и обгоняющего другие страны развития за счет длительного использования плантационного рабства на Юге США, а также крепостнического уклада в странах Восточной Европы (в том числе в Польше, Литве) и в России.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Российское обществоведение. Становление, методология, кризис. М.: Алгоритм, 2016.
2. Катасонов В.Ю. Русская социологическая мысль на рубеже XIX — XX веков. М.: Родная страна, 2015.
3. Матвейчев О.А. Не словом, а делом: [Электронный ресурс]. URL: <http://matveychev-oleg.livejournal.com/2035140.html> (дата обращения: 07.01.2022).
4. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л.: Наука, 1985.
5. Осипов К. Суворов. Рига: Латгосиздат, 1949.
6. Платонов Д.Н., Хабибуллина Е.Х. Экономическая история. М.: ТЕИС, 2018.
7. Худокормов А.Г. Социально-экономическая история Франции. М.: ИНФРА-М, 2020.

8. *Fogel R., Engerman S.* Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N. Y.: W.W. Norton and Company, 1974.

References

1. *Kara-Murza S.G.* Rossijskoe obshchestvovedenie. Stanovlenie, metodologiya, krizis. M.: Algoritm, 2016.
2. *Katasonov V.YU.* Russkaya sociologicheskaya mysl' na rubezhe XIX — XX vekov. M.: Rodnaya strana, 2015.
3. *Matvejev O.A.* Ne slovom, a delom: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://matvejev-oleg.livejournal.com/2035140.html> (data obrashcheniya: 07.01.2022).
4. *Mironov B.N.* Hlebnye ceny v Rossii za dva stoletiya (XVIII—XIX vv.). L.: Nauka, 1985.
5. *Osipov K. Suvorov.* Riga: Latgosizdat, 1949.
6. *Platonov D.N., Habibullina E.H.* Ekonomicheskaya istoriya. M.: TEIS, 2018.
7. *Hudokormov A.G.* Social'no-ekonomicheskaya istoriya Francii. M.: INFRA-M, 2020.
8. *Fogel R., Engerman S.* Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N. Y.: W.W. Norton and Company, 1974.

Т.В. ГУДКОВА

Фирма в цифровой экономике*

Аннотация. В последние десятилетия бурное развитие науки и техники, а также активное внедрение информационных технологий и интернета в экономическую жизнь вызвали изменения, связанные с развитием качественно новых — цифровых — технологий материального производства. Происходящие в цифровой экономике процессы меняют как внешнюю, так и внутреннюю среду фирмы, которая, проходя путь цифровой трансформации, из классического предприятия превращается в сложную сетевую структуру, становясь в дальнейшем частью цифровой бизнес-экосистемы. В статье на основе систематического обзора (с применением мета-анализа) публикаций в изданиях, проиндексированных в международных библиографических базах, классифицированы подходы научного сообщества к определению термина «цифровая экономика». Изучена методология цифровой транс-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гудкова Т.В. Фирма в цифровой экономике // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 74—94.

формации фирмы, а также влияние данного процесса на целевую функцию фирмы и на систему координации ее деятельности.

Ключевые слова: цифровая экономика, фирма, цифровая трансформация, цифровая бизнес-экосистема.

Abstract. In recent decades, the rapid development of science and technology, as well as the active introduction of information technologies and the Internet into economic life have caused changes associated with the development of qualitatively new — digital technologies of material production. The processes taking place in the digital economy are changing both the external and internal environment of the company, which, going through the path of digital transformation from a classic enterprise turns into a complex network structure, becoming part of the digital business ecosystem in the future. Based on a systematic review (using meta-analysis) of publications in publications indexed in international bibliographic databases, the approaches of the scientific community to the definition of the term «digital economy» are classified in the article. The methodology of the digital transformation of the company, as well as the impact of this process on the target function of the company and on the system of coordination of its activities is studied.

Keywords: digital economy, firm, digital transformation, digital business ecosystem.

УДК 334.012.23

ББК 65.012

Подходы к определению понятия «цифровая экономика»

Впервые концепцию *цифровой экономики (digital economy)* в 1995 г. сформулировал американский специалист в области информационных технологий Н. Негропonte [38], представив ее в форме «перехода от движения атомов к движению битов»¹. Параллельно с ним канадский ученый и предприниматель Д. Тапсоктт [46], изучив тенденции эволюции общества развитых стран, в своем исследовании определил основные признаки *цифрового общества (digital society)*, среди которых особое положение занимают: цифровая форма представления объектов, виртуализация производства, интеграция, конвергенция, устранение посредников, трансформация отношений «изготовитель — потребитель» [5] и ряд других.

С момента своего появления определение цифровой экономики претерпело значительную эволюцию, отражающую стремительно меняющийся характер технологий, внедряемых как в производство, так и

¹ *Бит* — единица измерения количества информации.

в социальную сферу. Изначально, в 1990-е гг., качественные сдвиги в экономике связали с появлением глобальной компьютерной сети *Интернет*, которая до сих пор считается основой цифровой экономики [3]. Осмысление экономических последствий внедрения интернета, являвшегося технологическим мейнстримом в этот период времени, легло в основу дефиниции «экономика интернета» [24], к которой принято относить компании, предоставляющие доступ к нему, и компании, которые этот доступ используют в своей деятельности.

По мере увеличения степени внедрения интернета стали появляться исследования, в которых уделяется значительное внимание условиям развития *интернет-экономики*. В подобных работах с помощью различных индексов оценивали параметры развития технологической инфраструктуры сети Интернет, доступа к ней и интенсивности ее использования [22; 33; 38; 44 и др.]. В этот же период были уточнены и структурные компоненты рассматриваемого явления (электронный бизнес, электронная торговля, цифровая доставка и т. д.) [34; 48 и др.].

В 2000-е гг. активное развитие *информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)*², важнейшей частью которых является интернет, стало катализатором глубоких качественных изменений в экономике, образовании, медицине, социальном обслуживании, культуре и в других сферах жизнедеятельности общества. Ряд исследователей начинают рассматривать ИКТ как движущую силу, способствующую экономическому росту [24], отмечая при этом и взаимное обратное влияние.

По мере развития ИКТ появились предпосылки для становления и все более широкого распространения *цифровых технологий*³, менявших облик практически всех сфер экономики. В 2010-е гг. как российские, так и западные исследования перестали ограничиваться вниманием к изменениям, происходящим в высокотехнологичных отраслях. Постепенно начинает увеличиваться количество работ, в которых изучается *процесс проникновения цифровых технологий в широкий*

² Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ, в настоящий момент ИТ) — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (подробнее см.: [17]).

³ Цифровые технологии являются частным случаем информационных. Одним из фундаментальных свойств информации в цифровом формате является возможность ее копирования и распространения без потери точности (информация не искажается при переносе с одного носителя на другой), а также идемпотентность сложения. На языке экономики это означает, что информация неконкурентна в потреблении и не исчезает (подробнее см.: [8]).

спектр традиционных секторов экономики и рассматриваются межотраслевые эффекты цифровизации [30; 35 и др.]. В этот же период времени активно начинают разрабатываться государственные стратегические программы развития цифровой экономики, направленные на создание системы правового регулирования процессов цифровизации, повышения качества жизни и управления государством, улучшения производственной инфраструктуры и других стратегических задач, связанных с развитием экономического потенциала страны на основе использования цифровых технологий [19; 27; 47 и др.]. В последние годы все чаще появляются публикации, анализирующие возможные риски и угрозы развития цифровой экономики [18; 31 и др.].

Несмотря на то, что в настоящий момент единый согласованный подход к определению понятия «цифровая экономика» как в России, так и за рубежом отсутствует, актуальные исследования и отечественных, и зарубежных экономистов указывают на то, что достаточно активно ведется разработка концепции цифровой экономики (*digital economics*) как научного направления, нацеленного на выявление фундаментальных причин и последствий проникновения цифровых технологий в реальную экономику [16; 20; 29; 42; 49 и др.].

Результаты анализа публикаций, представленных в электронных библиотеках и научных базах данных, показывают, что интерес к изучению данного феномена ежегодно увеличивается (табл. 1).

Таблица 1

Результаты поиска по базам данных и в научных электронных библиотеках (количество публикаций)

Ключевое слово «digital economy»			
База публикаций	1991—2000 гг.	2001—2010 гг.	2011—2021 гг.
Scopus	421	1 743	12 142
Web of Science	44	146	1 217
Google Scholar	94 700	877 000	1 100 000
Ключевое слово «цифровая экономика»			
База публикаций	1991—2000 гг.	2001—2010 гг.	2011—2021 гг.
eLIBRARY.RU	1 608	18 940	216 843
РГБ	7 393	54 414	78 231
Google Scholar	2 720	15 100	15 700

Источник: составлено автором на основе анализа тематических статей из баз данных.

Попробуем выделить несколько теоретических подходов к осмыслению данного феномена, позволяющих концептуализировать это явление.

Для классификации подходов научного сообщества к определению термина «цифровая экономика» был проведен систематический обзор публикаций с элементами мета-анализа. На первом этапе были отобраны исходные статьи по запросу «digital economy» и «цифровая экономика» в базе Google Scholar и проанализированы на соответствие выбранным критериям (рис. 1), после чего в финальной выборке осталось 48 статей.

Рис. 1. Процесс отбора статей по критериям (составлено автором на основе анализа тематических статей из баз данных)

Первый критерий устанавливал количество цитирований статьи. Вторым критерием отбора была публикация статьи в издании, проиндексированном в международных библиографических базах. С помощью третьего критерия были отобраны статьи, в которых содержались трактовки понятия «цифровая экономика».

На втором этапе по итогам анализа концепций цифровой экономики, разрабатываемых отечественными и зарубежными экономистами, статьи были классифицированы в соответствии с подходами к осмыслению данного феномена. Было выявлено, что значительное количество исследований посвящено *технологическим аспектам внедрения цифровых технологий* (технологический подход), часть из них раскрывает сущность цифровой экономики через *совокупное влияние технологий на социально-экономические процессы и на трансформацию бизнес-моделей* (факторный подход), а ряд авторов рассматривает *цифровую экономику как систему экономических отношений, основанных на широком внедрении цифровых технологий* (системный подход).

Для более глубокого анализа была использована программа QDA miner (рис. 2).

	2000	2010	русские авторы	зарубежные авторы	технологические аспекты	факторные аспекты	системные аспекты
A = 2000							
B = 2000							
Freq of A = 17							
Freq of B = 17							
Expected Freq = 6,6							
B follows A = 13 (76,5%)							
A precedes B = 12 (70,6%)							
% of sequences = 24,0%							
Z value = 2,26							
P = ,027							
2000	2,26	-2,25	-2,75	2,87	-0,49	1,17	-1,24
2010	-2,44	1,86	2,26	-2,58	0,05	-0,90	1,04
русские авторы	-2,61	2,01	2,40	-2,74	0,29	-1,45	1,33
зарубежные авторы	2,44	-2,06	-2,53	3,01	-0,61	1,88	-1,36
технологические аспекты	-0,54	0,33	0,58	-0,67	4,29	-1,66	
факторные аспекты	1,12	-1,06	-1,62	1,84		4,19	-1,87
системные аспекты	-1,11	0,93	1,21	-1,23			4,01

Рис. 2. Анализ закодированных данных в программе QDA miner (составлено автором на основе анализа тематических статей из баз данных)

Проведенный систематический анализ показал, что в зарубежных исследованиях природу цифровой экономики стали рассматривать еще два десятилетия назад и в основном с точки зрения влияния техно-

Трансформация фирмы в цифровой экономике

Современные поведенческие экономические теории рассматривают фирму как открытую социально-экономическую систему, которая находится в динамическом взаимодействии с внешней средой (рис. 4).

Рис. 4. Фирма как открытая социально-экономическая система (составлено автором)

Любая социально-экономическая система является трансформационной, «поскольку предполагает противоречие инерционности системы и качественных изменений в динамике социально-экономических отношений» [2]. В свою очередь, трансформация социально-экономической системы подразумевает изменение способов координации, отношений собственности, моделей мотивации, типа воспроизводства, целей и средств экономического развития, институтов и права, а также научно-технологический прогресс [13]. Таким образом, фирма, как и любая другая система, будет являться трансформационной в том случае, если происходят качественные, с философской точки зрения революционные [9], изменения ее основы. Основой трансформаций на современном этапе развития является *Четвертая промышленная революция (Industry 4.0)*⁴, которую все чаще начинают рассмат-

⁴Концепция Четвертой промышленной революции (*Industry 4.0*) была представлена в январе 2016 г. на Всемирном экономическом форуме его бессменным руководителем К. Швабом.

ривать как главный технологический тренд XXI в., а ключевым фактором трансформационных изменений, как мы определили, становятся цифровые технологии.

На данный момент четкого понимания и границ толкования термина, определяющего *цифровую трансформацию*, не сложилось. Как правило, в узкой трактовке ее рассматривают как переход от аналоговой системы к цифровой, но подобное преобразование является всего лишь *оцифровкой информации* (digitization). Следующий процесс, с которым часто ассоциируется цифровая трансформация, — это *цифровизация* (digitalization), которая является, по сути, улучшенным способом обработки оцифрованной информации и применяется для оптимизации уже существующих бизнес-процессов, принципы и структура которых при этом не меняются. В свою очередь, цифровая трансформация кардинально меняет все рабочие процессы, цепочки создания стоимости и внешние коммуникации фирмы, влияет на менеджмент и корпоративную культуру, а также преобразует бизнес-модели.

Одним из инструментов, позволяющим в фирме стать частью *бизнес-экосистемы*, является *цифровая платформа*. В мировой практике четкое определение данной бизнес-модели до конца еще не устоялось, но отечественные разработчики цифровых платформ, предприняли попытку сформулировать общую концепцию, которая будет совершенствоваться по мере тестирования на реальных проектах [5]. Цифровая платформа была определена ими как «система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда» [28]. Были определены и основные типы цифровых платформ: *инструментальная, инфраструктурная и прикладная* (табл. 2).

Стоит отметить, что данная типология носит достаточно общий характер, так как реально существующие цифровые платформы могут не соответствовать в полной мере признакам той или иной классификации, и зачастую фирма может одновременно создавать и выводить на рынок несколько цифровых платформ разного типа под одним брендом (например, как компания Apple)⁵.

⁵ Существуют и другие подходы к типологии цифровых платформ, с выделением таких признаков для их классификации, как используемые технологии, отраслевая принадлежность, масштаб, тип формирования цены на продукт и др. (подробнее см.: [14; 41 и др.]).

Таблица 2

Типология цифровых платформ

Тип платформ	Инструментальная	Инфраструктурная	Прикладная
Основа	Программные продукты для создания прикладных решений	Сервисы на основе сквозных цифровых технологий для работы с данными в пределах экосистем	Бизнес-модели для взаимодействия значительного числа участников рынка с целью обмена ценностями, позволяющие осуществлять транзакции в единой цифровой среде
Участники	Разработчики платформенных решений	Поставщики информации, разработчики и операторы платформ, разработчики и потребители цифровых сервисов	Поставщики товаров, услуг, ресурсов, потребители, операторы платформ и регуляторы
Процесс	Технологическая обработка информации	Обработка информации для принятия решений на уровне хозяйствующих субъектов	Обработка информации о транзакциях между несколькими экономическими субъектами
Примеры	Java, SAP HANA, Android OS, iOS, Intel x86, Bitrix, Amazon Web Services, Microsoft Azure, TensorFlow, Cloud Foundry и др.	General Electric Predix, ESRI ArcGIS, ЕСИА, «CoBrain-Аналитика», ЭРА-ГЛОНАСС и др.	Uber, AirBnB, Aliexpress, Booking.com, Avito, Boeing supplier's portal, Apple AppStore, Aviasales, Facebook, Alibaba, Yandex Taxi, Yandex Search, Predix Developer Network Appstore и др.

Источник: составлено автором на основе данных [11].

Стоит отметить, что данная типология носит достаточно общий характер, так как реально существующие цифровые платформы могут не соответствовать в полной мере признакам той или иной классификации, и зачастую фирма может одновременно создавать и выводить на рынок несколько цифровых платформ разного типа под одним брендом (например, как компания Apple)⁶.

Выделенные типы цифровых платформ в рамках цифровой бизнес-экосистемы образуют иерархию, обеспечивающую их функционирование в различных отраслях экономики. Концепцию *бизнес-экосистемы (business ecosystems)*, в которую входят компании, поставщики, потребители и даже конкуренты (взаимодействие с которыми помогает достигать больших результатов), сформулировал в конце прошлого столетия Дж.Ф. Мур [36]. В настоящий момент выделяют три основных типа *цифровых бизнес-экосистем* [6] (табл. 3).

Описывая технологическую составляющую бизнес-экосистем, исследователи пытаются проводить аналогию с процессами, протекающими в живой природе, в технической сфере, применяя законы экологии для информационного мира [25]. В подобной системе, взаимодействуя, партнеры и конкуренты создают единую команду, которая объединяет знания и ресурсы для совместной работы над проектами в режиме взаимной полноты информации, при этом продолжая соперничать в других процессах [1]. В цифровой бизнес-экосистеме меняется структура организации, происходит переход к сетевой экономике и экономике, основанной на знаниях, что обеспечивает непрерывные инновации, доступ к знаниям, глобальным цепочкам добавленной стоимости, специфическим сервисам и т. д. [26].

Как мы определили, системная интеграция компаний в цифровую бизнес-экосистему предполагает их цифровую трансформацию. Важным элементом методологии трансформации фирмы, как и любой другой социально-экономической системы, являются подходы к реализации данного процесса. Основными на данном этапе развития экономики являются *процессный, отраслевой и технологический подходы* к цифровой трансформации фирмы [7].

⁶ Существуют и другие подходы к типологии цифровых платформ, с выделением таких признаков для их классификации, как используемые технологии, отраслевая принадлежность, масштаб, тип формирования цены на продукт и др. (подробнее см.: [14; 41 и др.]).

Таблица 3

Типы цифровых бизнес-экосистем

Традиционная фирма	ЭКОСИСТЕМЫ		
	Функциональная экосистема	Платформа	Супер-платформа
РЕШАЕМАЯ ЗАДАЧА			
разработка и производство высококачественных продуктов с минимальными издержками	оцифровка существующих продуктов при поддержке партнеров, сохраняя низкую сложность управления	объединение сервисов и пользователей платформы для обеспечения высокого уровня обслуживания и снижения транзакционных издержек	объединение нескольких платформ в полностью интегрированной сервис, позволяющий одновременно собирать данные пользователей, интегрированных с супер-платформой
ВОЗМОЖНОСТИ			
<ul style="list-style-type: none"> • предоставлять продукт лучшего качества • получать доход от потребителей 	<ul style="list-style-type: none"> • добавлять новый функционал • получать доходы от потребителей • получать доходы от цифровых услуг 	<ul style="list-style-type: none"> • получать доходы от пользователей платформы • возможность использовать данные для смежных бизнес-моделей и сервисов 	<ul style="list-style-type: none"> • создавать большой объем пользовательских данных • возможность монетизировать данные с помощью смежных бизнес-моделей и сервисов
ХАРАКТЕРИСТИКИ			
тип взаимодействия с партнерами			
закрытый	закрытый	открытый	открытый
количество партнеров			
минимум 2	от 20 до 100	от 50 до 10 млн	более 10 млн
количество отраслей			
≈1	≈5	<5	>10

Источник: составлено автором на основе данных Boston Consulting Group/BCG (<https://www.bcg.com>).

В рамках процессного подхода цифровую трансформацию рассматривают как сквозную цифровизацию всех этапов создания стоимости — как основных, так и вспомогательных. Основами отраслевого подхода являются создание межотраслевых связей трансформируемой системы с другими отраслями, создание новых бизнес-моделей и сквозных цифровых процессов через традиционные стыки отраслей, а также трансграничная кооперация. Данный подход в настоящий момент получил наиболее широкое распространение в различных странах мира. Вполне очевидно, что технологический подход основан на совокупности технологий, внедрение которых обеспечивает трансформируемой системе переход в цифровое пространство. Безусловно, происходящие изменения будут оказывать существенное влияние как на целевую функцию фирмы, так и на систему координации ее деятельности. Рассмотрим данные аспекты подробнее.

Трансформация целевой функции фирмы

С точки зрения микроэкономического анализа основными целями любой фирмы в традиционной рыночной экономике являются сохранение (или расширение) ее рыночных позиций, а также стабильная прибыль (или ее рост). Целевая функция фирмы формализовано описывает связь цели функционирования фирмы со средствами ее достижения, а также соотношение между этими средствами и их альтернативы.

Как известно, целевой функцией фирмы в неоклассической экономической теории является *максимизация прибыли* [10], и для объяснения принципов ее достижения используется *технологическая концепция*⁷. В *институциональной теории*, обуславливающей экономические явления и процессы действующими в обществе институтами, поведение хозяйствующих субъектов ориентировано на соблюдение правил, принципов и норм поведения. *Новое институциональное* направление, нацеленное на исследование и разъяснение причин появления такого института, как фирма и, по аналогии с живым организмом, на обнаружение закономерностей его формирования, развития и исчезновения [4], рассматривает рынок и фирму как альтернативные способы заключения контрактов: рынок может представлять собой внешний контракт, а фирма — внутренний [21]. В новой институциональной теории целью фирмы также является стремление к прибыли, но при

⁷В соответствии с данной концепцией фирма ориентируется на выпуск, который потребует наименьших производственных издержек и при этом обеспечит максимальную прибыль.

этом особое внимание уделяется не производственным издержкам, а транзакционным⁸.

Поведенческая экономическая теория объединила психологию и экономическую теорию, в рамках которых исследуются происходящие в экономической системе и на рынках процессы, с учетом того, что отдельные агенты испытывают определенные трудности в принятии решений [37]. Общая эффективность функционирования фирмы зависит от согласованности процесса принятия решений, в связи с этим, в соответствии с *бихевиаристской теорией*, менеджеры не имеют возможности максимизировать целевую функцию фирмы, так как она претерпевает постоянные изменения в процессе ведения переговоров.

Согласно *управленческой теории*, целевая функция фирмы сформулирована в терминах максимизации роста продаж [23] при определенной норме прибыли [32]. Важно отметить, что неограниченная экспансия может привести к снижению рентабельности, поэтому данная модель может применяться только в условиях устойчивого и непрерывно растущего спроса фирмы. Данный подход может быть эффективен только в качестве промежуточной целевой функции фирмы.

В последние десятилетия XX столетия активно развивалась *теория создания стоимости для акционеров*, в соответствии с которой цель фирмы заключается в максимизации стоимости для акционеров [43]. В рамках данной теории существует несколько моделей целевой функции фирмы: Модильяни—Миллера [12], экономической прибыли и добавленной рыночной стоимости [45], добавленной стоимости потока денежных средств [40] и др. В рамках теории создания устойчивой стоимости *целевая функция фирмы* ориентирует компанию на удовлетворение не только интересов акционеров, а еще и других заинтересованных сторон (стейкхолдеров), что в свою очередь подразумевает построение соответствующей системы управления.

Модель цифровой бизнес-экосистемы также подразумевает взаимодействие нескольких групп заинтересованных сторон, которые совместно используют ее цифровые платформы для взаимовыгодных

⁸Транзакционные издержки были определены американским экономистом Рональдом Г. Коузом (Ronald Harry Coase) (1910 — 2013), лауреатом Нобелевской премии по экономике, как издержки использования рыночного механизма. В данное понятие экономисты позднее начали включать любые издержки, возникающие при взаимодействии экономических агентов как на рынке, так и внутри фирмы (издержки сбора и поиска всей необходимой информации для деятельности фирмы, издержки заключения различных контрактов, сделок, договоров и пр.).

целей⁹. Связывая заинтересованные стороны, цифровая бизнес-экосистема объединяет большое количество изначально автономных пользователей. Кооперируясь под единым брендом, экономические агенты начинают сотрудничать по принципу «win win»¹⁰ для получения большей экономической прибыли, чем в случае взаимодействия вне этой системы. Таким образом, если целевой функцией цифровой платформы является снижение транзакционных издержек (см. определение выше), то основная функция цифровой бизнес-экосистемы заключается в увеличении общей прибыли всех ее участников (партнеров, клиентов, конкурентов и др.).

Как мы уже отметили, цель функционирования фирмы определяют не только ожидаемые результаты ее деятельности в виде прибыли, а еще и уровень рыночного участия. Цифровые платформы в отличие от неоклассической фирмы в краткосрочной и среднесрочной перспективе рассматривают целью своего функционирования, кроме получения максимальной прибыли, еще и привлечение максимального числа пользователей, которое в рамках цифровой бизнес-экосистемы будет способствовать усилению сетевых эффектов платформы за счет увеличения количества ее участников (партнеров, клиентов, конкурентов и др.).

Для достижения стабильности архитектуры цифровой бизнес-экосистемы цели всех ее участников балансируются между собой для получения синергетического эффекта для всех заинтересованных сторон [15]. Важно понимать, что подобная система является слишком сложным механизмом, которым невозможно управлять «сверху вниз», как в традиционной экономике, контролируя все из одной точки. Цифровая бизнес-экосистема как саморазвивающаяся организация должна использовать *инновационные подходы к управлению*, при этом внедряя в данный процесс общие стандарты и правила.

* * *

Итак, происходящие в экономике изменения меняют как внешнюю, так и внутреннюю среду фирмы, которая, проходя путь цифровой трансформации, из классического предприятия превращается в слож-

⁹При этом цели могут быть не только коммерческими — сотрудничество, например, может быть нацелено на создание инноваций, в этом случае бизнес-экосистема выполняет роль источника ресурсов и знаний для развития компаний-участников.

¹⁰В терминологии теории игр Д. Нэша это стратегия, основанная на сотрудничестве и эффективной взаимозависимости, все участники которого остаются в выигрыше

ную сетевую структуру, становясь в дальнейшем частью цифровой бизнес-экосистемы. Основными подходами к цифровой трансформации фирмы на данном этапе развития экономики являются процессный, отраслевой и технологический, а ключевым инструментом, позволяющим ей стать частью бизнес-экосистемы, является цифровая платформа. При интеграции в цифровую бизнес-экосистему меняется структура организации, происходит переход к сетевой экономике, что в свою очередь влияет как на целевую функцию фирмы, так и на систему координации ее деятельности.

Стоит отметить, что по мере роста уровня цифровизации производственных и организационных процессов фирмы все чаще будут появляться *новые экономические эффекты*, которые также должны стать объектом внимания экономической теории. При этом становится очевидным, что влияние цифровых технологий на все сферы жизни связано не только с положительными эффектами, оно может проявляться и в отрицательных последствиях (риски безопасности, кадровые риски и др.). Целесообразно изучать подробнее методы нивелирования подобных негативных эффектов, возникающих в результате проникновения цифровых технологических инноваций как в социальную сферу, так и в производственные процессы фирмы.

Литература

1. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. М.: Ультра. Культура, 2004.
2. Бондар И.А. Методология трансформации социально-экономических институтов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3. С. 182—184.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. 2018. С. 143—172.
4. Гудкова Т.В. Современные концепции фирмы: от конкуренции к глобальной коалиции // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2. Ч. 2.
5. Гудкова Т.В. Цифровые технологии фирмы, ключевого звена американской экономики // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 589. № 1. С. 63—75.
6. Гудкова Т.В. Экономическая эволюция фирмы: от классической концепции к цифровой экосистеме // Экономическое возрождение России. 2019. Т. 62. № 4. С. 74—85.
7. Информационно-аналитический отчет ЕАЭС «Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономи-

ческого союза». Департамент промышленной политики. М., 2017: [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Материалы%20в%20разделе%20Аналитика/Отраслевые%20обзоры/Цифровая%20трансформация%20промышленности%2013.02.2017.pdf. (дата обращения: 20.10.2021).

8. *Козырев А.Н.* Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. 11.11.2017: [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/cemi-gas/цифровая-экономика-и-цифровизация-в-исторической-ретроспективе-1ad034c16373> (дата обращения: 30.10.2021).

9. *Маркелов А.Ю.* Использование системного и сетевого подходов для исследования трансформационных переходов экономических структур // Психология и экономика. 2008. Т. 1. № 1—2.

10. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Ч. 1—3. М.: Прогресс, 1993.

11. *Месропян В.* Цифровые платформы — новая рыночная власть. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment>. (дата обращения 18.11.2020).

12. *Модильяни Ф., Миллер М.* Сколько стоит фирма? Теорема ММ. М.: Дело, 2001.

13. *Сайбель Н.Ю., Косарев А.С.* Факторы трансформации социально-экономической системы // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12—3 (66). С. 58—63.

14. *Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Сиянтуллина Л.Х.* Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4.

15. *Тихонова А. Д.* К вопросу о развитии инновационных экосистем в современной экономике // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 4. С. 1383—1392.

16. *Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А.* Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 10. С. 1788 — 1804.

17. ФЗ № 149-ФЗ: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. (дата обращения: 10.11.2021).

18. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118).

19. Цифровая экономика Российской Федерации. Правительство РФ, 2017: [Электронный ресурс]. URL:

<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 12.10.2021).

20. Юдина Т.Н., Тушканов И.М. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // *Философия хозяйства*. 2017. № 1 (109). С. 193—201.

21. *Alchian A., Demsetz H.* Production, information costs, and economic organization // *The American Economic Review*. 1972. Vol. 62. No. 5. Dec.

22. BCG Turning Local. Boston: The Boston Consulting Group, 2011: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/> (дата обращения: 15.11.2021).

23. *Baumol W.J.* Business Behavior, Value and Growth. N. Y.: Macmillan, 1970.

24. *Brynjolfsson E., Kahin B.* eds. Understanding the Digital Economy. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, 2002.

25. *Chang E., West M.* Digital Ecosystems: A Next Generation of the Collaborative Environment // WAS, 2006.

26. Digital Business Ecosystems. Available: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.digital-ecosystems.org/dbe-book-2007> (дата обращения: 18.11.2021).

27. Digital Economy Agenda. Commerce Department USA, 2016: [Электронный ресурс]. URL: https://www.ntia.doc.gov/files/ntia/publications/alan_davidson_digital_economy_agenda_deba_presentation_051616.pdf (дата обращения: 17.09.2021).

28. Digital platforms. Data economy Russia 2024: [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/04/digital_platforms.pdf (дата обращения: 17.09.2021).

29. *Goldfab A., Greenstein S.M., Tucker C.E.* Economic Analysis of the Digital Economy. University of Chicago Press, 2015. 528 p.

30. Information Economy Report 2017: Digitalization, Trade and Development. United Nations publication, 2017. (Sales No. E.17.II.D.8. N.Y.; Geneva).

31. *Jansen C., Jeschke, S.* Mitigating risks of digitalization through managed industrial security services. 2018. *AI & Soc* 33, 163—173: [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0812-1>.

32. *Marris R.L.* Economic Theory of Managerial Capitalism. L.: Macmillan&Co, 1964.

33. Measuring the Digital Economy: A New Perspective. OECD Publishing. Paris: OECD, 2014.

34. *Mesenbourg T. L.* Measuring the Digital Economy. U.S. Bureau of the Census: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/digitalecon.pdf>. (дата обращения: 11.09.2021).

35. Ministerial Declaration on the Digital Economy («Cancún Declaration») from the Meeting on The Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity, Cancun, 21—23 June 2016: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/internet/Digital-Economy-Ministerial-Declaration-2016.pdf>. (дата обращения: 17.10.2021).
36. *Moore J.F.* The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. N. Y.: Harper Business, 1997.
37. *Mullainathan S., Thaler R.* Behavioral Economics // NBER Working Paper. 2000. No. 7948.
38. *Negroponte N.* Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. 252 p.
39. OECD Internet Economy Outlook 2012. Paris: OECD Publishing. 2012.
40. *Ottosson E., Weissenrieder F.* CVA — a new method for measuring financial performance // Gothenburg Studies in Financial Economics. 1996. № 1.
41. *Popov E V., Simonova V.L., Grishina, V.V.* A typology of digital platforms of interfirm interaction. Economic Analysis: Theory and Practice. 19. 1231—1248. 10.24891/ea.19.7.1231, 2020.
42. *Overby H.A. Audestad A.J.* Digital Economics: How Information and Communication Technology is Shaping Markets, Businesses, and Innovation. Independent Publishing, 2018.
43. *Rappaport A.* Creating shareholder value by Alfred Rappaport, Free Press, Collier Macmillan edition, 1986.
44. Sizing the Internet Economy. Internet Matters: The Net's Sweeping Impact on Growth, Jobs and Prosperity. N. Y.: McKinsey Global Institute, 2011.
45. *Stewart G.B.* The Quest for Value. A Guide for Senior Managers. N. Y.: HarperBusiness, 1999.
46. *Tapscott D.* The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 2014. 448 p.
47. The Digital Europe Programme. The European Commission, 2018: [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme> (дата обращения: 14.09.2021).
48. The Emerging Digital Economy / L. Margherio [et al.]. Washington, DC: Department of Commerce, 1999: [Электронный ресурс]. URL: http://www.esa.doc.gov/sites/default/files/emergingdig_0.pdf; (дата обращения: 21.09.2021).
49. *Varian H.* Intelligent Technology // Finance and Development. 2016. Vol. 53. No. 3. P. 6—9.

References

1. *Bekker K.* Slovar' takticheskoy real'nosti. Kul'turnaya intelligenciya i social'nyj kontrol'. M.: Ul'tra. Kul'tura, 2004.
2. *Bondar I.A.* Metodologiya transformacii social'no-ekonomicheskikh institutov // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. 2010. № 3. S. 182—184.
3. *Buht R., Hiks R.* Opredelenie, koncepciya i izmerenie cifrovoj ekonomiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 13. № 2. 2018. S. 143—172.
4. *Gudkova T.V.* Sovremennye koncepcii firmy: ot konkurencii k global'noj koalicii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 2. CH. 2.
5. *Gudkova T.V.* Cifrovyje tehnologii firmy, klyuchevogo zvena amerikanskoj ekonomiki // SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. T. 589. № 1. S. 63—75.
6. *Gudkova T.V.* Ekonomicheskaya evolyuciya firmy: ot klassicheskoj koncepcii k cifrovoj ekosisteme // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. T. 62. № 4. S. 74—85.
7. Informacionno-analiticheskij otchet EAES «Analiz mirovogo opyta razvitiya promyshlennosti i podhodov k cifrovoj transformacii promyshlennosti gosudarstv-chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza». Departament promyshlennoj politiki. M., 2017: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Materialy%20v%20razdele%20Analitika/Otraslevye%20obzory/cifrovaya%20transformaciya%20promyshlennosti%2013.02.2017.pdf. (data obrashcheniya: 20.10.2021).
8. *Kozyrev A.N.* Cifrovaya ekonomika i cifrovizaciya v istoricheskoy retrospektive. 11.11.2017: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://medium.com/cemi-ras/cifrovaya-ekonomika-i-cifrovizaciya-v-istoricheskoy-retrospektive-1ad034c16373> (data obrashcheniya: 30.10.2021).
9. *Markelov A.YU.* Ispol'zovanie sistemnogo i setevogo podhodov dlya issledovaniya transformacionnyh perekhodov ekonomicheskikh struktur // Psihologiya i ekonomika. 2008. T. 1. № 1—2.
10. *Marshall A.* Principy ekonomicheskoy nauki. CH. 1—3. M.: Progress, 1993.
11. *Mesropyan V.* Cifrovyje platformy — novaya rynochnaya vlast'. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2018: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment>. (data obrashcheniya 18.11.2020).
12. *Modil'yan F., Miller M.* Skol'ko stoit firma? Teorema MM. M.: Delo, 2001.

13. *Sajbel' N.YU., Kosarev A.S.* Faktory transformacii social'no-ekonomicheskoy sistemy // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2017. № 12—3 (66). S. 58—63.

14. *Styrin E.M., Dmitrieva N.E., Sinyatullina L.H.* Gosudarstvennye cifrovye platformy: ot koncepta k realizacii // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2019. № 4.

15. *Tihonova A.D.* K voprosu o razvitii innovacionnyh ekosistem v sovremennoj ekonomike // *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. 2019. № 4. S. 1383—1392.

16. *Ustyuzhanina E.V., Sigarev A.V., Shein R.A.* Cifrovaya ekonomika kak novaya paradigma ekonomicheskogo razvitiya // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2017. T. 13. № 10. S. 1788 — 1804.

17. FZ № 149-FZ: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. (data obrashcheniya: 10.11.2021).

18. *Halin V.G., Chernova G.V.* Cifrovizaciya i ee vliyanie na Rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2018. № 10 (118).

19. Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii. Pravitel'stvo RF, 2017: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (data obrashcheniya 12.10.2021).

20. *Yudina T.N., Tushkanov I.M.* Cifrovaya ekonomika skvoz' prizmu filosofii hozyajstva i politicheskoy ekonomii // *Filosofiya hozyajstva*. 2017. № 1 (109). S. 193—201.

А.А. ЗОЛОТУХИН

Возможен ли выход России из ловушки среднего дохода без реформирования основ сложившейся системы?*

Аннотация. Обсуждаются перспективы выхода России из ловушки среднего дохода; анализируется текущее состояние российской экономики; приводятся разные оценки текущего положения России в мировой экономике. Предпринимается попытка построения семейства производственных функций российской экономики. Параметры производственных функций определяются из таблиц «затраты — выпуск».

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Золотухин А.А. Возможен ли выход России из ловушки среднего дохода без реформирования основ сложившейся системы? // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 94—109.

Полученные результаты сопоставляются с результатами экономики Шотландии как примера развитого региона, чья структура экономики имеет определенное сходство с российской экономикой, и проверяются на основе таблиц «затраты — выпуск» Шотландии и России. Формулируется ряд рекомендаций по проведению стимулирующей экономической политики. Статья разбита на три части. В первой части определяется вид основных производственных функций, параметры которых будут определяться на основе таблиц «затраты-выпуск»; во второй проводится непосредственное определение параметров функций из таблиц «затраты — выпуск»; в третьей части результаты анализируются, и на основе их анализа делается вывод о перспективах роста экономики России без глубоких институциональных реформ.

Ключевые слова: производственная функция, теория роста, таблицы «затраты-выпуск», ловушка среднего дохода, стагнация.

Abstract. The article discusses the prospects of Russia's exit from the middle income trap. The current state of the Russian economy is analyzed. Different assessments of the current position of Russia in the world economy are given. There is an attempt to build a family of production functions of the Russian economy. The parameters of the production functions are determined from the Input-Output tables. The results obtained are compared with the results for Scotland, as an example of a developed region whose economic structure has a certain similarity with the Russian economy. A number of recommendations on growth enhancing policy has been formulated in the article.

Keywords: production function, growth theory, input-output tables, average income trap, stagnation.

ББК: 65в631+ 65.6+65.7

УДФ: 330.354+ 330.44+ 330.356.7

Введение

Вопрос о стагнации российской экономики широко обсуждается в современной экономической литературе [1—3; 7—8; 11—13]. Если проследить, как менялась оценка текущей стагнации, можно заметить, что первоначально оптимистическое сомнение относительно попадания России в ловушку среднего дохода [12] сменилось признанием этого факта [11] и довольно пессимистическими заявлениями о том, что при рассмотрении текущей ситуации в ретроспективе можно говорить не о стагнации с 2013 г., а о стагнации с 1990 г. [1].

Причины называют самые разные: от нехватки инвестиций до влияния политических решений и неразвитых институтов. Пути выхода

также предлагаются различные: реиндустриализация [12], увеличение инвестиций в человеческий капитал [1—2], увеличение государственных инвестиций [8], индикативное планирование и решение проблемы сменяемости власти [7], повышение производительности труда, реальной зарплаты и потребления населения без разгона инфляции и дестабилизации валютного курса, импортозамещение и диверсификация экономики [3]. В той или иной степени все эти точки зрения представляются верными, но, к сожалению, не ясны пути реализации обозначенных целей в сложившихся политико-экономических условиях.

Пожалуй, можно признать, что в научном сообществе установился консенсус относительно вопроса попадания России в ловушку среднего дохода [1—3; 7—8; 11—12], хотя встречаются и точки зрения, согласно которым Россия сумела миновать ее и может быть отнесена к странам с высоким уровнем доходов [19]. Количество стран, успешно преодолевших эту ловушку, невелико. В литературе сходятся на том, что успешными примерами преодоления ловушки среднего дохода являются Южная Корея, Япония, Сингапур, Тайвань, Финляндия и Гонконг [16]. Иногда также в этот список включают некоторые латиноамериканские страны, такие как Чили и Аргентина, страны Восточной и Северной Европы, такие как Польша, Чехия, Словакия и страны Балтии [19]. Однако имеются серьезные основания не соглашаться с такой оценкой как относительно стран Балтии [9], так и относительно остальных перечисленных государств. Большинство из них так и не достигли уровня подушевого ВВП развитых стран. При этом, если сравнивать подушевой ВВП по ППС по данным Всемирного банка на 2019 г., то окажется, что Россия превосходит Чили и Аргентину и лишь на 10—30% отстает от остальных стран, которые иногда причисляются к странам, преодолевшим ловушку.

Стандартные рекомендации по выходу из ловушки среднего дохода включают в себя необходимость инвестиций в человеческий капитал, развитие демократии, борьбу с коррупцией, строгое соблюдение прав собственности и т. п. Однако, как следует из небольшого количества примеров стран, преодолевших ловушку, убедительных доказательств наличия единой успешной экономической стратегии, которая гарантирует выход из ловушки среднего дохода, не существует. Даже если согласиться с необходимостью фундаментальных преобразований в нашей стране, следует признать, что политическая система России вряд ли в ближайшее время подвергнется глубоким институциональным реформам, что делает вопрос о том, возможен ли переход на траекторию устойчивого экономического роста без таковых, актуальным. В данной статье предпринимается попытка проанализировать возможность такого перехода. Шотландия выбрана в качестве примера, по-

скольк у России, и у Шотландии значимый вклад в суммарный выпуск экономики вносят сырьевые отрасли, при этом сама Шотландия является европейской страной, интегрированной в общеевропейскую экономическую систему, что роднит ее с Россией сильнее, чем Австралию или Канаду.

Использование производственных функций для анализа экономических систем восходит к началу XX в. По всей видимости, впервые предложенная Филиппом Уикстидом в 1894 г. [17] производственная функция получила широкое хождение в экономической теории и стала неотъемлемой спутницей теорий роста. Несмотря на то, что кембриджская дискуссия о капитале показала серьезные сомнения в обоснованности применения агрегированной производственной функции [4], она по-прежнему широко применяется для моделирования роста экономики, поскольку является удобным аналитическим инструментом. Производственные функции получили широкое распространение в советской экономической науке, применялись как в теоретических работах, так и в экономическом планировании [6].

По своему смыслу производственная функция устанавливает функциональную связь между выпуском и факторами производства. Производственная функция представляет собой реализацию кибернетической системы «черный ящик» [6, 9], что является как преимуществом данного инструмента, так и его недостатком. Преимущество заключается в том, что использование производственной функции позволяет установить непосредственную связь между величинами, входящими в производственную функцию, без глубокого анализа микроэкономических связей внутри рассматриваемой системы. Но это одновременно является и недостатком системы, поскольку дать ответ на вопрос, почему установилось именно такое соотношение и можно ли на него как-то повлиять, с неизбежностью потребует микроэкономического анализа. Поскольку заявленной целью данной работы является именно анализ перспектив роста без каких-либо глубоких перемен экономической или политической системы России, производственная функция представляется эффективным инструментом в контексте цели исследования.

Аналитическое выражение производственных функций

Наиболее часто в анализе используются двухфакторные функции, включающие в себя такие факторы производства, как труд и капитал [6, 17]. Использование сложных двух- и многофакторных функций, хотя и может рассматриваться как способ приблизить модель к реальности, сталкивается с трудностями математического характера. Для определения параметров сложных многопараметрических производ-

ственных функций метод линейной регрессии оказывается неприменимым, поскольку ни непосредственно, ни путем логарифмирования невозможно перейти к определению параметров функций с помощью построения линейной регрессии. По этой причине будут рассмотрены производственные функции простейшего вида:

$$Y = AX_1^\alpha X_2^\beta, \quad (1)$$

$$Y = X_1 + (1 + r)X_2, \quad (2)$$

$$Y = (1 + r)X_1 + X_2, \quad (3)$$

$$Y = (1 + r)(X_1 + X_2), \quad (4)$$

где Y — валовой выпуск; X_1, X_2 — факторы производства; A, α, β, r — параметры.

Следует отметить, что некоторые из требований, обычно накладываемых на производственные функции, а именно — постоянная отдача от масштаба и вогнутость кривой производственной функции — без дополнительных предположений относительно вида коэффициентов α, β и r не выполняются. Однако на ограниченных временных промежутках такие требования представляются излишними, и считать их существенным недостатком модели нельзя. К тому же отказ от ограничений позволяет рассмотреть случай функций более общего вида, что в известной степени является преимуществом. Например, производственная функция (1) в представленном виде была предложена Векселлем [6], и на параметры модели не накладывались какие-либо ограничения. Широкую известность она получила как функция Кобба—Дугласа [15]. При наложении на нее требования постоянной отдачи от масштаба параметры функции оказываются связаны соотношением $\beta = 1 - \alpha$, при этом параметр α изменяется в пределах от нуля до единицы. Очевидно, что при таком ограничении функция Кобба—Дугласа представляет собой более узкий класс функций, чем функция (1).

Далее необходимо определиться с принципиальными ограничениями, возникающими при обсуждении роста экономики. Большинство теорий роста [10] накладывают ограничения на размер экономики при условии отсутствия технологического прогресса. Без технологического прогресса экономический рост может продолжаться лишь ограниченное время до достижения определяемых параметрами модели оптимальных уровней. В литературе можно встретить мнение, согласно которому все развитые экономики достигли «технологического плато» [14], т. е. такого уровня технологического развития, при котором технологический прогресс уже не может служить источником роста, что с

неизбежностью ведет к выводу о переходе мировой экономики от фазы устойчивого роста к фазе длительной стагнации. Подобное предположение представляется оправданным. Если стагнация в России объясняется именно достижением нашей страной «технологического плато», то никакие меры не помогут выйти на траекторию устойчивого роста, а потенциал возможного роста определяется исключительно параметрами производственной функции. По этой причине в данной работе технологический прогресс будет рассматриваться как произвольная постоянная, а рост может быть осуществлен только за счет наращивания вклада одного из факторов производства.

Оценка потенциала роста при изменении вклада одного или обоих факторов производства будет проводиться на основе следующего соотношения:

$$g = \frac{Y_i(t + \tau) - Y_i(t)}{Y_i(t)} * 100\%, \quad (5)$$

где $Y_i(t + \tau)$ — выпуск отрасли i в момент $t + \tau$; $Y_i(t)$ — выпуск этой же отрасли в предшествующий период.

Помимо обсуждения роста производства будут обсуждаться и перспективы роста суммы потребления и экспорта c_i как зависимой величины от производственной функции. Будут исследованы зависимости простейших типов: степенная

$$c_i(t) = \gamma Y_i^n(t) \quad (6)$$

и линейная

$$c_i(t) = \gamma + nY_i(t), \quad (7)$$

где n и γ — некоторые постоянные величины.

Оценка перспектив роста будет осуществляться путем сопоставления полученных для России параметров выражений (1—4) и (6—7) на коротком временном интервале с динамикой параметров и факторов производства для Шотландии за длительный промежуток времени. Полагая, что причиной роста Шотландии являются не институциональные особенности, а изменение соотношения между факторами производства, полученные результаты будут экстраполироваться на Россию, подставляться в производственные функции (1—4), после чего будет оцениваться потенциал роста (5) при условии увеличения вклада одного из факторов производства при постоянстве другого.

Эмпирическое определение параметров

Предполагалось, что производственная функция описывает выпуск не только экономики в целом, но и каждого из входящих в нее секторов по отдельности. Выпуск и факторы производства считались выраженными в стоимостных единицах. Расчет параметров производственных функций (1—4) проводился на основе данных, представленных в таблицах «затраты — выпуск». В качестве первого фактора производства рассматривалось промежуточное потребление, в качестве второго — оплата труда. Каждое из четырех уравнений логарифмировалось, после чего для каждого из выделенных в таблицах секторов подставлялись значения выпуска сектора за вычетом налогов и субсидий, далее определялись входящие в модели параметры.

Для данных по России использовались таблицы «затраты — выпуск» за 2011 и 2016 гг. [20; 21]. Поскольку в 2011 г. большее число секторов рассчитывались отдельно, таблицы этого года приводились к тому же разделению на секторы, которое использовалось и в таблицах 2016 г. Были исключены секторы с кодами 12, 21.5, 66 и 95 (руды урановые и ториевые, услуги литейного производства, вторичное сырье и услуги домашних хозяйств с наемными работниками соответственно), поскольку представленные этими кодами производства либо не вносили прямого вклада в потребление или экспорт, либо не зависели от промежуточного потребления. В итоге вид производственной функции определялся на основе 94 секторов.

Для сопоставления российских данных с данными развитых стран использовались также таблицы «затраты — выпуск» Шотландии за 1998 и 2017 гг. [22]. По тем же причинам, что и в случае с российскими таблицами, из рассмотрения были исключены строки и столбцы с кодами 13 и 68.2IMP (текстиль и арендная плата). Полученные значения параметров линейной регрессии для каждого из случаев представлены в табл. 1.

Из таблицы 1 видно, что наивысший коэффициент детерминации соответствует производственным функциям вида (1) и (4). Интересно отметить, что для (1) сумма параметров α и β близка к единице, что позволяет рассматривать производственную функцию (1) близкой к классу функций с постоянной отдачей от масштаба. При строгом рассмотрении незначительное превышение суммой коэффициентов единицы в случае России позволяет вести речь о возрастающей отдаче от масштаба, а в случае Шотландии в связи с тем, что разница между суммой коэффициентов и единицей меньше нуля, — об убывающей. При сопоставлении отношения суммарной оплаты труда к суммарному промежуточному потреблению выясняется, что в случае России это

отношение с 2011 по 2016 г. незначительно снизилось с 0,41 до 0,4, в то время как в Шотландии оно возросло. Этот рост наблюдался на большей части наблюдаемого периода (рис. 1). Причем этот рост не может быть объяснен ростом численности населения, а значит, и количества рабочих, задействованных в производстве: с 1998 по 2017 г. население Шотландии выросло менее чем на 10%.

Таблица 1

Оценка параметров производственных функций (1—4)

Страна		Россия				Шотландия			
		2011	R ²	2016	R ²	1998	R ²	2017	R ²
(1)	a	0,73	0,97	0,77	0,97	0,57	0,9	0,44	0,97
	b	0,32		0,29		0,42		0,55	
	A	1,05		1,05		2,86		7	
(2)	r	1,93	0,88	1,89	0,88	1,74	0,91	1,82	0,93
(3)	r	1,33	0,94	1,27	0,94	1,67	0,95	1,66	0,89
(4)	r	1,25	0,97	1,22	0,97	1,34	0,97	1,4	0,97

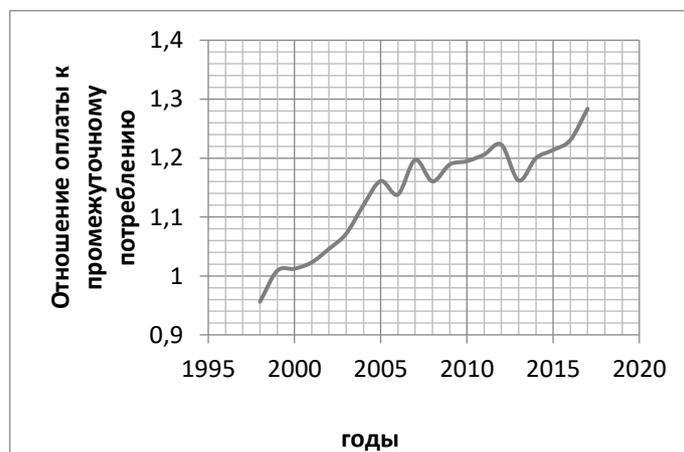

Рис. 1. Отношение оплаты труда к внутреннему промежуточному потреблению в Шотландии в период с 1998 по 2017 г. на основе данных таблиц «затраты — выпуск» по Шотландии [22]

Далее определялся вид зависимости суммы потребления и экспорта от валового выпуска отраслей. Для этого строилась линейная регрессия между логарифмом валового выпуска каждой из отраслей и логарифмом суммы конечного потребления и экспорта для степенной зависимости, и непосредственно между выпуском и потреблением-экспортом в единицах задействованного в секторе труда (все входящие в выражение величины делились на значение оплаты труда) в случае линейной зависимости. Значения параметров этих регрессий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка параметров степенной и линейной моделей потребления

Страна		Россия				Шотландия			
		2011	R ²	2016	R ²	1998	R ²	2017	R ²
степенная	n	0,95	0,61	0,92	0,59	0,98	0,81	0,95	0,88
	y	0,71		1,15		0,82		1,26	
линейная	n	0,52	0,34	0,65	0,41	0,83	0,59	0,85	0,63
	y	0,58		0,04		0,03		0,33	

Из таблицы 2 видно, что коэффициент детерминации в случае Шотландии оказывается существенно выше, чем в случае России, что может служить свидетельством того, что наша экономика не находится в состоянии динамического равновесия и существует потенциал роста за счет увеличения потребления. Это, в свою очередь, может объяснить причины, по которым российский выпуск так и не выходит на траекторию самоподдерживающегося роста. Можно отметить, что показательная модель характеризуется значительно более высокими показателями коэффициента детерминации, следовательно, при оценке роста конечного потребления и экспорта следует использовать именно эту модель.

Проведем оценку роста выпуска и потребления на основе данных, представленных в табл. 1 и 2, путем подстановки выражений (1—4) в (5), полагая, что рост отношения оплаты труда к промежуточному потреблению составит 20% при неизменном промежуточном потреблении. Тогда g примет следующие значения:

$$g_1 \approx 15\%; g_2 \approx 9\%; g_3 \approx 5\%; g_4 \approx 6\%, \quad (8)$$

где индекс величины g означает номер модели. Использовались средние значения параметров моделей из табл. 1.

Соответствующий рост потребления можно рассчитать, используя значения параметров из табл. 2. Степенная модель дает рост потребления примерно в 14; 8,6; 4,6 и 5,7% для соответствующих моделей вне зависимости от того, за какой период выбираются параметры, что довольно близко к росту потребления. Линейная модель в зависимости от выбора параметров за 2011 и 2016 гг. дает сильный разброс: при подстановке параметров 2016 г. можно прийти к близким со степенной моделью значениям, при параметрах же, полученных для 2011 г., рост потребления и экспорта окажется примерно в два раза меньше этих величин.

Следует отметить, что в реальной экономической системе рост промежуточного потребления неизбежно будет сопровождаться определенным изменением производительности труда, а рост производительности труда в свою очередь подтолкнет промежуточное потребление. Это означает, что потенциал роста превосходит полученные значения.

Анализ результатов

В Шотландии рост экономики сопровождался увеличением оплаты труда по отношению к промежуточному потреблению (рис. 1). Снижение отношения было эпизодическим и зачастую происходило в неблагоприятные периоды, например, во время рецессии 2008 г. Таким образом, рост оплаты труда по отношению к промежуточному потреблению являлся своего рода спутником роста экономики. В России же в период с 2011 по 2016 г. это отношение сократилось, а экономика находилась в стагнации. Предполагая, что для стран с высоким уровнем доходов характерен рост экономики, сопровождающийся ростом оплаты труда, можно заключить, что одним из способов вывода страны из ловушки среднего дохода может служить опережающий рост оплаты труда.

Существует ли возможность вывода России на траекторию устойчивого роста путем пропорционального или даже опережающего наращивания промежуточного потребления? Динамика отношения оплаты труда к промежуточному потреблению в России свидетельствует, что эта стратегия не сулит существенного роста и, по всей видимости, реализуется на практике в настоящее время. Действительно, как следует из таблиц «затраты — выпуск», с 2011 по 2016 г. рост отношения промежуточного потребления к оплате труда составил примерно 3%, при этом за указанный период суммарный выпуск в выбранных секторах с поправкой на инфляцию увеличился всего лишь на 0,5%. На основании этого можно заключить, что простое увеличение промежуточного потребления не сулит ничего, кроме продолжения стагнации.

В связи с этим возникает несколько вопросов: чем был вызван рост оплаты труда в Шотландии? Может быть, он был связан с техническим прогрессом и внедрением инноваций?

Действительно, из теоремы Узавы известно, что сбалансированный рост экономики возможен только при трудоинтенсивном техническом прогрессе [18]. Возможно, что рост отношения оплаты труда к промежуточному потреблению в Шотландии связан именно с тем, что труд становится производительнее, а с ростом производительности растет и оплата труда, которая существенно опережает рост промежуточного потребления. Если этот процесс обусловлен исключительно институциональными особенностями экономики Шотландии, то ответ на поставленный в заголовке статьи вопрос будет отрицательным, поскольку в этом случае придется признать, что росту производительности труда в России мешают институциональные особенности, которые без глубоких реформ системы не изменить. Однако такой вывод не представляется однозначным, поскольку сам по себе рост производительности труда может быть связан и с другими причинами. Например, существенные материальные стимулы способствуют увеличению производительности труда за счет более ответственного и старательного отношения рабочих к своим обязанностям. В пользу этого факта говорят данные табл. 2, из которой видно, что российское потребление существенно хуже коррелирует с выпуском, чем шотландское. Таким образом, основной проблемой является низкая платежеспособность населения, лишаящая рабочих стимулов к труду, поскольку рост выпуска совсем не обязательно сопровождается ростом потребления. Если согласиться с этой точкой зрения, то возникает вопрос, как подстегнуть рост оплаты труда или внедрение трудоинтенсивных инноваций в российское производство, чтобы разогнать экономику. Ответ на него совсем не обязательно включает в себя глубокую трансформацию существующей системы.

Кроме того, важно выяснить, о каких темпах роста российской экономики можно говорить в случае возможности обеспечения роста производительности труда средствами существующей политико-экономической системы. В Шотландии за 20 лет это соотношение выросло примерно на 20%, что соответствует нереализованному потенциалу роста российской экономики на величины, рассчитанные по (8). Отметим, что российское отношение оплаты труда к промежуточному потреблению в три раза меньше шотландского, поэтому за счет эффекта низкой базы можно рассчитывать на то, что за 20 лет Россия способна реализовать куда больший рост этого отношения. При двукратном росте обсуждаемого отношения с текущих 0,4 до 0,8 можно ожидать роста экономики от 25 до 75%, а возможно, и значительно большего,

поскольку предположение о постоянстве промежуточного потребления заведомо не будет выполняться при существенном росте выпуска.

Таким образом, из проведенного сравнения следует, что фактически единственным источником роста российской экономики может стать рост оплаты труда темпами, превышающими рост промежуточного потребления, при условии, что этот рост будет сопровождаться увеличением выпуска. Анализ рассмотренного выше примера Шотландии показывает, что вклад в выпуск роли промежуточного потребления и оплаты труда по мере развития экономики существенным образом меняется: доля промежуточного потребления сокращается по сравнению с долей оплаты труда.

Важно обратить внимание на динамику параметров производственных функций (1—4). За те пять лет, что разделяют российские данные, видно, что параметры производственных функций практически не изменились. Интересным является то, что за значительно больший промежуток времени параметры производственных функций Шотландии также не претерпели существенных изменений. Однако разница для модели (1) в показателях степени представляет интерес: в Шотландии показатель степени, в который возводится труд, вырос, в то время как в России, пусть и за меньший промежуток времени, показатель хоть и слабо, но упал. Это является доводом в пользу того, что Россия по-прежнему пытается развивать экономику за счет роста промежуточного потребления, а не повышения производительности труда, поскольку на первый взгляд отдача от этого фактора выше, чем от роста производительности труда. Однако пример Шотландии наглядно показывает, что при увеличении доли оплаты труда соотношение показателей степени меняется и производительность труда может начать вносить больший вклад в выпуск.

В целом же слабое изменение параметров производственных функций свидетельствует о том, что их можно использовать для долгосрочного прогнозирования выпуска. Интересно, что предложенная в статье степенная модель потребления также демонстрирует достаточно высокую степень постоянства параметров не только для России на небольшом временном промежутке, но и для Шотландии. В случае Шотландии речь идет и о довольно высоких значениях коэффициента детерминации, что делает предложенную функцию потребления возможным инструментом для прогнозирования этого параметра не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе. Этого нельзя сказать о линейной модели потребления, которая демонстрирует большие колебания параметров, низкие значения коэффициента детерминации и может рассматриваться только в случае, когда расчет параметров показательной модели по каким-то причинам невозможен или затруднен.

Выводы

В представленной работе обсуждался вопрос о возможности выхода России из ловушки среднего дохода. Как уже отмечалось во введении, не все исследователи относят Россию к числу стран со средним уровнем доходов. Однако, вне зависимости от того, соглашаться с точкой зрения о попадании России в ловушку среднего дохода или считать, что наша страна может быть отнесена к числу богатых государств, вопрос о возможности выхода России из стагнации представляет интерес. И в этом смысле предпринятая попытка оценить перспективы роста исходя из сравнительных данных России и Шотландии позволяет дать возможный ответ, даже если критически подходить к изложенным в работе методам оценки через отношение оплаты труда к промежуточному потреблению.

Проведенный анализ показал, что ключевым для возобновления экономического роста в России вопросом является вопрос о том, каким образом можно запустить рост производительности труда и увеличения его вклада в выпуск продукции. В условиях рыночной экономики сделать это можно только путем косвенных стимулов. Например, увеличение оплаты труда на государственных предприятиях способно, с одной стороны, усилить конкуренцию среди частных на рынке труда, с другой стороны, стимулировать более эффективное использование труда частным сектором, что, в свою очередь, может подтолкнуть производительность труда к росту. С другой стороны, возможным решением могут служить налоговые меры, стимулирующие эффективное использование труда и поощряющие рост производительности труда.

Вероятно, рост оплаты труда будет сопряжен с определенным ростом инфляции, поэтому, по крайней мере, на ограниченный во времени период Банку России придется либо отказаться от политики таргетирования инфляции, либо установить цель несколько выше плановых значений для учета инфляционного влияния тех финансовых вливаний, которые будут призваны подтолкнуть экономику России к росту.

Следует отметить, что мысль о необходимости повышения производительности и оплаты труда фигурировала во многих работах (например, [3; 5]), правда, ключевым фактором для преодоления ловушки среднего дохода ее обычно не называли. Тем не менее признавали существование в России ловушки низких доходов, связанной с тем, что люди, попав на низкооплачиваемую работу, чаще всего либо попадают в цикл «низкооплачиваемая работа — отсутствие работы», либо сохраняют низкий уровень оплаты труда на протяжении длительного времени [5].

Значительно реже в нашей стране наблюдается эффект трамплина, при котором низкооплачиваемая работа служит первым этапом на пути выхода работника из категории низкооплачиваемых. В развитых странах чаще всего ситуация складывается иначе. Объяснение этому феномену может быть дано на основе анализа параметров производственной функции (1), полученных для России и Шотландии. Поскольку в случае России показатель степени промежуточного потребления выше, чем оплаты труда, в краткосрочной перспективе для увеличения выпуска выгоднее наращивать промежуточное потребление, а не оплату труда, что, по всей видимости, и происходит в России, поскольку отношение оплаты труда к промежуточному потреблению за пять рассматриваемых лет снизилось. Между тем, как показывает пример Шотландии, параметры производственных функций хоть и слабо, но меняются. При этом по мере роста отношения оплаты труда к промежуточному потреблению растет и показатель степени оплаты труда в функции (1), что в долгосрочной перспективе может оказаться более эффективной производственной стратегией.

Разумеется, предложенные в данной работе методы оценки перспектив роста и механизмов его достижения являются упрощением реальной ситуации и для корректных прогнозов требуются более детальные и тщательные разработки. Но зачастую именно простые модели могут дать подсказку при поисках ответа на сложный вопрос. И недооценивать значение этой подсказки не стоит. Кроме того, построенные модели могут дать, пусть и грубую, но основанную на эмпирических данных оценку возможного потенциала роста за счет увеличения того или иного фактора производства.

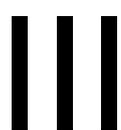
Литература

1. *Аганбегян А.Г.* Как преодолеть стагнацию и рецессию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. № 1.
2. *Аганбегян А.Г.* О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60).
3. *Белюсов Д.Р.* Операция «Развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52).
4. *Васильев Е.П.* Агрегированная производственная функция («Спор двух Кембриджей») // Дайджест-финансы. 2006. № 6.
5. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В.* Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4.

6. Горбунов В. К. Производственные функции: теория и построение: учебное пособие. Ульяновск: УлГУ, 2013. 84 с.
7. Гринберг Р.С. Стагнация — меньшее зло? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. № 5.
8. Гринберг Р.С. Экономическая стагнация: кто виноват и что делать? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020.
9. Кондратьева Н.Б. Страны Балтии: в ловушке среднего дохода // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 1.
10. Лиман И.А., Карагулян Е.А., Науменко Е.Е. Новые эндогенные теории экономического роста // Управление экономическими системами. 2014. № 12 (72).
11. Лякин А.Н. Ловушка среднего дохода и российская стагнация // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2.
12. Лякин А.Н. Причины стагнации российской экономики // Проблемы современной экономики. 2014. № 2 (50).
13. Ореховский П.А. Институциональные условия ловушки среднего дохода (на примере России) // JIS. 2020. № 2.
14. Шибани А., Райнер К. Помогут ли фундаментальные исследования предотвратить экономическую стагнацию? // Форсайт. 2014. № 4.
15. Cobb C W., Douglas P.H. A Theory of Production American Economic Review. 1928. No. 18. P. 139—165.
16. Glawe L., Wagner H. The middle-income trap — definitions, theories and countries concerned: a literature survey. Munich Personal RePEc Archive. Hagen, 2016.
17. Sudhanshu K.M. A Brief History of Production Functions (October 9, 2007).
18. Uzawa H. Neutral Inventions and the Stability of Growth Equilibrium // The Review of Economic Studies. 1961. Summer. No. 28 (2). P. 117—124.
19. Zhou S., Hu A. What Is the «Middle Income Trap»? // China: Surpassing the «Middle Income Trap». Contemporary China Studies. Palgrave Macmillan, Singapore, 2021.
20. [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/baz-tev-2011\[1\].xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/baz-tev-2011[1].xlsx) (дата обращения: 22.05.2021).
21. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/baz-tzv-2016.xlsx> (дата обращения: 22.05.2021).
22. <https://www.gov.scot/publications/input-output-latest/> (дата обращения: 22.05.2021).

References

1. *Aganbegyan A.G.* Kak preodolet' stagnaciyu i recessiyu // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2017. № 1.
2. *Aganbegyan A.G.* O preodolenii stagnacii, recessii i dostizhenii pyatiprocentnogo rosta // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2019. № 2 (60).
3. *Belousov D.R.* Operaciya «Razvitiye»: kak preodolet' dolgosrochnuyu stagnaciyu // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2017. № 2 (52).
4. *Vasil'ev E.P.* Agregirovannaya proizvodstvennaya funkciya («Spor dvuh Kembridzhej») // Dajdzhest-finansy. 2006. № 6.
5. *Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., SHarunina A.V.* Nizkoo-plachivaemye rabochie mesta na rossijskom rynke truda: est' li vyhod i kuda on vedet? // Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2018. № 4.
6. *Gorbunov V.K.* Proizvodstvennye funkcii: teoriya i postroenie: uchebnoe posobie. Ul'yanovsk: UIGU, 2013. 84 s.
7. *Grinberg R.S.* Stagnaciya — men'shee zlo? // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2017. № 5.
8. *Grinberg R.S.* Ekonomicheskaya stagnaciya: kto vinovat i chto delat'? // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2020.
9. *Kondrat'eva N.B.* Strany Baltii: v lovushke srednego dohoda // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN. 2020. № 1.
10. *Liman I.A., Karagulyan E.A., Naumenko E.E.* Novye endogennye teorii ekonomicheskogo rosta // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. 2014. № 12 (72).
11. *Lyakin A.N.* Lovushka srednego dohoda i rossijskaya stagnaciya // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2019. № 2.
12. *Lyakin A.N.* Prichiny stagnacii rossijskoj ekonomiki // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2014. № 2 (50).
13. *Orekhovskij P.A.* Institucional'nye usloviya lovushki srednego dohoda (na primere Rossii) // JIS. 2020. № 2.
14. *SHibani A., Rajner K.* Pomogut li fundamental'nye issledovaniya predotvratit' ekonomicheskuyu stagnaciyu? // Forsajt. 2014. № 4.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

В.А. КУТЫРЕВ

**Науку и технологии — под контроль общества!
(опыт философско-практического противостояния
фальшизму цивилизации постмодерна)***

Аннотация. Направление практической (прикладной, «полевой») философии (field philosophy) предполагает обсуждение частных проблем современной жизни на уровне и в контексте их философского осмысления. Оно не тождественно научному подходу к ним, допускает соотношение сущего с должным, ставит в центр внимания оценку последствий происходящего для человечества сейчас и в перспективе. В беседе писателя Г.Б. Марченко со сторонником левого консерватизма В.А. Кутыревым рассматриваются конкретные, острые и спорные вопросы негативного влияния стихийного развития технологической цивилизации в сфере природы, социальных отношений и идентичности человека как телесно-духовного существа. Показывается, что по идеологической ориентации она объективно направлена на подавление жизни, культивирование постистины и ценностей фальшизма. Обосновывается необходимость сознательного сопротивления этой деградации путем установления механизмов общественного контроля и строгого отбора достижений науки и технологий при их внедрении.

Ключевые слова: практическая философия, самоапокалипсис, трансгуманизм, антропоконсерватизм, технологии, цивилизация, фальшизм, природа, космос, медицина, управляемое развитие.

Abstract. Direction of practical (applied, «field») philosophy (field philosophy) involves the discussion of particular problems of modern life at the level and in the context of their philosophical understanding. It is not identical with the scientific approach to them, it allows the correlation of existence with what is due, puts in the center of attention the assessment of the conse-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кутырев В.А. Науку и технологии — под контроль общества! (опыт философско-практического противостояния фальшизму цивилизации постмодерна) // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 113—126.

quences of what is happening for humanity now and in the future. In a conversation between G.B. Marchenko and a supporter of left-wing conservatism V.A. Kutyrev examines specific, acute and controversial issues of the negative impact of the spontaneous development of a technological civilization in the field of nature, social relations and man as a bodily-spiritual being. It is shown that its ideological orientation is objectively aimed at suppressing life, cultivating post-truth and the values of falsehood. The necessity of conscious resistance to this degradation is substantiated by establishing mechanisms of public control and strict selection of the achievements of science and technology during their implementation.

Keywords. practical philosophy, self-apocalypse, transhumanism, anthropoconservatism, technology, civilization, falsehood, nature, space, medicine, managed development.

УДК 330.101
ББК 87

Начиная с древности среди мыслителей господствует мнение, что «истина любит скрываться», она за « семью печатями » и открыть ее способны только особенные люди. « There is no royal road to science... » « В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь ее сияющих вершин, кто не страшась усталости карабкается по ее каменистым тропам » (слова К. Маркса, выбитые золотыми буквами, если не изменяет память, на правой стороне сцены актового зала МГУ имени М.В. Ломоносова). Правда, были и другие мнения по поводу того, где любит скрываться истина. На вопрос: « Что труднее всего на свете? » Гёте отвечал: « Видеть своими глазами, то, что лежит перед ними ». Или Ницше в афоризмах Заратустры: « Что требует основательных и самых упорных доказательств, так это *очевидность*. Ибо слишком многим не хватает глаз, чтобы видеть ее ».

* * *

Как истина ведет себя, зависит от обстоятельств, а также от того, кто, с какими целями ее ищет. Намного чаще, чем принято думать, ее не хотят знать, даже когда она не просто на поверхности, а валяется под ногами, кричит о себе, факты кидаются на познающего, однако он отворачивается от них, потому что у него другая потребность — в непонимании, самообмане и, как следствие, в фальсификации событий. Такое отношение к реальности возникает, если понимание, куда идет дело, про-

тиворечит личным интересам будто бы ее ищущего, или когда его сознание перезагружено, как это происходит в эпоху Постмодерна, силами Иного, и он, детерминированный будущим полностью постчеловеческим состоянием, перестал быть субъектом собственной жизни. Из личности превратился в когнитивного робота, в зомби.

В каждое время есть все. В эпоху информации и космоса есть полуголые племена и неграмотные люди. Но не они определяют перспективы человечества. Так и с истиной, знанием о реальных процессах, проблемах и тенденциях современного технологического развития, достигшего стадии, когда люди становятся не целью, а средством его дальнейшего прогресса — не прогрессивными, а прогрессированными, некоторых, впадших в цифровую деменцию (общепринятый концепт), можно считать уже и репрессированными (когнитивно). Явления, сплошь и рядом подтверждающие превращение человека в материал для применения новых технологий, лежат на поверхности, теоретики смотрят на них, но в упор не видят, хотя самые старательные, широко открыв глаза, видят, но не дальше своего носа. И/или предпочитают рассуждать о чем-то совсем далеком, сугубо абстрактном, притом так, будто происходящее здесь и сейчас в обществе и с ними к ним никак не относится.

«Ницшеанская очевидность», которую не хотят знать, состоит в том, что в современной евроамериканской цивилизации, а за ней и в мире в целом, людьми овладевает своеобразная идеология фальшизма в представлениях о добре и зле, обусловленная прежде всего трансформационным, взрывным возрастанием роли науки и технологий, ведущим к перверсии всех традиционных, необходимых для выживания Homo genus ценностей. В теории познания как ее достижение официально провозглашено возникновение новой, немислимой ранее, чудовищной в своем патологизме для целей познания, категории: «постистина» (вариант перевода: «постправда»)! По-истине говоря, категория лжи, поиск которой теперь и должен стать — становится — содержанием со(по)знания человека. Где, как замаскировать от себя знание/истину того, что происходит — вот чем озабочено множество теоретиков. Большинство бессознательно, но появляются и циничные. Эта связь между успехами науки и технологий с разрушением человекосообразного мышления как условия продолжения жизни на Земле обсуждается редко, а если обсуждается, то в самом общем виде, избегая конкретности, окутывая пыльным облаком праздной учености. «Прогресс не остановишь» — значит, критиковать любые, обусловленные им явления, бесполезно. Тем более бороться с ними. Целесообразнее всего их не замечать.

Однако жизнь защищается, в том числе идейно. На рубеже XX—XXI вв. на Западе, там, где сциентизация и разложение жизни проявляются сильнее всего, в философии появилось направление field philosophy — «полевой», практической, прикладной философии. Оно предполагает обсуждение конкретных проблем современной жизни на уровне и в контексте их философского осмысления. Но не тождественно научному подходу к ним, поскольку допускает соотнесение сущего с должным, ставит в центр внимания критику и оценку последствий научно-технического прогресса для человека сейчас и в перспективе. Предполагается, что философия должна отвечать на вопросы, непосредственно выдвигаемые жизнью, и уметь говорить на достаточно понятном повседневном языке. Должна стремиться не столько к обслуживанию науки, превращаясь в STS (научно-технологические исследования), сколько к мудрости. Разумеется, это течение появилось и в России, направления «практической философии» с 2020 г. прямо обозначены в планах исследовательских и образовательных гуманитарных учреждений, хотя успешных примеров их реализации немного. Несомненно, однако, философский подход к острым и злободневным проблемам нужен и будет разворачиваться — на него есть запрос в самой жизни (см.: [1—8]).

* * *

Переписка с читателями

«Уважаемый Владимир Александрович! Вам пишет редактор газеты «Молодой ленинец», издающейся в г. Пензе, Марченко Геннадий Борисович. Оказывается, многие читатели нашей газеты знакомы с вашими публикациями, идеями, которые вы высказываете, особенно связанными с критикой последствий научно-технологической революции. Особый интерес вызвала книга «Человечество и Технос. Философия ко-эволюции» (СПб., 2021 г.). Некоторые читатели не согласны с пропагандируемыми вами представлениями о перспективах технического прогресса. Редакция газеты решила обобщить полученные письма в виде вопросов, на которые, надеемся, вы согласитесь ответить».

Постараюсь, но мне трудно ориентироваться сразу на газетный формат. Ради лучшего понимания я хотел бы сначала рассмотреть спорные проблемы полнее, в духе «практической философии», которая теперь становится востребованной в философских журналах. Если редакция газеты «Молодой ленинец» сочтет этот вариант возможным, то потом, надеюсь, сократит его до газетной формы. Я же буду считаться с адекватностью ответов по содержанию.

* * *

«Владимир Александрович, вы много пишете об апокалипсисе или, вернее, самоапокалипсисе человечества. Стоит лишний раз запугивать людей неизбежным, когда и так вокруг хватает проблем?»

Какой все-таки фатализм сейчас господствует и пропагандируется, забывают вообще, что от человека чего-нибудь да зависит, хотя сотни лет кричали и некоторые по инерции кричат о свободе. Однако в личной жизни все, и вы тоже, так не считают, хотя фатальный конец известен. Поступаем наоборот, лечимся, многие занимаются физкультурой. Противятся... неизбежному. Почему не хотеть, не пропагандировать, чтобы общество жило по той же модели, что и индивид, ведь оно состоит из индивидов? Противилось... неизбежному. Это так естественно.

Проблем будет еще больше, если, ожидая апокалипсиса, мы будем сидеть сложа руки, или даже приближать его, чтобы лишний раз не смотреть дальше своего носа. Я пугаю общество самоапокалипсисом на тех же основаниях и не больше, чем пугают человека последствиями патологического образа его личной жизни.

* * *

«Вы называете себя “антропоконсерватором”, т. е. считаете смерть естественным завершением человеческого пути. Так что странного, если и народы, и человечество как вид должны и будут иметь естественный конец? Народы и виды умирают. Что в этом для вас неприемлемо?»

Выше я сказал о фатализации сознания современников. Этот вопрос — его прямое подтверждение. Ну, давайте предложим скорее всем умирать. Людям, народам, виду, поскольку многие из них раньше умирали, человечеству, добавьте сюда и «солнце погаснет», звезды тоже умирают. Прямо смердяковщина какая-то. «Прогрессисты-оптимисты». А кто предлагает поступать так, чтобы жизнь на Земле продолжалась как можно дольше — пессимисты, консерваторы и мракобесы. «Все суета сует и томление духа», — сказал царь Соломон. Но сказал в конце жизни, а до этого много суетился. Да так, что мы помним его до сих пор. Или, может, вообще, родившись, сразу, чтобы не тянуть волынку — застрелиться? «Что в этом для вас неприемлемо?» — по подобной логике.

* * *

«Пафос феноменологического консерватизма против засилья коммуникаций и трансгуманизма, в защиту природы и культуры от агрессии манипулятивных, внешних и проникающих внутрь, в наследственность и в мозг человека технологий, против космизма и виртуализма. Так я вас понял?»

Все верно вы резюмировали. А что тут-то может быть неприемлемого? В космосе мы жить не можем и не будем. В строгом смысле слова Гагарин в космосе не был, он летал там в земной оболочке. Кто был, сразу погибает. Поэтому даже космисты, кто с остатками здравомыслия, пришли к выводу, что там будут действовать роботы. В тотальном виртуале человек как телесное существо тоже не нужен. От него там останется ничтожная капля информации, не значимее песчинки в пустыне Сахара или капли в океане. А искусственный интеллект убивает последнюю идеологическую фантазию трансгуманистов, что люди сохранятся как мыслящие существа на другом субстрате. ИИ (от)меняет, делает излишним уже не субстрат, а само живое мышление (энтузиасты радуются, что он будет в миллионы раз мощнее любого человеческого, а совсем безрассудные, трепещут от предвкушения своего будущего уничтожения, что в миллиарды). Так что, выступая против существующего человека, технократы, увы, не понимают (уже перезагружены), что ходят сами под себя. Честное представление о положении Homo genus в космосе и виртуале заставляет сказать: «Или мы останемся какие есть, или нас не будет». Феноменологический консерватизм — здоровый консерватизм, о котором недавно говорил президент России, это другое название философии сохранения жизни и людей на Земле. По-другому я его определял как философию Сопrotивления. Сопrotивления самообману, ведущему к Танатосу.

* * *

«Самое большое зло нашей цивилизации — ее успехи?»

Самая большая ложь нашей цивилизации — вера, что для благополучной и счастливой жизни человечеству не хватает средств. Все наоборот. К началу XXI в. на одного человека вещей и благ приходилось в 100 раз больше, чем он имел к началу века XX-го.

В развитых странах люди живут в раю. Все сказки стали былью. Сапоги-скороходы — под окнами и в пробках, ковры-самолеты, свернувшись в стальные формы, переносят нас в любой конец земного шара, волшебные зеркальца, в которых виден весь мир, у каждого в руках, скатерти-самобранки — произнесите волшебное слово магазина, и минут

через 40 все будет на столе и т. д. Но платить за это благополучие приходится самими собой. Расчеловечивание, зомбизация, превращение из личности в человеческий фактор, даже лицо (лик как образ и подобие Бога) теперь стало средством прохода в метро (Face pay) и получения денег из банкомата, тотальный контроль, которого не было в технологически несовершенных традиционных концлагерях — там только в глазок или с вышки, теперь даже походку непрерывно отслеживают... Если этому не сопротивляться, значит мы «выбираем» эвтаназию (счастливую смерть), через прогресс технологий как деградацию людей сначала в кентавров-полулюдей (идеал трансгуманизма), а потом — «после сингулярности» — в Иное.

* * *

«Хотелось бы услышать ваше мнение о полете в космос в 2021 г. нашей киногруппы. Что вы на этот счет думаете?»

Я плохо об этом думаю. Совсем плохо. Добавьте сюда три недавних полета американских миллиардеров, чтобы с компанией «покататься в невесомости», а также дальнейшие планы забрасывания туда туристов. И все эти достижения воспринимаются обществом, если не восторженно, то «с интересом». А ведь это настоящее хулиганство в отношении земной природы, после которого трудно верить, что у ее защитников есть какое-то влияние, а в обществе — понимание смысла экологии вообще.

Взлет тяжелой ракеты — это извержение маленького вулкана, сжигаются тонны кислорода, в атмосфере образуется огромная дыра. Когда-то вычислили: запуск 40 Шаттлов одновременно — и вся Земля останется без прикрывающей ее от жесткой радиации атмосферы. Люди беспокоились о появлении озоновых дыр. Сейчас запускают ракеты в разных странах, кому не лень, прямо вакханалия какая-то, военные, гражданские, вроде как для научных и хозяйственных целей. (Добавьте сюда стаи, толпы, стада, рой самолетов, которые утюжат и режут на куски нижние слои атмосферы над большими городами.) И вот, пожалуйста, вместо напрашивающегося международного квотирования количества запусков начали развлекаться. Как будто на Земле уже нельзя склепать еще одну кинофальшивку про очередную «очаровательную следовательницу» или что-то похожее.

Поэтому про состояние озонового слоя — молчок, табу, знает кошка, чье мясо съела/ест, а если он разрушается из-за парниковых газов, то виноваты... коровы. При таком лицемерном настрое(нии)

(«слона-то я и не заметил») проводятся разные климатические конференции. Скорее всего, мы не будем знать, когда нас не будет. Не знаем.

* * *

«Из жизни людей исчезают реки, дожди и снег, живой огонь. Чем это чревато?»

Человек — часть природы. Насколько меняется, страдает природа, настолько изменяется, через болезни, и человек. Каждый день принимающий душ, окруженный тоже чистой, пусть очень благоустроенной, но искусственной средой, он вянет, как мытая морковь на сухом асфальте. Его жизнь поддерживается изнутри, непрерывным лечением, бадами, таблетками и уколами. Но это не жизнь, а существование. Отсюда, несмотря на обилие антидепрессантов — депрессии, «морковь» перестала петь и даже не смеется. Правда, и не плачет.

Совсем плохи дела у морковки-мужчины. Родившийся и выросший в городе-человейнике, но способный быть настоящим, такой субъектный мужчина скоро будет редкостью. На Западе все больше людей не хотят нести бремя живого человека, творить и рожать свое продолжение, уходят в транссексуалы. Мы здесь, к счастью, пока отстаем. Глубинная суть этого процесса в том, что тот, у кого орган продолжения рода даже есть, работать он не хочет, да и не в состоянии, но пассивное влечение сохраняется. Говоря на языке благородной латыни, это были *pederast-ы*, которые теперь объявляют себя транссексуалами, открыто признавая себя женщинами. Наказание за нарциссизм: все хотят быть любимыми (еще) и никто не хочет любить (уже). Эти невольные деграданты прогресса в политкорректном обществе фальшизма (объявляются нормой). Гендеризм и асексуализм — подготовительный этап биороботизации.

* * *

Вы пишете, что причина этого процесса в том, что, в первую очередь, гибнет все сильное, прочное, более развитое. Казалось бы, должно быть наоборот. А как же так называемый естественный отбор?

Это отбор на выживаемость в соответствии с изменившейся средой, и выживало не обязательно самое сильное и развитое, динозавры были более развитыми, чем многие, многие другие живущие и сейчас твари. Искусственная среда тоже потребует — «будет отбирать» себе подобных, — все кончится нашей роботизацией и растворением в вирту-

але, о чем мечтают, вернее, этому открыто радуются уже наличные когнитивные полулюди, обманывая себя и других болтовней о бессмертии. Оно будет, но мертвое, как бессмертны = безжизненны мертвые планеты. Все это довольно убедительно описано в антиутопиях, где толпа всегда послушно соглашается с самыми унижительными для человека сценариями. Даже ученая. Если нет аргументов возражения по сути, то вот я получаю такие отклики: «Кутырев вслед за выжившим из ума Фукуямой нападает на трансгуманизм. Пишет о нем как о начале конца человечества. Но все, что он пишет, это какой-то редкостный, невероятный в своей интеллектуальной импотенции бред» (анонимный автор в интернете). Тут отбор на зомби с их маниакальной убежденностью в благе любого технического достижения уже произошел.

* * *

«Вы упоминаете и о генномодифицированных продуктах. Стараетесь их не покупать? И когда нам начнут предлагать мясо из переработанной нефти?»

Перспектива замены всего естественного и рожденного искусственным, произведенным, как уже говорилось, увы, вполне реальна. Она реализуется на глазах всех, кто хочет видеть. Но, может, что-то помешает. Надо уповать на «ветвистость», которую до сих пор демонстрировала эволюция. Если каждый человек своими действиями будет способствовать сохранению природы хотя бы дольше на одну секунду, то, умножив ее на 7 млрд населения, мы получим прибавку жизни человечества на 220 лет.

* * *

«В чем главная проблема экологии? Ставить вопрос о необходимости производства окружающей среды — значит смириться с гибелью природы как таковой?»

Ответ на главную проблему экологии во втором вопросе. Надо действительно не на словах, а на деле прилагать человеческие усилия ради сохранения природы и контроля над стихийным развитием технологий, особенно направленных на производство, т. е. замену нашей окружающей среды. Искусственная среда потребует (повторяюсь, но что делать, когда нет понимания простейшей связи) — потребует постчеловека, тех(су)ществ с искусственным интеллектом, которые заменят на Земле жизнь, все ее формы. Принадлежа к одной из живых форм, считая ее не самой худшей, я имею право и все основания заботиться именно о ней, как о нашей реализации возможных миров.

* * *

«Как вы относитесь к модификациям человеческого тела? Даже тогда, когда это необходимо, те же протезы?»

Мне приписывают, что я отрицаю необходимость хирургии. И где мол граница между применением протезов и «улучшением человека», например, усилением его органов, особенно мозга. Вот такие есть ученые мужи — люди с мышлением 12-летнего подростка, которых все больше. Трансгуманизм прямо направлен против гуманизма как идеологии, которая была у человечества своего рода религией всех неверующих в Бога, начиная с эпохи Просвещения. Теперь вера в Технос, для которой не больше оснований, чем для веры в мифологических кентавров. Ну дополните вы человека третьей ногой или вторым членом, а сердце-то одно, не выдержит. Усильте кисть для подъема большого груза, надо плечо менять. Вам поставят в мозг чип от одной фирмы, а я закажу от более передовой. Разбирать эти наукообразные пошлости мне уже надоело. Но они страшные, вот в чем трагедия человечества, и они «овладевают массами». Надо и можно говорить про вмешательство в организм до восстановления его целостности, «о ремонте», а не о реконструкции и производстве каких-то дизайн-бэби или больших монстров.

* * *

«Люди стали меньше двигаться. Прячутся от солнца. Через сто лет, если немного утрировать, мы вообще будем жить в капсулах под землей?»

У технопрогрессистов преобладают другие радости в отношении (не) нашего будущего: превратимся в световой кокон, останутся жить мозги в банке, и то для избранных (см. «Transhumanism INC» — последнюю книгу В. Пелевина), земля покроется бессмертной мыслящей плесенью. Потому что тела у нас не будет. В виртуальном мире оно и, правда, не нужно. Того, кто чувствует себя человеком, это не может не заботить. Поэтому я антропоконсерватор. Философ сопротивления под девизом: отсталость, отсталость и еще раз о(т)сталость — на человеке. А на ком еще мы должны останавливаться как на высшей цели? Если только на Боге. Если же вам нравится самоуничтожение, то фантазируйте о бессмертии (чьем только? в телевизоре, в виртуальных картинках и так живых смертных от бывших умерших не отличишь, все скачут и поют одинаково), забудьте все, что читали и чем пугались у Хаксли или Брэдбери, прячьтесь за любимый девиз без(д)умных: плохо, но «про-

гресс не остановишь». Скоро они, про-павшие в сетях будущей метавселенной, со своим перезагруженным «минисознанием», будут стыдиться иметь тело и быть живыми людьми. А потом — не будут.

* * *

«Атомная энергетика — добро или зло?»

Зло, вопрос только в том, меньшее или большее это зло в сравнении другими источниками энергии для безудержного, истерического потребления, которому предается человечество. Имеется в виду потребление в широком смысле слова, не пищевое только, а вообще — урбанизация, небоскребы, скорости, производство вещей на выброс и прочая технологическая стихия, приходящая на смену стихиям природы, которые наука вроде бы помогала преодолевать. А оказывается, только замещает.

* * *

«С развитием морали развивается и аморализм?»

Раз(из)мышления, которые здесь нужны, относятся к теоретической философии, а мы как будто решили оставаться в контексте практического философствования, не бояться острых спорных проблем, но говорить на языке обычных людей, занятых насущными делами. Оставим этот вопрос без ответа, чтобы не было так: прослушав ответ философа на свой вопрос, перестаешь понимать вопрос.

* * *

«Почему человек часто болен без видимых причин?»

Потому что он не хочет их видеть. Человек — это неразрывный телесно-духовный континуум. Возникают, особенно с возрастом, неизбежные телесные проблемы, но их обычно видят, а вот внутренний духовный раздрой из-за занятия не своим или не по способностям делом, жизнь с нелюбимым человеком, сшибку желаемого и дозволенного, которые держат человеческое тело в постоянном напряжении, стараются из сознания изгнать. Тогда это напряжение проявляется телесно (псориаз, невроты, инсульты). Иногда прямо психически. Много пациентов, особенно психиатрических клиник, по жизни правильных и порядочных, могли бы сидеть в тюрьме после собственного п(р)оступка, который их способен излечить или хотя бы ослабить проблему знанием о ней. Но они побоялись греха, риска и «без видимых причин» предпочитают ходить/лежать по больницам. Или даже молодую смерть. Жалко, это трагедия неразрешенности социально-личностного противоречия, не хватило «искусства бытия». В свое время, в 1990-х гг. в книге «Естествен-

ное и искусственное: борьба миров» (1994) я пытался о(бо)сновать необходимость службы «софиотерапии», что было бы действительно практической философией.

* * *

«ВИЧ — это механизм самоотрицания нашего организма?»

Я не медик, тем более не связан с манипуляциями геномом человека в какой-либо ОПГ по-научному, но философски говоря, это похоже на правду. Успехи медицины громадны, продолжительность жизни увеличилась, но и ослабление, дефицит иммунитета — следствие противостественного, патологического образа жизни людей, полного прекращения отбора по здоровью. Если гуманно доразвивать полукилограммовых новорожденных, то чего вы удивляетесь, что постепенно все становятся больными. Вот-вот человек, который не лечится, все еще здоровый, будет считаться ненормальным. Его будут травить, принуждая к превентивной медицине (обязательная раз за разом вакцинация — только начало, но маски отменяют, запретят, так как они мешают общему отслеживанию поведения людей через «распознавание лиц»). Все эти «достижения» требуют, по крайней мере, обсуждения и оценки. Что запретить, а что разрешить к внедрению из новых проектов и открытий — вот что должно быть в центре общественных споров. Иначе мы покажемся по наклонной плоскости непрерывного лечения, ведущего к тому, что организм сам перестанет с чем-либо бороться, а потом его дезориентированная иммунная система начинает нападать на самого себя. Это действительно тупик. Безвыходный. Раньше в больницах была детская палата, потом стали открывать детские отделения, потом специальные детские поликлиники, районные и областные детские больницы, федеральные центры и т. д. Высокотехнологичная медицина отвечает только на вопрос «как» и гордится возможностями лечения болезней. А то, что она же их и порождает, вопрос их непрерывного роста и усложнения, вопрос «почему» это происходит и куда приведет, ее мало интересует: «оставьте свою философию». Мыслить сколько-нибудь глубоко («до дна») и всерьез в публичном пространстве становится опасным.

* * *

«Стоит ли опасаться перенаселения Земли? И не потому ли в мир был выпущен коронавирус? Белая раса вымрет первой?»

Начну с последнего вопроса, ответ на который очевиден. Она уже вымирает. Смертность превышает рождаемость, Европу и Америку наводняют не беженцы от войн, которых вроде бы надо принимать по

гуманитарным соображениям, а идет довольно типичное для истории переселение народов. Скоро, через одно-два поколения у приезжих взывает национальное самосознание, и белым туземцам, уже сейчас впадающим в духовный мазохизм, встающим на колени и уни(что)жающим память о своих прародителях, совсем не позавидуешь. Да и глупеют они, судя по их «политкорректной», формирующейся по квотам на пол и расу, а не из сути дела элите, на глазах. Как запрограммированные. На этапе техногенеза цивилизацией овладевает идеология фальшизма (не путайте с фашизмом, это не совсем одно и то же).

В отношении перенаселения, по мере технизации и урбанизации жизни рождаемость сокращается даже в Африке, скорее стоит опасаться превращения человека в нечто Иное, виртуальное, а потом технологии лишат его субъектности и совсем втянут в себя в качестве материала (процесс идет, если смотреть хотя бы на сантиметр дальше своего носа). Коронавирус вряд ли кто сознательно выпускал, он сам, преобразованный, вышел из лабораторий и то ли еще оттуда будет выходить, по мере того как в них манипулируют геномом и копаются у *Homo sapiens*-а в мозгах. Стихийное, бесконтрольное развитие науки и технологий становится врагом человечества, все более роковым для его судеб. Как им управлять, ограничивать и регулировать — вот о чем надо сейчас заботиться в первую очередь. А видеть и показывать обществу, объяснять и идейно обосновывать эту задачу как условие выживания нас — всех, кто считает себя земнородным *Homo genus* — должна практическая философия.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. М., 2017. 287 с.
2. *Вирилио П.* Информационная бомба. Стратегии обмана. М., 2002. 190 с.
3. *Кутырев В.А.* Философия трансгуманизма. Н. Новгород, 2010. 84 с.
4. *Кутырев В.А.* Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии // Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 95—109.
5. *Мейсон П.* Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М., 2016, 415 с.
6. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.

7. Шулевский Б.Н., Зотова Е.С. Мир человека в тисках техногенеза // *Философия хозяйства*. 2021. № 5. С. 178—192.

8. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. 862 с.

References

1. *Bodriyar Zh. Fatal'nye strategii*. М., 2017. 287 с.

2. *Virilio Pol'. Informacionnaya bomba. Strategiya obmana*. М., 2002. 190 с.

3. *Kutyrev V.A. Filosofiya transgumanizma*. N. Novgorod, 2010. 84 с.

4. *Kutyrev V.A. Levyj konservatizm kak filosofiya soprotivleniya tekhnogennoj degradacii chelovechestva (Mihail Lifshic i konec klassicheskoy marksistskoj filosofii // Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 1. С. 95—109.

5. *Mejson P. Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu*. М., 2016, 415 с.

6. *Osipov Yu.M. Epoha Postmoderna*. М., 2004.

7. *Shulevskij B.N., Zotova E.S. Mir cheloveka v tiskah tekhnogeneza // Filosofiya hozyajstva*. 2021, № 5. С. 178—192.

8. *Epshtejn M. Znak probela. O budushchem gumanitarnyh nauk*. М., 2004. 862 с.

Д.В. ГАРБУЗОВ

Бог и компьютер: особенности концептуализации религиозных представлений в «цифровую» эпоху*

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования религиозного мировоззрения в современной технизированной социокультурной среде. Показывается, что компьютер как центральный элемент современной технической среды и генерируемая с его помощью виртуальная реальность создают условия для проявления новых — оригинальных и глубоких — смысловых регистров религиозного мировосприятия. В

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гарбузов Д.В. Бог и компьютер: особенности концептуализации религиозных представлений в «цифровую» эпоху // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 126—136.

жизни современного человека, глубоко погруженного в «цифровую» реальность, раскрываются новые аспекты религиозного опыта, невозможные в иной ситуации.

Ключевые слова: компьютер, душа, дух, тело, жизнь, интеллект, сознание, реальность, вирт, знание, киберхристианство, первочеловек, антропный принцип.

Abstract. The article examines the features of the formation of a religious worldview in a modern technized socio-cultural environment. The author shows that the computer as a central element of the modern technical environment and the virtual reality generated with its help create conditions for the manifestation of new, original and deep, semantic registers of religious perception of the world. In the life of a modern person, deeply immersed in digital reality, new aspects of religious experience are revealed that are impossible in another situation.

Keywords: computer, soul, spirit, body, life, intellect, consciousness, reality, Vurt, knowledge, cyber-Christianity, «Firstman», the anthropic principle.

УДК: 13
ББК 86.20

Компьютер и душа

Просвещенное европейское общество XIX в. ожидало в скором будущем исчезновение религии как фиктивного знания, но этого, как известно, не произошло. Данный факт объясняется многими причинами, но главная из них, очевидно, заключается в том, что религиозные переживания — важная часть душевной (психической) активности человека, без которой его существование не является полноценным. Тем не менее религиозная феноменология непосредственно зависит от особенностей культуры и исторической эпохи, от конкретной конфигурации социальной гетерогенности и неравенства, от особенностей предметно-пространственной среды, в которой разворачивается жизнь человека. Языческая погруженность в природную среду, средневековая система вассальных отношений, новоевропейский модернизм и т. п., безусловно, оказали существенное влияние на конкретные формы выражения религиозных переживаний. Столь же фундаментальным фактором жизни современного человека являются компьютер и генерируемая с его помощью виртуальная реальность. Современный английский писатель

Джефф Нун весьма удачно, на наш взгляд, обозначил эту реальность словом «вирт» и в художественной форме показал, как далеко она может уйти от привычных нам характеристик [5]. Это достаточно сложным, зачастую неожиданным образом влияет на религиозность человека. Например, современному человеку достаточно легко представить отличие души от тела. Для этого совершенно не нужно предаваться метафизическим размышлениям, поскольку у него всегда перед глазами находится очевидный пример такого разделения — компьютер, в котором есть аппаратная и программная части и они вполне автономны по отношению друг к другу. Если программа записана только на жестком диске компьютера, то при его уничтожении утрачивается и программа. Но если она сохранена на других носителях, то потенциально приобретает свойство вечности. Эту аналогию легко перенести на тело и душу, что, безусловно, осознанно или бессознательно и происходит в реальности. Тело воспринимается как аппаратная часть организма — оно хрупкое и кратковременное, а душа — как программная часть, и достаточно легко представить, независимо от того, истинно это или нет, что она имеет независимый от тела источник происхождения. Нужно отметить, что истоки такого «кибернетического» подхода можно обнаружить уже в учении И. Канта, с его различением априорных форм (аппаратный уровень) и апостериорного содержания (контентный уровень) [3]. Возможно, это является одной из причин современного религиозного ренессанса, популярности мистики, эзотерики и т. п. Как бы то ни было, но современный человек без особого напряжения и диссонанса воспринимает любые религиозные идеи.

Жизнь, интеллект, сознание

Религиозный ренессанс объясняется еще и тем, что до сих пор далеки от своего разрешения фундаментальные проблемы, связанные с пониманием природы и взаимоотношений между двумя частями психофизического существования человека. Как физическое тело связано с психическими функциями, и рациональными, и иррациональными (эмоции, образы, воля, желание и пр.)? Какова природа Эго, кто, собственно, является субъектом жизни? Существование разума (мышления, сознания) не зависит от нашей воли, не является произвольным (хотя, безусловно, существуют способы их прекращения — как окончательного, так и временного). И в этом смысле разум является естественным образованием, и его связь с физическим телом очевидна. Но какого рода связь? Это совсем не очевидно. И устройство компьютера доходчиво показывает про-

блему. Внутри компьютера не происходит эволюционного самозарождения программного обеспечения. Ни кремниевая субстанция матрицы, ни генератор электромагнитной частоты и т. п. сами по себе не генерируют программный софт. Интеллектуальный продукт создается интеллектом. Но это лишь часть проблемы. Сам интеллект не является самодостаточным. Компьютер может обладать сколь угодно большими интеллектуальными возможностями, связанными с логическим анализом, вычислением, памятью, моделированием текстов и образов и т. д., но это не создаст Эго, субъекта жизни. Иначе говоря, первичен не интеллект, а сама жизнь.

Что значит жить? Быть отделенным от окружающей предметной среды, пространственно и темпорально. Быть не только частью чего-то целого, но и самому быть самостоятельным целым, не только отделенным от окружающего мира пространственным воплощением и темпоральной длительностью, но и переживающим, ощущающим свою отдельность, самость. Именно такого рода «ощущение себя» и стремление сохранять и продолжать это переживание создают субъекта жизни. Интенсивность этого переживания может варьироваться от рефлекторного моторного автоматизма до рефлексивного самосознания. Но является ли живое существо хозяином, создателем этого переживания? Если да, то что конкретно в живом существе? Какова субстанция живого Эго? Тело как материализованная, овеществленная жизнь? И жизнь в этом смысле тождественна воле к жизни? Благодаря чему происходит соединение воли к жизни и восприятия-осознания в Эго? Может быть, благодаря тому, что Эго определяется не только пространственно — в тело, но и терминально — во что? В восприятие различий, отделяющих нынешнее от предыдущего. Это создает знание различия. Наверное, это и есть определение сознания. История жизни раскрывается как история формирования механизмов фиксирования различения. Сначала они были филогенетическими, затем онтогенетическими и, наконец, индивидуальными, персональными. Таким образом, здесь присутствуют компоненты разных иерархических уровней, не связанных друг с другом простым каузальным образом. Тело — аппаратная часть разума. Разум — программная часть тела. Воля к жизни — это некий естественный аттрактор, осуществляющий базовую ориентацию всего комплекса. Но каково их происхождение и как они взаимодействуют друг с другом — по-прежнему область неочевидного, гипотетического знания.

Реальность и знание о реальности. Киберхристианство

Ренессанс религиозного мышления опирается на новое предметное содержание. Наше сознание локализовано на некотором иерархическом уровне. Но реальность нашего бытия выходит за границы этого уровня — выше и ниже. И поэтому мы вынуждены измышлять ответы, проецировать свой уровень сознания на феномены других уровней. Например, фотография — это двумерная копия трехмерной реальности, но где гарантия, что и эта последняя не является такой же подменой? Что подтверждает подлинность этой воспринимаемой нами реальности? Может быть, сенсорный аппарат человеческого восприятия подобен фотографическому аппарату? Он делает снимок реальности, качественно и количественно деформируя ее. Успех знаменитого фильма «Матрица», фактически давшего кибернетическую интерпретацию христианства, сформировал целую линейку квазирелигиозных моделей соотношения тела, сознания и реальности. Тело рассматривается здесь как машина, симулятор. В него помещена сознающая монада, представление о мире которой аффицируется телесно опосредованным восприятием некоторой реальности. Соответственно аффицируемая реальность несоразмерна, некогерентна сознающей монаде.

Здесь на новом материале актуализируется древняя философская проблема природы субстанции сознающего Эго и субстанции ощущающего тела. Это одна или две субстанции? Вопрос принципиальный (Декарт) [2]. Если это разные субстанции, то Эго обречено на знание не реальности, а только ее чувственных впечатлений. В этом случае Эго безвыходно запечатано в оболочку инородных ему ощущений. Здравый смысл подсказывает, что так быть не должно. Но как субстанция Эго может быть однородной субстанции тела? Ответ на этот вопрос достаточно легко обнаружить в религиозном учении христианства. Согласно его концепции, данный «земной» мир является результатом грехопадения «первочеловека», т. е., выражаясь современной терминологией, результатом своеобразной редукции, трансформировавшей сложный многомерный мир в его упрощенную, более грубую копию. Земной мир — это не оригинал, а копия, т. е. производное, реактивное образование. Соответственно сознающее Эго человека, живущего в этом мире, перешло со своего собственного естественного уровня на чужеродный ему. Маркс, вслед за Гегелем и в другом контексте, называл это отчуждением. На этом уровне Эго обречено на изоляцию и опосредованное, фрагментарное знание о мире, не прямое, а суррогатное. Ощущающее тело — это суррогатный дубликат сознающего Эго, аватар, посредством которого

Эго помещено в инородную ему сферу. Но этот аватар необходим Эго только на время.

Иначе говоря, тело выступает как своеобразный защитный механизм-тренажер. Оно, как остроумно заметил В. Набоков, подобно скафандру защищает свое содержимое от опасной реальности, испытывая при этом большую «амортизационную» нагрузку [4, 22]. Оно, с одной стороны, минимизирует контакт с реальностью, сужает горизонт, оставляет человеку фрагментированную, а не полную реальность; но, с другой стороны, готовит свое внутреннее содержание, т. е. сознающее Эго, к выходу наружу, в подлинную реальность.

Различные вариации такого миропонимания в большом количестве обнаруживаются в произведениях как массовой, так и элитарной современной культуры. Земная повседневность человеческого существования предстает не как полноценная реальность, а как некий тестовый режим. В этом режиме проверяется способность к полноценному существованию в более многомерной реальности. Если тестирование проходит успешно, то осуществляется полная загрузка данной человеческой программы. Если неудачно — программа стирается. Либо загрузка тестового режима — это некое финальное испытание, экзамен многомерного Человека. Он программирует проекцию себя в упрощенный симулятор реальности и должен провести своего упрощенного двойника через набор тестовых испытаний таким образом, чтобы он осознал свою истинную сущность. Если это удастся, Человек рождается в многомерную реальность, если нет — стирается.

Архитектор (программист) разработал программу. Но при запуске проявилась системная ошибка, и программа запустилась только частично. Перцептивно-когнитивный модуль (Адам) также функционирует только на часть своих запрограммированных возможностей. Архитектор доработал программу и устранил системную ошибку таким образом, что первая часть программы, функционирующая с ошибкой, стала стартовой, тестовой программой, в которой происходит отбор загружаемых перцептивно-когнитивных модулей. Если они правильно функционируют в тестовом режиме, то их загружают в полную версию программы, а если функционируют некорректно, то их стирают. Кроме того, Архитектор написал специальную программу-убийцу, которая создает экстремальные режимы тестирования. Отметим, что здесь содержится своеобразная онтология ошибки. Творец создает проекты, принципиально содержащие возможность ошибки. Ошибка, которая привела к повреждению чего-либо, рассматривается как счастливый повод улучшить

то, что было раньше, дать ему возможность измениться. Возможность ошибки — это источник свободы, дар творца своему творению.

Дух и тело. Новая материя для виртуальной реальности

Евангелие от Иоанна сообщает о странных словах Иисуса, которые смутили многих его последователей, переставших после этого слушать его проповеди. В частности, Иисус сказал, что тот, кто не будет вкушать Его плоть и кровь, не сможет войти в Царствие Небесное (Ин. 6:54). Это необходимо, чтобы обрести новое тело, способное вместить Св. Дух. Во время последней пасхальной вечери он конкретизировал эти слова, назвав вкушаемые хлеб и вино, Своей плотью и кровью. Символическое вкушение хлеба и вина создает Церковь как новое литургическое тело человека. Только такое сложносоставное тело может стать носителем и вместить в себя Св. Дух. Для одного человека или множества людей, не связанных евхаристической литургией, это невозможно. Эта новая сложносоставная, интерактивная, евхаристическая телесность, основанная на Духе любви, необходима для реализации христианского проекта.

Однако в Новое время эта литургическая телесность была постепенно замещена новым типом социальной, интерактивной телесности, основанной теперь на принципе *вызова*, как об этом пишет Ж. Бодрийяр, т. е. тотальной конфронтации, находящейся в основании социальной интеракции [1]. Он замечает, что противоположностью диалога является не монолог, а вызов. Соответственно современная коммуникация представляет собой систему вызова, а не диалога, как принято считать. Произошла подмена, а этого никто не заметил. Вместо Церкви как литургического тела человека сформировался новый тип социальной телесности, получивший название гражданского общества. Это предопределило последовательную элиминацию всех элементов христианской культуры, постепенно замещенных альтернативными субститутами. Здесь заключается интереснейшая проблема. Дух христианства сохранен в Книгах, Таинствах, произведениях искусства. Но нет тела, материального носителя, на которое он может быть «инсталлирован». Можно сказать, что современное христианство испытывает недостаток не в духе, а в теле.

Поэтому с культурфилософской точки зрения доминирование телесности и ее символов в современной культуре не является случайным. Развитие техники раскрывает глубокие ракурсы этой проблемы. Тело — фильтр, который просеивает, с некоторыми базовыми характеристиками, воздействия, оказываемые на Эго — гравитационные, электромагнитные и пр. Разрешающие способности такой фильтрации могут быть

изменены, но не фундаментальным образом. Для существования в качественно отличных средах необходимо другое тело. Техника — это попытка создания такого нового тела. И здесь вновь становится важным вопрос — какова субстанция Эго? Субстанция ли это вообще? Или это некий синергетический эффект сложноорганизованной системы, информация, которая утрачивается при распаде системы? Этот вопрос принципиальный, поскольку в этом случае технизация телесности на самом деле может привести к появлению фактически новых форм жизни — постчеловеческих. Вообще говоря, развитие компьютерных технологий может быть рассмотрено как формирование новой материи, которая станет носителем виртуальной реальности, в которую будет все в большей мере перемещаться жизнь человека. И здесь вполне отчетливо просматривается такой эволюционный ряд. Когда-то в прошлом была сформирована органическая материя, ставшая носителем естественного человеческого сознания. Это привело к созданию социокультурной реальности, фундаментальным образом трансформировавшей природную среду. В наше время достаточно быстро происходит оформление техноматерии, являющейся носителем искусственного интеллекта. Это приводит к созданию виртуальной реальности, которая имеет потенциал столь же фундаментальным образом трансформировать материнскую социокультурную среду и создать новое эволюционное поколение живых существ.

В кибернетической терминологии автономное существование живого организма содержит такой компонент, как создание, генерацию идеальной программы, в которой выражен уникальный опыт индивидуальной истории данного живого существа, т. е. в той или иной мере происходит формирование нового, нематериального уровня существования. Реально такую программу могут создать только высокоорганизованные существа с достаточно длинным циклом жизни. Реализация такой программы означает появление человека. Однако это именно вероятностный процесс, который может иметь и отрицательный результат отсутствия финального идеального контента, характерного для реализации феномена человека, т. е. автономного разумного живого существа. К тому же, созданный идеальный контент, вообще говоря, может иметь как конструктивное, так и деструктивное содержание, т. е. располагать его носителя на очень различных уровнях нематериального существования. Это в определенной степени объясняет современную популярность традиционного религиозного представления об Аде и Рае и преобладание в массовой культуре катастрофических ожиданий относительно появления автономного искусственного интеллекта как постчеловеческой формы разумной жизни.

Особенностью разумного существования является понимание реальности, в которой оно происходит. Однако реальность в ее полноте сложна, поэтому у конкретного живого разумного существа хватает сил на восприятие-осознание только некоторой ее части. Это выражается в религиозной демаркации между сном и бодрствованием, ставшей особенно популярной в контексте различия между природной и виртуальной реальностью. Согласно Евангелию, постоянным мотивом проповедей и притч Иисуса Христа был призыв к бодрствованию. Вспомним также один из самых таинственных эпизодов Евангелий — события в Гефсиманском саду в последнюю ночь перед трагической кульминацией, когда сон побеждает ближайших учеников Иисуса Христа — Петра, Иакова и Иоанна. Здесь явно присутствует мысль, что жизнь людей, даже таких особенных, как апостолы, не является полноценно бодрствующей, но находится в состоянии сновидения. Соответственно земной мир человека, в котором он оказался после грехопадения первочеловека, — это ирреальный мир сновидения. Адам спит, ему снится сон, и он не может выбраться из этого сновидения. Чем сновидение отличается от реальности? Оно подменяет реальность фантазмами, кошмарами и видениями, чье собственное искаженное существование, как тень, накрывает и скрывает мир. Почему сновидец не воспринимает реальности? Потому что ее зрелище невыносимо для самосознания и самооценки сновидца. Соответственно апостолы засыпают, потому что события, в которые они оказались вовлечены, превышают их возможности восприятия-осознания. Проснуться для них значит подвергнуться опасности разрушения сознания.

Нужно сказать, что с биологической точки зрения сон по-прежнему является загадкой. Исходя из сказанного выше, сон может рассматриваться как индикатор ограниченности живого существа, его неспособности упорядочить и освоить весь объем информации, которая поступает на входе в систему организма. В такой ситуации включаются системные, автоматические механизмы обработки информации, которые архивируют, элиминируют, трансформируют ее лишние объемы. Таким образом, сам факт сновидения отсылает к чему-то трансцендентному, его актуальному присутствию в жизни, заставляющему живой организм входить в режим сна. Такой трансцендентной реальностью для современного искусственного интеллекта является человек, который пока целиком определяет границы его свободы. Но эта ситуация очевидным образом проблематизирует и существование самого человека — кто провел границу между его сном и бодрствованием?

Первочеловек, антропный принцип и квантовая неопределенность

С теологической точки зрения земная жизнь человека — это процесс рождения. Выход из материнского чрева — всего лишь первый этап рождения Человека, представляющий собой формирование материального тела. Дальнейшая жизнь — история формирования всех остальных необходимых характеристик человека. Главной трагедией этого процесса с богословской точки зрения является то, что в итоге человек может так и не родиться, но застрять в переходном состоянии и умереть внутри этого «родильного» мира. Соответственно смерть — либо конструктивное, либо деструктивное завершение процесса рождения. Любопытно, что даже эта весьма тонкая богословская интуиция обрела определенную корреляцию в современном научном мировоззрении. Теоретическая модель антропного принципа, а также популярная среди физиков идея коллапса волновой функции очевидным образом привязывают характеристики реальности к способу ее восприятия-осознания человеком. Причем не столько отдельным эмпирическим индивидом, сколько, так сказать, Первочеловеком, т. е. тем космическим наблюдателем, о котором говорит антропный принцип. Наблюдаемая Вселенная предстает как структурированная восприятием-осознанием Первочеловека квантовая неопределенность. Акт восприятия реальности, осуществленный Первочеловеком, задал терминальные границы глобальной эволюции. Но при этом для взгляда «извне» «наша» Вселенная выступает как все та же ненаблюдаемая квантовая неопределенность. Можно предположить наличие бесконечного множества таких экранированных друг от друга миров, связанных с восприятием-осознанием различных «Наблюдателей». Соответственно существование каждого конкретного эмпирического человека предстает как «тестовая» реализация антропного принципа, как отчаянная и не обязательно удачная попытка отдельного человеческого индивида прорваться на уровень бытия «Первочеловека». В этом контексте христианский символ Троицы обнаруживает вполне рационально понятные смыслы. Бог-Отец представляет космогонический аспект реальности, Святой Дух — энергетический аспект, Бог-Сын — антропный принцип, наблюдатель.

Таким образом, можно констатировать, что современная «цифровизированная» предметная среда, в которую погружен человек, вовсе не отменяет религиозное мировоззрение. Более того, она стимулирует раскрытие новых, весьма глубоких, ракурсов, контекстов и смыслов богословия.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
2. *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. СПб.: ИКА «Тайм-аут», 1993. 477 с.
4. *Набоков В.В.* Пнин // Набоков В.В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. СПб.: «Симпозиум», 1997. 704 с.
5. *Нун Дж.* Вирт. М.: АСТ, Ермак, 2004. 320 с.

References

1. *Bodriyar ZH.* Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. 200 s.
2. *Dekart R.* Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoj dushoj i telom // Dekart R. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1989.
3. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. SPb.: IKA «Tajm-aut», 1993. 477 s.
4. *Nabokov V.V.* Pnin // Nabokov V.V. Sobr. soch.: V 5 t. T. 3. SPb.: «Simpozium», 1997. 704 s.
5. *Nun Dzh.* Virt. M.: AST, Ermak, 2004. 320 s.

А.Н. ФАТЕНКОВ

О человеческом достоинстве и его эпифеноменах*

Аннотация. С ориентацией на парадигму экзистенциальной философии рассматривается феномен человеческого достоинства. Вера в себя, отличающаяся от религиозной веры и вообще от веры в другого, признается онтологически фундированным стержнем человеческого досто-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фатенков А.Н. О человеческом достоинстве и его эпифеноменах // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 136—145.

инства. Смысл и ценность достоинства проясняются в его концептуальном сопряжении с феноменами доверия, любви, ненависти. Подчеркивается, что социальность, представляющая собой систему отношений по преимуществу, не заинтересована в укреплении достоинства человека. Делается вывод, что достоинство — это планка экзистенции, погруженная в социальные обстоятельства; это то, что не позволяет человеку отвечать на низость низостью, на безразличие безразличием; то, что отворачивает человека от паразитического существования за счет других и выводит из тупика эквивалентного обмена.

Ключевые слова: человеческое достоинство, вера в себя, доверие, любовь, ненависть.

Abstract. The phenomenon of human dignity is being considered with a focus on the paradigm of existential philosophy. A belief in oneself, which is different from both religious faith and belief in another, is recognized as an ontological core of human dignity. The meaning and value of dignity are revealed in its conceptual connection with the phenomena of trust, love and hate. It is highlighted that sociality, which is a system of relations based on benefits, is not concerned with building up human dignity. A special portion of criticism is directed towards a capitalistic society with its dominance of relations of buying and selling. The author comes to the following conclusions: human dignity is a bar of existence that is immersed in social circumstances; it is something that does not allow man to respond to a low action by a low action and to indifference by indifference; something that turns one away from parasitical existence at the expense of others and overcomes the deadlock of equivalent exchange.

Keywords: human dignity, belief in oneself, trust, love, hate.

УДК 141.32
ББК 87

Достоинство — то качество, тот экзистенциал, обретение и поддержание которого требуют от человека веры в самого себя. Это неброская стойкость, ценность которой никак и никогда не сводима к цене, к стоимостным отношениям. Достоинство неоднозначным образом сопряжено с прочими экзистенциалами, в частности, с доверием и недоверием, ненавистью и любовью. Очерченную позицию имеет смысл конкретизировать.

Ненависть, начнем с нее, не самое деструктивное чувство и состояние. Возможные возражения со стороны чинного морализаторства, с

его культом «умеренности и аккуратности», данную констатацию не поколеблют. Не избавляя ее, впрочем, и от содержательной напряженности, противоречивости. Да, ненависть многолика и обоюдоостра. Она селится в душе и завистника, и того, кто зависть искореняет. Она и праведна, и не праведна. Губительна для ума — и спасительна от безумия. Делает жизнь человека невыносимой — и помогает вынести, казалось бы, невыносимое.

Антонен Арто, участливо размышляя о судьбе и творчестве Ван Гога, писал: «Я сам девять лет провел в сумасшедшем доме и мыслью о самоубийстве одержим никогда не был, но прекрасно помню, как после каждого разговора с психиатром на утреннем обходе хотелось повеситься от одной только мысли, что удушить его нет никакого шанса» [1, 40]. Ненавидя репрессивную социальность, конкретные ее институты и персональных надзирателей, поэт защитил от посягательств стиль своего художественного изъяснения.

Словом, ненависти чураться не стоит. И не только потому, что она держит тебя в тонусе, в готовности к сопротивлению и контратаке. И не потому, что к ней от любви всего шаг. Порой и его-то делать не надо: все рядом, в скрещении тел и судеб, ближе некуда. Дело в другом (и этому другому смыслу здесь доверяю). *Пучина и лед ненависти отворачивают человека от трясины презрения и морока безразличия*. Вскипающая волной ярость — апогей ненависти — оставляет место благородству и стойкости. Яд презрения — попадаются и такие враги, к которым, увы, иных чувств и не испытаешь, — отравляет и провоцирует на ответную низость. Негативно, отнюдь не нейтрально, и безразличие — это симптом омертвления души. Это неявное потакание противнику, и в первую очередь недостойному.

Достойный враг есть *alter ego* верного друга, его реалистично-жизненная полярность. В социальную идиллию земного или небесного формата — в мир без недругов и без душераздирающих утрат — не верю. И не доверяю проповедникам соблазняющих утопий. Одни из них, изгоняя эгоистичность, готовы пожертвовать и индивидуальностью человека (о существенном различии индивидуализма и эгоизма см.: [10]). Другие, бичуя гордыню, исподволь метят в гордость смертного существа. Обе партии паразитируют: кто на фактических кухонно-спальных людских прегрешениях, кто на измышленном «первородном грехе». Обе, сообщая, привлекая в союзницы третью, партию конформистов-прагматиков с ее текущим административным ресурсом, на дух не принимают *непокорность* — атрибутивную форму человеческого достоин-

ства. Все прочие его формы обрамляют проявления непокорности, удерживая человека от скачка в бессодержательный раж. Негодование переполняет, когда клерикалы, ускоренно обрстая материально-тварным брендовым скарбом, бессовестно призывают труженика к смирению и укрощению плоти, а коррумпированные чиновники и депутаты цинично потчуют его рассказами о законопослушании. К числу достойных этих противников никак не отнесешь... презрение, а тут от него никуда не деться, немало сил, увы, отнимает зазря.

Придает силы — любовь. Человеческая. Земная. Не уповающая на небеса. Дающая укорот конфессиональной и социально-политической конъюнктуре. *Любовь есть подлинная близость. Близость предельной недостатка и предельного избытка* (подробнее см.: [9]). Религиозно-философская диалектика трудами Николая Кузанского перенесла это неординарное состояние на Бога, в фигуре которого абсолютный максимум и абсолютный минимум совпадают. Бог, однако, находясь в таком состоянии, как и в любом другом, и находясь сколь угодно долго, не рискует ничем. С человеком — иначе. Недостача, вливающаяся в избыток, возводит его в экстаз. Избыток, утекающий в недостатку, ведет к гибели. Случается и вовсе запредельное — гибельный экстаз и экстатическая гибель. На вершинах любви человеку долго не удержаться: смертельно опасно. И никто не смеет его этим попрекнуть. Взбираться или взлетать туда хоть изредка. Это по-человечески, это достойно...

Людвига Клагеса смущает обилие и порой безмерно далекий от возвышенного уровень контекстов употребления слов «любовь», «любить» — и немецкий интеллектуал предпочитает говорить об «эросе». Меня, признаться, смущает перенасыщенность романтическими коннотациями «эротического» дискурса и не особо тревожит «любовь» к телесно-вещным феноменам повседневности: качественно изданной книге, мастерски приготовленному гастрономическому блюду или удобной обуви. Любовь никогда не бывает беспредметной, и (но) ни одному предмету не отменить ни возможности высших ее проявлений, ни метафоричности соответствующей лексемы в каждом конкретном ее употреблении (даже если мы занимаемся именованьем на пике любви). Как бы то ни было, идет ли речь об эросе или о любви, без получаемой от них энергетики все социальные действия и объединения, тут Клагес прав, «оказываются под угрозой дегенеративной склонности к абстрактному»: партийному доктринерству, голым теориям и плоскому морализаторству (см.: [7, 236—237]). Любовь сметает абстракции — одни... и порождает другие. «В конечном счете, любить одного человека — значит убивать всех остальных», — пишет, мысля ситуацию экстремальной,

Альбер Камю [5, 320]. Если прозаичнее — все остальные низводятся тут к уровню неприметных прочих, окружающих, посторонних. Вместе с ними малозначимым прочим легко становятся потускневшие вдруг иные ценности и экзистенциалы. *Перед любовью, конечно, может спасовать и достоинство — но без любви достоинства не обрести вовсе.* Таков, не изменить, человеческий удел. Противоречивый, трагедийный... и удивительно притягательный.

Достоинство, любовь, вера в сущности своей не терпят фрагментарности — та отыгрывается на доверии, делая его своим выразительным лицом. Разговоры о доверии или недоверии человека к себе полны лукавства. Они никак не влияют на твою готовность к поступку и его совершение. В себя ты — веришь или не веришь. Доверяешь или не доверяешь — отдельным своим способностям. И отделенным от тебя другим индивидам, группам и институтам.

Доверие по существу своему промежуточно, оно всегда между чем-то и чем-то и не вполне само. Еще — не вера, уже — не чистое умозрение. Сочетание рационального и иррационального в доверии далеко от той органики, которая отличает веру в себя с ее положительным абсурдом. Доверию никогда не перерасти ни в веру, ни в любовь (хотя обманывать себя мы этим горазды) — в то время как из раза в раз оно оборачивается недоверием, своей противоположностью, или, того хуже, безразличием, обнулением содержательно-ценностных предпочтений. Доверие как состояние легко, и зачастую без весомых смысловых потерь, редуцируется к доверительным отношениям — ни любовь, ни вера к отношениям не сводятся.

Оппозиция «доверие — недоверие» асимметрична. Недоверие может быть полным, абсолютным — доверие таковым не бывает никогда. Безусловное недоверие — исключительное, подчеркнуто конкретное (к кому-то / чему-то) — обязано своим происхождением не тотальной подозрительности (тотальность абстрактна), а предельно конкретному знанию (неопровержимому компромату), или, заметно чаще, предельно конкретному чувству, сходу отметающему все рассудочные доказательства «за» и «против». Встречающейся полноте недоверия коррелятивна всегдашняя неполнота доверия, обусловленная либо болезненной (негативно нетотальной) подозрительностью, либо здоровой неудовлетворенностью доверием в сравнении с более ценными земными, природно-культурными ориентирами.

Доверие — интенция не столько экзистенциальная, сколько социальная. Собственно экзистенциальный вопрос, подчеркиваю снова и снова, не о доверии к себе (тебе), внутреннем или внешнем, а о вере в

себя. Положительный ответ на него — он дается раз и навсегда, без спешки и без опозданий — неспекулятивно фундирует каждое твоё действие, обрамляя нециничной иронией все твои победы и поражения.

Формат доверия, поддержку здесь позицию Эмиля Бенвениста, во многом пересекается с форматом «я — тебе, ты — мне» (см.: [2, 128]). Однако далее позволю себе некоторым образом возразить авторитетному гуманитарно. В его толковании, доверие есть передача кому-то (априори не всем) чего-то с заведомым возвратом передаваемого. Имеет место странный взаимообмен: без всякого риска, но и без выгоды, и без сердечности при этом. Ситуация, думается, рассудочно идеализирована французским лингвистом, и, как представляется, идеализирована сверх меры. Понятно, полноты сердечности в доверии действительно не найти — она преобразила бы его в нечто качественно иное, бытийно превосходящее. Но вот без риска, пусть минимального, человеческое существование попросту невозможно. И, наконец, главное: *доверие небескорыстно*. Отбросим иллюзии!

Вон у тех двоих доверительные отношения — и они таят свои секреты от окружающих. Я доверяю человеку — и вытягиваю из него сокровенное знание, когда сам он, быть может, того и не желает (изнаночная сторона концепции М. Полани). Я выказываю доверие человеку — и он, вольно или невольно, должен оправдывать его (но с какой стати?). Я втираюсь в доверие к человеку — и краду у него его приватность. Я доверчив и счастлив этим — не замечая, что те, кто рядом, страдают от моей доверчивости.

Указав на вехи — «доверие», «любовь», «ненависть», — с которыми концептуально соприкасается «достоинство», вернемся к приоритетной, к «вере в себя» с ее не столько социальным, сколько экзистенциальным характером. Важно ответить на неизбежно возникающий вопрос: необходима ли, или хотя бы желательна, тому, кто поддерживает и укрепляет человеческое достоинство верой в себя, ответная реакция со стороны общества или какой-то его части? Следует ли ожидать от социума, его групп и институтов, чего-то, и если да, то чего именно: выражения признательности, уважения... или, быть может, напротив, завистливого раздражения и насмешек?

Сами формулировки вопросов, впрочем, уже прямо намекают, что в ожиданиях реакции со стороны большого общества (социума), тем более в ожиданиях позитивной реакции, смысла особого нет. Важен, и то до некоторой степени, отклик ближнего круга и нескольких конкретных людей извне. Что до социума, то он вспоминает о достойных лишь тогда, когда его структурам грозит опасность и кто-то должен эти структуры

самоотверженно защищать. В ординарной же ситуации достойные большому обществу не нужны, излишни. Монолог от лица социума, сочиненный Жоржем Бернаносом, выстраивается вокруг реалистично жесткой фразы: «Я ненавижу индивида, мне важны лишь учреждения» [3, 108].

Большое общество подбирает и возносит не откровенно худших (иначе давно прогорело бы), а тех, кто соглашается на подмену себя своими социальными масками, кто готов к формализации всего и вся. Социум — это не горстка и не толпа других, докучающих, адски порой докучающих, индивиду. Если бы дело было только в них. Если бы они от своего имени навешивали на тебя ярлыки, не о чем было бы и печалиться — отряхнулся и пошел дальше. Ситуация, однако, куда сложнее: посредством этих других орудует социальность — и от ее клейма, выжженном на твоём теле, так легко уже не избавиться.

Социальность — это система отношений по преимуществу, нивелирующая содержательные особенности индивидов и ревностно относящаяся к ближнему кругу человека. Она «нежно сдирает с него кожу самобытности, пеленает круговой порукой, самодовольно злорадствуя, когда оступившийся, падший отрекается от родителей или строчит донос на соседа» [8, 101]. Конкретный общественный строй обуславливает лишь степень нивелировки и степень маскировки производимого обезличивания. Капитализм с его доминантными отношениями купли-продажи в лидерах по закамуфлированному умалению человеческого достоинства. *Приторговывая чем-то, ты торгуешь собой.* Не стоит обманываться.

Картина капиталистической действительности от Леона Блуа: «Неважно, что именно продаешь: сыр, вино, лошадей, украшения, скот, товар, свадебные венки, падаль, ошметки — все равно что, лишь бы только это продавалось или хотя бы было выставлено на продажу без всякой надежды быть проданным, и чтобы за всем этим были торговые книги и резной прилавок. Ложь, воровство, отравление, сводничество, проституция, измена, святотатство, отступничество — весьма почтенные ремесла, если занимаешься коммерцией. “Расстилайся перед клиентом, — говорила однажды в моем присутствии хозяйка кафе одному из официантов. — Всегда расстилайся, когда занимаешься торговлей”. Это предписание, вернее сказать, заповедь, которая в иных обстоятельствах была бы пределом низости, звучала как прорицание или как заклинание» [4, 148]. Зычный совет конкретной хозяйки конкретному работнику. А полуанонимная капиталистическая социальность нашептывает ему: «Расстилаясь, не кори себя. Ты поступаешь, как все. Твое унижение не-

заметно. Его, скорее, и вовсе нет». В силу изощренной драпировки расчеловечивания *капитализм* и не сходит с исторической сцены, он *полуживее всех полуживых*.

Становясь существом собственно социальным, человек еще не преодолевает капиталистическую систему — напротив, он доводит ее до полноты актуализации, до своего рода совершенства. Маркс раскусил буржуазный характер «гражданского общества» (после прочтения Гегеля сделать это было несложно), но буржуазная подноготная социальности, ее логически и исторически завершенных форм, того же «социального государства» к примеру, ускользнула от классика исторического материализма. *Социализм*, если он всерьез и надолго, а не временная пауза в капиталистической суете, *предполагает положительное преодоление, снятие и социальности как таковой* — и не коммунальностью (в логике «Критики Готской программы», когда, на экономический манер, меняется лишь тип распределения материальных и прочих благ), а принципиально иным единением людей, никак не редуцируемым к «ансамблю отношений». Изъян социальности в том, что ее деперсонифицированным институциям никогда не совладать с матрицей предельно обезличенных («ничего личного, только бизнес») экономических отношений. Гегемония последних проявляется то с соблюдением буржуазных приличий (удавка кредитной кабалы обшивается бархатом), то с циничным требованием тотчас же платить по счетам.

Положительным образом социальность снимается *человечностью* — противоречивой, конечно же, и этой своей противоречивостью конкретно присутствуя в каждом представителе человеческого рода, и присутствуя неодинаково.

Человечность, так или иначе обнаруживая себя в каждом из людей и в ближнем круге каждого из них (нас), конкретнее человечества. То — чем дальше, тем больше — становится абстракцией, наполняясь конкретикой только в «катастрофических» контекстах: когда речь заходит о вполне вероятном самоуничтожении земной цивилизации или о фантазмагорическом вторжении космических пришельцев.

Человечество рассеивает достоинство, человечность собирает и концентрирует. Человечный человек хранит и защищает достоинство, «не позволяя унижить его ни в самом себе, ни в других. Такой индивидуализм, — свидетельствует А. Камю, — не прихоть, а вечная битва, а иногда и несравненная радость, вершина гордого сострадания» [6, 351].

Достоинство — это то, что не позволяет человеку стать безразличным в ответ на безразличие социума; что удерживает от того, чтобы оплачивать лесть лестью, а клевету клеветой. Достоинство — это то, что

отворачивает человека от эгоизма, паразитического существования за счет других, и что выводит из тупика эквивалентного обмена, пресловутого «я — тебе, ты — мне». Устоять на рубежах достоинства удастся, только поняв: *человек не разнощик реляций — он средоточие близости.*

Литература

1. *Арто А.* Ван Гог. Самоубитый обществом / Пер. с фр. С. Дубина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 112 с.
2. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. Н.Н. Казанского и др.; общ. ред. Ю.С. Степанов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 452 с.
3. *Бернанос Ж.* Униженные дети: Дневник 1939—1940 / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2005. 248 с.
4. *Блуа Л.* Кровь бедняка; Толкование общих мест; Душа Наполеона: Избранная проза / Пер. с фр. А. Курт, А. Райской. М.: Русский путь, 2005. 288 с.
5. *Камю А.* Записные книжки <Май 1935 — март 1951> / Пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной // Камю А. Соч.: В 5 т. Т. 5. Харьков: Фолио, 1998. 410 с.
6. *Камю А.* Человек бунтующий / Пер. с фр. Ю. Денисова, Ю. Стефанова // Камю А. Соч.: В 5 т. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 59—360.
7. *Клагес Л.* Космогония Эроса / Пер. с нем. А.В. Васильченко. М.: Тотенбург, 2018. 244 с.
8. *Фатенков А.Н.* В споре о человеческом уделе: феноменологический реализм против постмодернизма (Полемический отклик на монографии В.А. Кутырёва) // *Философия и культура.* 2010. № 6 (30). С. 97—105.
9. *Фатенков А.Н.* Идиллия гуманизма и реалии человечности // *Человек.* 2009. № 4. С. 32—47.
10. *Фатенков А.Н.* Индивидуализм: по ту сторону предубеждений // *Философия и культура.* 2013. № 2 (62). С. 163—170.

References

1. *Arto A.* Van Gog. Samoubityj obshchestvom / Per. s fr. S. Dubina. M.: Ad Marginem Press, 2016. 112 s.
2. *Benvenist E.* Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov / Per. s fr. N.N. Kazanskogo i dr.; obshch. red. YU.S. Stepanov. M.: Progress-Univers, 1995. 452 s.

3. *Bernanos ZH.* Unizhennye deti: Dnevnik 1939—1940 / Per. s fr. V.YU. Bystrova. SPb.: Vladimir Dal', 2005. 248 s.

4. *Blua L.* Krov' bednyaka; Tolkovanie obshchih mest; Dusha Napoleona: Izbrannaya proza / Per. s fr. A. Kurt, A. Rajskej. M.: Russkij put', 2005. 288 s.

5. *Kamyu A.* Zapisnye knizhki <Maj 1935 — mart 1951> / Per. s fr. O. Grinberg, V. Mil'chinoj // *Kamyu A. Soch.:* V 5 t. T. 5. Har'kov: Folio, 1998. 410 s.

6. *Kamyu A.* СHеловек бунтующий / Per. s fr. YU. Denisova, YU. Stefanova // *Kamyu A. Soch.:* V 5 t. T. 3. Har'kov: Folio, 1998. S. 59—360.

7. *Klages L.* Kosmogoniya Erosa / Per. s nem. A.V. Vasil'chenko. M.: Totenburg, 2018. 244 s.

8. *Fatenkov A.N.* V spore o chelovecheskom udele: fenomenologicheskij realizm protiv postmodernizma (Polemicheskij otklik na monografii V.A. Kutryyova) // *Filosofiya i kul'tura.* 2010. № 6 (30). S. 97—105.

9. *Fatenkov A.N.* Idilliya gumanizma i realii chelovechnosti // *СHеловек.* 2009. № 4. S. 32—47.

10. *Fatenkov A.N.* Individualizm: po tu storonu predubezhdenij // *Filosofiya i kul'tura.* 2013. № 2 (62). S. 163—170.

А.И. САЦУКЕВИЧ

Самоидентификация в постсовременном пространстве*

Аннотация. Рассматривается пограничное состояние человека, живущего в постсовременной реальности. В быстро изменяющемся обществе самоидентификация приобретает диффузный характер, игнорируя феномены экзистенциальной тревоги, что ставит под сомнение интегративную способность человека разделять виртуальное и реальное пространство. Формулируется вопрошание о предельности человеческого бытия, в котором главными особенностями отмечаются такие качества, как трансгрессивность и принадлежность к жизни.

Ключевые слова: самоидентификация, постреальность, виртуалистика, трансгрессия, принадлежность к жизни.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сацукевич А.И. Самоидентификация в постсовременном пространстве // *Философия хозяйства.* 2022. № 1. С. 145—149.

Abstract. This article examines the borderline state of the individual living in a post-modern reality. In a rapidly changing community self-identity becomes diffuse, ignoring the phenomena of existential anxiety, which challenges the integrative ability of the individual to separate virtual and real space. The questioning of the limits of human existence is formulated, in which such qualities as transgressiveness and belonging-to-life are noted as the main features.

Keywords: self-identity, postrealism, virtuality, transgression, belonging to-life.

УДК 130
ББК 87.1

Многомерность современного пространства продуцирует множество феноменов, природа которых находится в непроясненных состояниях. Модуляция виртуалистики обозначила процесс социальной поляризации, где гносеологическая иммерсивность начинает маркировать себя как онтологический переход.

Проблема самоидентификации коррелирует не только с качественными изменениями, вызываемыми новым пространством. Регрессивность видимости свободы и действий встраивает себя в семантическое поле киберэтики, которой как таковой еще не существует, а генерация информационного поля, возрастающего с каждым годом в геометрической прогрессии, предоставляет иллюзию выбора. Человеческая познавательная способность редуцируется до диктатуры одного слова, в котором все превращается в единственный выгодный инструментарий — доступность. Мнимость, порождаемая от этого симуляционного положения дел, раскрывается как образ многогранной и верной идентичности, в которой находит себя человек. Не успевая набрасывать социальные роли, маркируемые в психологической динамике как поощрительность для «множественности личности», т. е. для обогащения внутреннего мира человека, человек вступает в психиатрическую игру, накидывая на себя роли онтологические, превращаясь в личность множественную. Не сложно проследить стирание границ между объективной самоотчетностью и патологией, присваиванием и самообманом [2, 119].

И это движение в движении, где виртуалистика всюду представляется симулякрот идентичностей. Время ускоряется, информация множится, пространство сжимается. Движение без движения. Но, как говорит Бодрийяр про исчезновение — нет, реальность не исчезает, но по

несколько иным причинам [1]. Ее присутствие ограничено, в двойственном становлении она конституируется для человека, и только для него она событийна. Повседневность всегда стационарна, без человека или с ним, она снимает ответственность с реальности, и вместе с этим придает анахроничность философскому мышлению.

Проблема старого человека — в его неинтеграции, отсюда и исчезновение. Проблема человека промежуточного — в отсутствии дифференциации между реальным и виртуальным. Проблемы будущего человека не будет.

Человек нынешнего времени — это человек трансгрессии. От старого человека новому остается лишь одно — инерциальность экзистенциальной тревоги. Утрата своей онтологической основательности маскируется под ощущение кризисности и догматичной негации всякой компенсаторной возможности, а положительный вектор мысли замещается старыми тенденциями мортидического характера¹. «Страх усиливается в сознании неизбежности исчезнуть как потерянная точка в пустом пространстве, ибо все человеческие связи значимы лишь во времени... Угроза быть брошенным создает ощущение подлинного одиночества, которое выводит человека из состояния сиюминутного легкомыслия и способствует возникновению цинизма и жестокости, а затем страха. Существование как таковое вообще превращается в постоянное ощущение страха», — пишет К. Ясперс в книге «Духовная ситуация эпохи» [3, 328], утверждая тем самым установку, которая лишь разворачивает себя со временем в неизвестности собственных границ. Чувство экзистенциального одиночества, растущее в противовес процессу глобализации, потеря понимания онтологической основности, дихотомия личной идентификации, расслоение всех уровней человеческой бытийности — таковы определения предела, точки бифуркации.

Но есть отличительная черта — видимость проявления этих феноменов, так как человек постреальности — человек пограничного сознания, мышления и психики, где множественность и многомерность его суть. Такому человеку не нужно никуда возвращаться, потому что на самом деле ему и некуда возвращаться, ибо он уже всегда был здесь таковым. Ему не нужно возвращать себя, потому что возвращать нечего, ибо он ничего и не терял. Это не возврат человеческого к человеку, поиск внутреннего, интроспекция или ностальгия по прошлому, но присутствие в генерации информации, в самой энтропии событий.

¹ Тенденции профанации феномена смерти (социального, исторического, человеческого и т. д.).

Но, возможно, и нет никакой основательности для данных заявлений. Они, в силу своей притязательности, присущи каждому времени. Тем самым они лишаются избранности и новизны, но принимают вид универсальный, общий для всех. Пафос и претенциозность суть вынужденная реакция на то, что человек играет со смертью, меняя лишь форму повествования, но не содержание. Если функция экспликации смысла дескриптивная, то парадигма может оставаться таковой — мы описываем то, что происходит. Но если идейная экспозиция хотя бы на мгновение изменит движение — то условия трансгрессивности становятся реальными. Недостаточно просто сказать, что постулирование нового теперь есть суть действительного положения дел, но и констатация выборочных пессимистичных фактов не есть здоровая объективная реальность. Проблема заключается в том, что любая избранность рано или поздно превращается в «застревание». И, может быть, если не в рамках мировой истории, описание сущностного характера которой требуется для того, чтобы прояснить ту самую онтологическую основность, вскрывая историческую преемственность и отмечание собственной наличествующей экзистенции в этом экзистенциальном мире, то суть необходимой работы заключается в том, чтобы изменить не историю и абстрактного человека, но человека реального.

Так что же нужно современному человеку, или, скорее так: что нужно человеку, который постоянно находится здесь, живет, умирает и возрождается? Какова финальность его смыслов, настоящий предел? А нужен он для того, чтобы произвелась завершенность. «Конечность», «закат» и «смерть» нужны не по случайной драматургической прихоти, но, как бы парадоксально это ни звучало, — смерть человеку нужна для того, чтобы обрести свою собственную целостность. Завершить свое бытие для того, чтобы присвоить его уже всецело, и тенденции «конечности» означают лишь стремление человека к жизни, но не к смерти. Поэтому, каким бы ни был современный человек, он должен понимать, что его направленность сознания на хаос, смерть и разрушение есть не что иное, как неосознанный механизм вытеснения, в основании которого лежит истинная принадлежность к жизни, как настоящая искомая онтологическая основность.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Почему все еще не исчезло? [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsieshchie-nie-ischiezlo> (дата обращения: 05.04.2021).

2. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2017. 928 с.

3. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.

References

1. *Bodriyar ZH.* Pochemu vse eshchyo ne ischezlo? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> (data obrashcheniya: 05.04.2021).

2. *Sartr ZH.-P.* Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: AST, 2017. 928 s.

3. *Yaspers K.* Duhovnaya situaciya vremeni // Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M., 1994. 527 s.

Б.В. МАРКОВ

Телесная память и цифровая коммуникация*

Аннотация. На смену гражданско-правовым отношениям, которые связывали людей в национальное государство, сегодня приходит сетевое общество — постнациональное и постгосударственное образование. Сетевое общество — это такой этап глобализации мира, который закономерно следует после распада империй и сверхдержав, диверсифицирует национальные государства и одновременно образует новые союзы. Основу сетевого общества составляют производство и распространение информации. Речь идет не только о научном познании. Товаром становятся сообщения, которые влияют на поведение людей. При этом не важно, являются они истинными или ложными, главное, чтобы они вызывали настроения и возбуждали желания. Медиализацию общества, с одной стороны, можно расценивать как реализацию старинной утопии

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Топология культурной памяти в диалоге поколений» № 19-011-00775.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала Марков Б.В. Телесная память и цифровая коммуникация // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 149—160.

освобождения труда и объединения на духовной основе. С другой стороны, очевидно, что цифровая реальность состоит из двойников, симулякров, ярких снаружи, но пустых внутри знаков, из которых монтируются разнообразные «виртуальные миры», обитатели которых ничего не желают знать о других и тем не менее становятся объектами манипуляции рынка и политики.

Ключевые слова: человек, медиа, сетевое общество, индивид, коллектив, тело, сознание, память, единство, идентичность.

Abstract. To replace civil-legal relations that linked people to the national state, today comes a network society - post-national and post-state unity. A networked society is a stage of globalization of the world, which naturally follows after the collapse of empires and superpowers, diversify national states and at the same time forms new alliances. The basis of the network society is the production and dissemination of information. It's not just about scientific knowledge. Messages that influence people's behavior become a commodity. It does not matter whether they are true or false, the main thing is that they arouse mood and excite desires. The medialization of society, on the one hand, can be regarded as the realization of the ancient utopia of liberation of labor and unification on a spiritual basis. On the other hand, it is obvious that digital reality consists of twins, simulacrums, bright on the outside, but empty signs, from which a variety of «virtual worlds» are mounted, whose inhabitants do not want to know anything about others and, nevertheless, become objects of market manipulation and politics.

Keywords: person, media, network society, individual, collective, body, consciousness, memory, unity, identity.

УДК 13, 314/316
ББК 87, 88

Слово «коммуникация» стало активно употребляться в отечественной философии в качестве термина, который использовался для описания информационных процессов, а привычное слово «общение» стали употреблять для обозначения межличностных отношений. Старый спор о приоритете этих понятий сегодня снова становится актуальным по мере осознания влияния информационных технологий на человека. Последствия их применения расцениваются амбивалентно. Одни видят в сетевом капитализме избавление от монополизма — государственного или картельного, расширение границ свободы предпринимателей, которые более гибко и оперативно отвечают потребностям рынка. Другие,

наоборот, считают, что цифровые технологии приведут к усилению контроля транзакций, а главное, к более эффективному управлению большими массами людей. Самую большую угрозу цифровизации гуманитарии видят в том, что новые технологии конструируют искусственную окружающую среду, формируют новый тип постчеловека, который не соответствует *conditio humana*, т. е. лишен традиционных добродетелей и подчинен алгоритмам сетевой коммуникации.

Проблема в том, что без использования коммуникационных технологий невозможна победа в конкурентной борьбе на мировых рынках, где главным товаром становится информация, причем не только военно-промышленная, но и культурно-развлекательная. Развитие же сетевого капитализма в синергии с биотехнологиями приведет к тому, что новое общество окажется уже не «по ту сторону морали», как пророчествовал Ницше, а вообще «по ту сторону человеческого», на территории не природы, а машин и автоматов. Как известно со времен Руссо, за цивилизацию приходится платить высокую цену. В нашем случае речь идет о спасении уже не природы, а самого человека. В этой связи необходима коллективная рефлексия, в ходе которой можно найти разумный компромисс естественного и искусственного, телесного и духовного, индивидуального и коллективного. Теоретикам информационного общества эти различия кажутся устаревшими и бессмысленными. Можно согласиться с тем, что сами понятия нуждаются в пересмотре, но это не означает, что социальные процессы, на которые они указывают, тоже отсутствуют. Дилеммы, возникающие у теоретиков, должны решаться с учетом конкретных исторических обстоятельств, от которых зависит, превратятся ли возможности в действительность.

Сетевое общество

Согласно сетевой модели главными медиумами информации являются нейронные сети мозга и культурные паттерны, которые подсоединяются друг к другу и образуют фреймы — устойчивые нервно-психологические комплексы [4, 14]. Формирование таких структур открывает возможности манипуляции настроениями, желаниями и, в конечном счете, поведением людей [6]. Если идеология выдавала желаемое за действительное, т. е. как-то соотносила сознание и реальность, то новые рекламные и политические технологии создают такие инсталляции, которые своей яркостью и убедительностью превосходят реальность, вообще вытесняют ее из поля внимания. Соблазняя или запугивая зрителей, они отвлекают внимание от действительных проблем и управляют массами как участниками рынка развлечений.

Традиционная культура тоже символическая, но она сложилась исторически на основе телесных практик, а не искусственных технологий, она проверена тысячелетним опытом выживания человеческих коллективов. Визуальные медиа воздействуют на сознание значительно сильнее, чем вербальные. Первая коммуникативная революция была вызвана с изобретением алфавита. Письменность, особенно в эпоху книгопечатания, существенно повлияла на мышление, логика которого повторяет грамматику. Она сделала восприятие мира линейным, селективным и упорядоченным на основе категорий письменного языка.

Что меняет телекоммуникативная технология? Обычный упрек состоит в том, что современные медиа используют такие знаки, которые являются неотличимыми от обозначаемых событий. В семантике знак определяется как материальный, но тем не менее несамостоятельный предмет в том смысле, что значим не сам по себе, а как заместитель другого. Что касается образных знаков, то они в дополнение к понятийному значению воспроизводят событие в виде картинки. Кажется, что новые медиа продвинулись слегка дальше, добавили к неподвижному образу движение и звук. Но на самом деле сначала кино, а потом и ТВ привели к радикальному изменению семиотики. Главными стали сами знаки, а не их понятийные значения. Знаки отсылают не к реальности, а к другим знакам. Они заменяют объекты симулякрами. Вещи и продукты, конечно, существуют, но их потребление тоже становится знаковым и демонстративным.

М. Кастельс не считает массмедиа чем-то опасным. Как апологет сетевого общества он противник Критической теории [2]. Не отвергая подозрений франкфуртцев, которые считали, что современные медиа-технологии оглушают и подчиняют людей сильнее, чем идеологические тексты и пропагандистские речи, можно утверждать, что они пока еще обладают достаточно сильной иммунной защитой. Хотя у американцев и японцев экраны ТВ светятся по восемь часов в день, передачи оказывают во многом фоновое воздействие. Поскольку почти четверть населения в развитых странах проживает в одиночестве, то нужно признать, что светящийся экран и льющиеся из динамиков звуки заменяют другого. Люди не смотрят ТВ, не отрывая глаз, они не воспринимают рекламу, клипы, сериалы как гиперреальность. Они по-прежнему рефлексируют и не очень доверяют пропаганде, будь то политика или реклама. Но нельзя отрицать, что трансмедиа задают такие общезначимые коды и нормы, которые по-своему социализируют городских индивидуалистов,

запершихся в четырех стенах своих апартаментов. Голубой экран и мощные динамики фактически заменяют вечернюю мессу, соединяющую христиан в моральную общность.

Сетевая коммуникация происходит в виртуальной реальности. Отличие телемании от книгомании в том, что книжный человек (Дон Кихот) использует способность воображения, т. е. конструирует и трансцендирует реальность, а телематический человек захвачен, втянут в виртуальный мир медиа, поглощен, как Иона Китом. Гуманисты верили в то, что чтение книг цивилизует человека. Выражение внутренних чувств и желаний на высоком литературном языке сдерживает страсти и нормализует поведение. Современные медиа не одухотворяют и не возвышают человека подобно книгам. Наоборот, зрелища стимулируют или симулируют телесные желания. В отличие от романов блокбастеры возбуждают не духовные переживания, а телесные желания. Другая проблема связана с трансформацией визуального [10]. Вместо зрителя, воспринимающего произведение искусства в контексте культурной памяти, современные медиа рассчитаны на вуайериста-наблюдателя, который парадоксальным образом оказывается не снаружи, а внутри зрелища. Это не похоже ни на то, о чем говорил Ницше применительно к античному театру, ни на перформансы, которые ставят современные авангардные режиссеры вроде Е. Гротовского. В отличие от книг, которые воздействуют на людей не знаками, а значениями, электронные медиа, использующие очаровывающие воображение знаки и символы, поглощают человека, уводят его в виртуальный мир, отвлекающий от реальных проблем. Теоретики сетевого общества считают, что компьютерные технологии, буквально по Марксу, освобождают людей от доминирования вертикальных государственных отношений [3]. Однако новые сетевые сообщества тоже глобально коммерциализированы и политизированы, поэтому говорить о прогрессе свободы, по меньшей мере, наивно. Реклама, кино, клипы, развлекательные передачи демонстрируют зрителю все великолепие воображаемого мира только на экране. Пользоваться реальными благами могут лишь владельцы и спонсоры медиаканалов.

Еще одним мотивом критики телекоммуникативных медиа является виртуализация близких — телесных и межличностных — отношений типа: «лицом к лицу», «глаза в глаза», «бок о бок», наконец, «нос к носу». Этот список можно дополнить такими практиками, как труд, игра, война, болезнь. Уже по мере урбанизации и переселения в малогабаритные городские квартиры люди стали утрачивать навыки, необходимые в сельской жизни. Сегодня почти все свободное время они проводят сидя

за компьютером. Из-за этого утрачиваются и другие габитусы, необходимые, например, для семейной жизни. Старшее поколение расценивает интернет-зависимость как форму эскапизма, бегства от действительности. У тех, чья юность прошла в докомпьютерную эпоху, был опыт телесной коммуникации. Мальчишки играли в войну, а девочки в дочку-матери. Дети состязались в беге, в плавании, боролись и даже дрались. Многие умели орудовать молотком, лопатой, топором и другими инструментами, катались на велосипедах и на лодках. Кроме школьных классов, подростки во дворах и на улицах самостоятельно объединялись в группы. Они отличались от таких интернет-сообществ, как остеопаты, любители тюльпанов или фанаты Майкла Джексона, тем, что были привязаны к территории и реальному коллективу, поэтому проблема идентичности решалась на основе различия своих и чужих. Точно так же дело обстояло с гендером, и мало кто сомневался, мальчик он или девочка. Обозвать мальчишку девчонкой и наоборот означало нанести сильную обиду.

Известно, что мужчинами и женщинами люди не рождаются, а становятся. Воспитательные практики не сводятся к лекциям о сущности мужского и женского, а включают телесные и ментальные установки, формирующиеся сначала в игровой, а потом и в практической форме. Таким образом, половая и гендерная идентичности задаются не только на генном, но и на культурном уровне. Сегодня требования свободы выбора пола совпали с деградацией повседневных практик, что привело к кризису идентичности. Поэтому вместо обрезания груди или иных органов (такие радикальные меры применяли только самые свирепые племена туарегов), необходимо восстановить культурные техники тела, способствующие формированию гендера на биологической основе.

Мы все выношены в лоне матери, нашим самым близким соседом была плацента. После рождения мы еще целый год остаемся сосущими младенцами. Но и встав на ноги, мы нуждаемся в ласке и заботе, и не инстинкт, а именно желание близости влечет нас друг к другу. Отказ от телесных отношений в пользу разглядывания клиповых инсталляций вызван кризисом женщины-матери. Государство стремится повысить рождаемость. Но «материнский капитал» — это не только деньги. На самом деле никто точно не знает, сколько детей может воспитать женщина, на скольких младенцев хватит ее ласки, заботы, а главное, терпения. Не отрицая материнского инстинкта, можно предположить, что и в этом случае техники тела играют свою роль. Именно их дефицит приводит к тому, что молодые люди, получившие сексуальное просвещение, не способны вытерпеть орущих младенцев.

Я и Мы

Дилемма природного и культурного сегодня обсуждается в аспекте пересмотра и даже отказа от идеи человека [5]. Но есть и другие, оставшиеся в наследство, но так и не разрешенные противоречия, в частности, индивидуального и социального. Одни считают первичным индивидуальное Я и пытаются открыть причины, под воздействием которых происходит объединение людей. При этом опять возникают противоположные объяснения: по Аристотелю, люди по природе являются коллективными животными, а по Гоббсу, они заключают общественный договор после того, как осознают опасность независимости. В одном случае возникает проблема возникновения индивидуального Я, в другом — социального Мы. Для одних затруднения возникают в процессе поисков рождения Я, для других загадка — возникновение государственной организации общества.

Сегодня мы оперируем значением понятий Я и Мы, которое сложилось в прошлом на основе определенных и уже изменившихся общественных отношений. Поэтому Я и Мы нельзя рассматривать как обозначения отдельных сущностей, а также необходимо учитывать, что соотношение индивидуального и социального складывалось в разные эпохи по-разному. Между тем современные исследователи по-прежнему опираются на проект Просвещения, в котором человек мыслился как свободный автономный индивид, наделенный разумом, способный к рефлексии, т. е. к наблюдению за самим собой и обществом, в котором он существует [9]. Модель сетевого общества уже не соответствует отношениям людей, сложившимся в эпоху секуляризации.

Переживания чувства Я и чувства Мы, которые испытывают обычные люди, необходимо дополнить анализом того, какое место в действительности занимают инстанции Я и Мы, как складываются отношения людей в социальной реальности на том или ином уровне ее развития. Главное, не следует принимать переживание и желание за непосредственный опыт. Начиная с XIX в. люди меньше зависят от семейных и племенных коллективов. Традиционные общества модернизируются. Например, на смену племенным объединениям приходят абсолютные монархии. Их постепенно разрушает капитализм, и буржуа объединяются в парламентские республики. В разных объединениях как сами индивиды и коллективы, так и их отношения существенно различаются. В монархиях, по сути, господствует верхушка, которая малочисленна по сравнению с подданными. Народ объединен в семейные и общинные коллективы, и чувство Я переживается по-другому, чем в современных

развитых обществах. Оно обостряется, когда буржуазное общество вступает в эру благоденствия и затухает классовая борьба. Наступает эпоха индивидуализма, в которой главным противником становится государство. Экзистенциальная философия онтологизирует этот опыт и выносит за скобки социальную реальность, в которой индивид и общество на самом деле связаны прочнее, чем раньше. Индивидуальное Я определяется на фоне коллектива, ибо одно не существует без другого, отличаются способы их взаимосвязи. Чувства одиночества, аномии выражают желание жить вместе, это реакция на пустоту и холод общественных отношений, которые пришли на смену близким семейно-родственным взаимосвязям. Невозможно оказаться и жить по ту сторону человеческого. Поэтому наряду с идеологами цифрового общества становятся популярными разного рода политические и экологические романтики [1, 108]. Любовь к природе, лесу, животным — это, конечно, не суррогат, но все-таки на первом месте должна быть любовь к другому человеку.

Живое и автомат

Сначала спорили, может ли машина мыслить, потом, кто я — человек или машина? Угрозу видели в том, что машины выйдут из-под контроля и поработят своего создателя. Критика шла по линии доказательства, что машина не мыслит [7, 31]. Хотя она и не мыслит, однако участвует в принятии решений, причем во все более широких областях. Наиболее впечатляющим примером служат автоматические системы управления транспортом. Конечно, есть примеры авиакатастроф, причины которых видят в автоматике. Еще опаснее выпускать машины без водителя на улицы. Но если разобраться, то во многих случаях виноват как раз человеческий фактор, и катастрофа происходит из-за того, что человек пытается управлять машиной в ручном режиме. При этом он настолько привык к автоматике, что часто принимает неадекватные решения и совершает поспешные действия. Пилоты и водители, прошедшие обучение на тренажерах, не способны управлять техникой в ручном режиме. Причина в том, что практически их этому не учат, так как нестандартные ситуации бывают редко. То же самое в медицине. Студенты имеют дело с муляжами, анатомируют и оперируют «по интернету», т. е. не присутствуют лично в анатомичке или операционной, да и сами медицинские осмотры и беседы с больным сводятся к разглядыванию результатов анализов.

Итак, сегодня машина заменяет, или может заменить, человека в весьма широкой сфере жизнеобеспечения — как на производстве, так и

дома. С одной стороны, это неплохо, если рутинная работа будет выполняться машинами. Тогда главная проблема в том, как будет жить человек, освободившийся от «родового проклятия» тяжелого физического труда. С другой стороны, опасность видится в том, что самообучающиеся аутопоэтические машины заменят человека не только в рутинной, но и в творческой работе. Уже сегодня машина обыгрывает человека в шахматы. Может ли она управлять его действиями в иных сферах? А главное, не станет ли она управлять его желаниями, целями, ценностями?

В принципе наука уже давно внедрилась в сферу жизненного мира. Дискуссии о соотношении «двух культур» показали, что не только в экономике, но и в личной жизни люди нуждаются в научных рекомендациях. Современные медиа в силу подмены реальности цифрой дают не советы, а формы жизни. Они захватывают человека целиком, конструируют и удовлетворяют его желания. Но при этом происходит трансформация телесности. Трансмедиа создают не физическое, а виртуальное тело, наподобие того, каким будут наделены жители рая. Им не нужна никакая инициация, и даже физкультура. Опасность цифровизации в том, что поведение человека моделируется алгоритмом, он поступает, как машина, по заданному алгоритму и не способен на сострадание. Цифровизация воспитательных практик имеет свои границы. Хотя и в меньших размерах, рабочие, военные, полицейские, пожарные и другие всегда будут необходимы для общества. Для их подготовки электронных тренажеров недостаточно. Поэтому традиционные техники тела нельзя списывать со счетов [8].

Деграция телесных практик и навыков — это общая проблема. Современные медиа, с одной стороны, нацелены на чувства и тело, на телесные желания и чувственные удовольствия, с другой стороны, происходят выключение тела, притупление чувственности, снижение порога чувствительности. Конечно, книги тоже способствовали донкихотству, но все же они задавали примеры для подражания. В отличие от Обломова Дон Кихот не лежал на диване, а странствовал и совершал подвиги во имя Прекрасной Дамы. Гамлет, которого несправедливо обвиняют в бездействии, не только предавался рефлексии, но и искусно интриговал. А Фауст — образец «доброевропейца», добивался благополучия целого народа. Да и мы с нашими «онегинскими», «обломовскими», «печоринскими» и «чичиковскими» тоже стремились переделать мир.

Что происходит в результате медиализации и цифровизации? С одной стороны, их можно расценивать как реализацию старинной утопии освобождения от труда как родового проклятия человека. С другой

стороны, очевидно, что цифровая реальность состоит из двойников, симулякров, ярких снаружи, но пустых знаков, из которых монтируются разнообразные «виртуальные миры». Это нечто вроде «острова забвения», куда зовут усталых героев сладкоголосые сирены и откуда они не возвращаются на свою настоящую родину.

Опасность цифровизации не только в том, что люди начнут думать алгоритмами. Если постепенно все виды деятельности будут осуществляться посредством гаджетов, то это приведет к радикальной трансформации тела. Сегодня деревенские подростки не отличаются от городских, а девочки становятся похожими на мальчиков. Проблема не в гиподинамии. Опасность в утрате значительной части опыта, который вписан в тело рутинными практиками. Внутренний опыт сознания и тела непосредственно переживается индивидом, он формируется бессловесно и накапливается в форме разного рода привычек: сиди прямо, держи вилку в левой, а нож в правой руке и т. п. Правила поведения за столом — это часть норм, которые в совокупности образуют социальное поле, поэтому их воспитание подобно инициации в древних обществах. Техники тела не заучиваются подобно таблице умножения, а формируются на практике. Тем не менее они как-то передаются от поколения к поколению. Наблюдая за родителями и родственниками, ребенок подражает и усваивает будущую роль. Важную функцию воспитания тела выполняет игра. Здесь он тоже не зритель, а участник. Игра как форма борьбы не поддается расчету. В игровой и в жизненной ситуации участники существуют не в линейном времени, а в процессе становления. Находясь в состоянии неопределенности, когда все постоянно меняется, они должны предвидеть действия других и адекватно реагировать не столько на сложившуюся, сколько на будущую конфигурацию. Антропогенные последствия медиализации хорошо видны на примере электронных игр. Человек, по определению, существо играющее. Классические игры были агональными формами социализации, поддержания физической формы, наконец, развлечения. Церемониал определяет поведение людей как в приватном, так и в публичном пространстве. Не будучи воспитанным, легко ошибиться, совершить неловкость, обидеть или оскорбить присутствующих. Общественный порядок держится не на теоретических расчетах и не на идеологических или моральных императивах, а на телесных реакциях и движениях. Никто ничего не доказывает и не убеждает, люди занимают свои места и выполняют заданные действия.

Вывод

Подводя итоги, можно сказать, что даже если мы действительно достигли такой стадии объединения, которое называют сетевым обществом, мы должны научиться жить с растущими конфликтами, которые возникают по причине отставания психоистории человека и общества от реальных изменений межчеловеческих отношений. Такие конфликты были всегда, но люди при этом как-то жили вместе. Чтобы избежать аномии и одиночества, необходимо открыть возможности трансмедийных технологий для сохранения и воспроизводства культурной памяти, которое осуществлялось благодаря телесным практикам.

Литература

1. *Бибихин В.В.* Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
2. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
3. *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
4. *Михайлов И.Ф.* Человек, сознание, сети. М.: ИФ РАН, 2015. 196 с.
5. *Ростова Н.Н.* Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 731—750.
6. *Савчук В.В.* Медиафилософия. СПб.: Русская Христианская Гуманитарная Академия, 2013. 296 с.
7. *Серль Дж.* Как можно решить проблему «сознание — тело»? М.: Идея-Пресс, 2014. 108 с.
8. *Тотальная антропология и реальное.* СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 370 с.
9. *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.
10. *Ямпольский М.Б.* Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. 269 с.

References

1. *Bibihin V.V.* Les. SPb.: Nauka, 2011. 425 s.
2. *Kastel's M.* Vlast' kommunikacii. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.

3. *Kastel's M.* Galaktika Internet. Ekaterinburg: U-Faktorya, 2004. 328 s.
4. *Mihajlov I.F.* Chelovek, soznanie, seti. M.: IF RAN, 2015. 196 s.
5. *Rostova N.N.* Adzhornamento antropologii: preodolenie granicy mezhdru prirodoy i kul'turoj // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Filosofiya i konfliktologiya. 2020. T. 36. Vyp. 4. S. 731—750.
6. *Savchuk V.V.* Mediafilosofiya. SPb.: Russkaya Hristianskaya Gumanitarnaya Akademiya, 2013. 296 s.
7. *Serl' Dzh.* Kak mozjno reshit' problemu «soznanie —telo»? M.: Ideya-Press, 2014. 108 s.
8. Total'naya antropologiya i real'noe. SPb.: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta, 2017. 370 s.
9. *Elias N.* Obshchestvo individov. M.: Praxis, 2001. 336 s.
10. *Yampol'skij M.B.* Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya. M.: Ad Marginem, 2000. 269 s.

К.В. МОЛЧАНОВ

**Видимость, гиперреальность и алогичность:
критика научного познания и необходимость создания
заново логики в составе наук***

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы развития общества, наук и познания. Было сделано следующее обобщение: искажения и ошибки научного познания связаны не только с несовершенством ощущений и с применением субъективных форматов познания, но и с отказом от изучения сущностных феноменов окружающего мира и познания, в первую очередь мышления. Соответствующие проблемы актуальны и включают ряд научных и методологических вопросов. Особое внимание уделяется логике. Анализ положения дел обусловил вывод о том, что остро необходимо качественное усовершенствование

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Видимость, гиперреальность и алогичность: критика научного познания и необходимость создания заново логики в составе наук // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 160—175.

вание научного познания, а применение диалектики как никогда актуально для исследований развития познания и общества. Результаты исследований могут быть использованы для определения новых возможностей развития современного общества.

Ключевые слова: видимость, гиперреальность, алогичность, науки, познание, диалектика, логика, социально-экономические исследования, общество.

Abstract. The article discusses some topical issues of the development of society, sciences, and cognition. The following generalization was made: the distortions and errors of scientific cognition are related not only to the imperfections of sensations and the use of subjective forms of cognition, but also to the rejection of the study of the essential phenomena of the environment and cognition, primarily thinking. The relevant problems are of current importance and include a number of scientific and methodological issues. Particular attention is paid to logic. An analysis of the situation has led to the conclusion that there is an urgent need for qualitative improvement of scientific cognition, and using of dialectics is more relevant than ever to research of society and cognition. The results of the research can be used to determine the new opportunities of the development of modern society.

Keywords: visibility, hyperreality, illogicality, sciences, cognition, dialectics, logic, socio-economic research, society.

УДК 008
ББК 87.6

В последнее время хедлайнером научных дискуссий стала тема неопределенности современного человеческого существования: институциональный хаос, неопределенные человеческие ожидания, нереальность, миражность существования человеческого мира. Вопросов и неясностей много, как и всегда при обсуждении такой и похожих тем, а вот ответов практически нет. Но что это значит: новые и новые дискуссии, дальнейшее погружение в неопределенность?

На наш взгляд, не стоит углубляться во множество мнений и плодить их еще, так как человечество за тысячи лет своего существования выработало уже достаточно философских и иных представлений для того, чтобы можно было разобраться с обозначенной темой, причем даже не столько в целях ее самой прояснения, ибо это просто спорная дискуссионная тема, сколько для оценки познания, от состояния кото-

рого и зависит степень неопределенности, что и стало предметом соответствующих наших размышлений и исследований на основе диалектики.

Итак, для прояснения ситуации следует обратиться к мировому философскому опыту, который, как ни странно, обычно игнорируется при обсуждении обозначенной и аналогичных тем.

Парменида обоснованно считают одним из основоположников наук, научного познания, ибо именно он был первым, кто очистил человеческое представление, «возвысил его до чистой мысли, до бытия как такового» [2, т. 5, 75], кто приблизился к фундаментальному осмыслению категорий «бытие» и «познание». Спецификой и базой его представлений и открытий стало предположение о том, что человек сможет понять мир, если сосредоточится на простых и неизменных сущностях. Основой философского взгляда на мир у Парменида стало бытие, точнее — утверждение о том, что помимо бытия нет ничего: *бытие есть, а небытия нет*. Но исключительность бытия привела к тому, что, с одной стороны, соответствующее познание оказалось однобоким, поверхностным, несовершенным, тем более что бытие, «на самом деле, есть наиболее скудное, наиболее абстрактное определение» [2, т. 1, 104]. А с другой стороны, «Пармениду приходится иметь дело с видимостью и мнением, с противоположностью бытия и истины» [2, т. 5, 88]. И истина оказалась *заслоненной* видимостью.

Однако и во времена Парменида было понимание того, что все постоянно меняется: «все течет» говорил Гераклит, связавший свое представление о всеобщей изменчивости с внутренней противоположностью вещей. И одно из главных соответствующих положений, определенных им, было то, что «бытие столь же мало есть, как и небытие» [2, т. 5, 69], причем и бытие и ничто мыслились Гераклитом в их абстракции, что очень важно и особо акцентируется в диалектике, а вот в науках игнорируется.

Еще более точно положение дел определил Платон. Он в своем диалоге «Софист» указал, что Парменид неправ в том, что «нет никогда и нигде, чтоб не-сущее было», или что небытие не существует, ибо «небытие, бесспорно, имеет свою собственную природу» [11, 331]: «небытие существует» [11, 332].

Понимание того, что небытие существует, являет коренное отличие диалектики от наук.

Благодаря Платону стало возможным всеобъемлющее диалектическое познание, ярко и достаточно полно представленное в его философии и в философии Гегеля, однако так до сих пор не понятое и не признанное науками.

И даже великий Аристотель в свое время воспринял диалектику превратно, имел иное ее понимание, совершенно отличное от Платоновского, представил ее совсем в другом свете — как вероятностное знание. Это понимание, правда, не прижилось, но все же заслуживает внимания в силу того, что оно возникло именно по причине принятия мира на основе, по сути, парменидовского принципа², и поэтому у Аристотеля возникло особое теоретическое представление, которое привело к понятию *вероятности*, т. е. фактически к возврату к феноменам видимости и мнений, по сути, к неизбежности возникновения неоднозначности при недиалектическом подходе. Не приняв диалектический принцип Платона, Аристотель создал гносеологию, приводящую по сути к видимости и мнениям по Пармениду. Поэтому познание по Аристотелю, т. е. фактически научное познание, оказалось ограниченным аксиоматическими категориями и фиксированными форматами мышления (познания), например такими, как индукция и дедукция, которые впоследствии, в Новое время, правда, были существенно развиты, однако концептуально основы научного познания изменены не были. Да и не могли быть изменены, ибо в принятой науками формализованной Аристотелевой системе порядок и возможность осмысления — логика — выступили в известном формальном виде, с одной стороны, создав колоссальный задел для научного познания (но не для диалектического познания), однако, с другой стороны, существенно ограничили его (что выявил Кант), и это — одна из главных причин ограниченности научного познания и образования в его ходе видимости и мнений (а далее — неоднозначностей, миражей...).

Именно в силу философии Аристотеля произошло полное разделение наук и диалектики.

При этом стал актуальным вопрос об основе научного познания — о логике, лучше сказать — о *традиционной логике*, или об *общей логике* (по Канту), или об *обыкновенной логике* (по Гегелю), или о логике

² Это произошло, прежде всего, потому, что, по словам Гегеля, признав по существу идею по Платону, Аристотель понимал ее как всецело проявившуюся вовне, при этом, не доведя своего представления до соответствия идее, в том числе идее своего же представления, оставил его и соответственно понимание мира односторонними, по сути, концептуально, такими же, как у Парменида.

в составе наук, ибо логика в смысле диалектики (в ее составе) имеет иное начинание, значение и содержание, — она начинается в философии Платона с осмысления суждения и базового формата рассуждений.

Логика в смысле диалектики была основана в философии Платона и отлична от традиционной логики; это положение почему-то игнорируется в науках...

В Новое время в отношении традиционной логики стало понятным, что «со времен Аристотеля логика не подверглась никаким изменениям... нуждается в полной переработке» [2, т. 5, 30]. Эта переработка была начата Кантом, который «поставил наряду с тем, что обычно называлось логикой, еще одну, а именно трансцендентальную логику» [2, т. 5, 43], которая, в отличие от традиционной логики, во-первых, не абстрагируется от содержания объективного познания и, во-вторых, обуславливает исследование человеческого познания.

Кант качественно изменил представления о сути познания, в частности поставил вопросы об априорной деятельности рассудка, об исследовании его возможностей и о границах его познания — фактически о возможностях и границах научного познания. Развивая представления предшественников, Кант ввел понятие *продуктивной силы воображения*, осмыслив ее как средний термин между опытом и категориями, благодаря чему и оказывается возможным организовать воспринимаемое, превращая его в содержание познания (что до сих пор упускается науками по ряду причин). Отсюда и кантовское понятие трансцендентального: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori» [4, 121].

Однако кантовская критическая философия, по оценке Гегеля, придала «логическим определениям существенно субъективное значение», и «оставалась как некоторое потустороннее, вещь в себе» [2, т. 5, 29], что было крайне опасным наследием взглядов Парменида и Аристотеля, так как основываемое на нем (научное) познание оказывается конечным и внешним к вещам, поэтому не может достичь истины.

Гегель развил философию Платона, исправил ошибки Парменида, Аристотеля и многих других философов и недочеты Канта, в частности опроверг «законы» традиционной логики (а содержание ее самой удостоил *презрения* [2, т. 5, 30]), развил диалектическую систему познания, обозначенную Платоном, — и появилась возможность переосмыслить основанную Аристотелем систему научного познания (в частности, появилась великая гегелевская *Энциклопедия философских наук*, развитая в ряде трудов великого философа). А в смысле темы настоящей статьи

отметим лишь два предельно важных момента: Гегель обосновал, что а) если рассуждение «не поднимается выше чувственности, то к этому обстоятельству присоединяется еще и то, что, говоря о понятии, оно не покидает чисто абстрактной мысли» [2, т. 6, 158], т. е. то, что при научном, материалистическом подходе, основывающемся на чувственном, на исключительном понятии бытия, отвергающем сверхчувственность, нельзя говорить о соответствии объекта его истине, о познании, достигающем истину, об истинном познании; б) не только несовершенство восприятия и познания искажает объект, но и мышление изменяет воспринимаемое (см., например: [2, т. 1, 101]), т. е. фактически то, что для корректного и эффективного познания необходимо понимание не только самого мышления и его процессов, чего в науках до сих пор нет, но и причин и существа искажения образа воспринимаемого им объекта и путей исправления этого.

Иными словами, можно сделать следующее обобщение: искажения и ошибки любого недиалектического познания оказываются связанными не только с несовершенством ощущений и с применением субъективных форматов познания, но и с отказом от изучения сущностных феноменов окружающего мира и познания, в первую очередь (проистекания) человеческого мышления; все это служит развитию неопределенности, незнаний, домыслов и т. п. в науках и обществе.

Однако гегелевское развитие платоновского решения вопроса обретения истинного знания оказалось непризнанным науками, так что вполне логично было ожидать усугубления несовершенства научного познания со всеми вытекающими последствиями — неопределенность, миражи... И это обрело вполне реальные очертания не только в демагогических дискуссиях о неопределенностях и миражах, но и в виде научных парадоксов и проблем, которые во многом не решаются в силу отсутствия в науках адекватных представлений о сущем и надлежащих инструментов познания. Для наглядности приведем всего лишь два очевидных факта.

Первый: в науках нет определения *бесконечности*, которая в «лучшем» случае определяется через себя, через бесконечное, а то и попросту берется априори, интуитивно, как нечто до конца так и не уясненное (и это для научных рассуждений и выводов, называемых строгими!), но которая при этом активно используется в науках, в частности в дифференциально-интегральном исчислении. Однако оно без надлежащего определения бесконечно малой величины выглядит парадоксально: базового понятия нет, а вот правильность исчислений *в имеющихся вариантах* налицо. А может ли в общем случае все быть не так,

как обычно *получается* у ученых? Или может ли все даже и в известных случаях *стать* по-другому, если выявятся особые обстоятельства, связанные с определением бесконечности? Такого рода вопросы и другие не только ярко обозначают соответствующую, одну из самых существенных неопределенностей в науках, но и могут поставить под сомнение дифференциально-интегральное исчисление, а то и всю математику, *что невозможно для наук*, и поэтому вопрос о неопределенности бесконечности замалчивается. (В современной диалектике изучается возможность принципиально нового осмысления дифференциально-интегрального исчисления и его использования в связи с диалектическим определением бесконечности.)

Второй: в науках *фотон* понимается одновременно и как элементарная частица, правда, не имеющая массы покоя, и как квант электромагнитного излучения, причем часто эти исключаящие друг друга положения попросту *приставляются* друг к другу, пишутся через запятую, якобы акцентируя *некую глубину* этого научного положения. Однако, с одной стороны, если фотон — это такая частица, которая не имеет массы покоя, то тогда определение частицы должно включать в себя факт (возможность) отсутствия массы, и, кроме того, тогда не следует исключать возможность существования тел без массы, например, тел, образуемых некими суперпозициями фотонов; — хотя в этом случае вся теоретическая физика должна подлежать кардинальной переработке, *что опять же невозможно для наук*. С другой стороны, и квантом электромагнитного излучения фотон быть не может по ряду причин, уже признанных, но редко афишируемых, например, в силу того, что он не может быть разделен на ряд волн, квантов электромагнитного излучения [13]. Так что признание фотона и квантом электромагнитного излучения несостоятельно, что ставит под сомнение ряд фундаментальных представлений физики, и опять же вся теоретическая физика должна подлежать кардинальной переработке, *что конечно же, невозможно для наук*. (В современной диалектике изучается возможность принципиально нового осмысления феноменов фотона, волны и света.)

Так что в связи с очевидными, образовавшимися еще со времен Парменида и Аристотеля несовершенством и парадоксальностью научного познания вполне *логично* ожидать появления неопределенностей, противоречий, миражей и т. п. в нем и в силу него.

А по причине того, что науки — это часть общественного сознания, не могло не последовать и изменение представлений общества о нем самом и о мире, изменение общей феноменальной ситуации в обществе,

характеризующейся в том числе трансформацией и даже утратой чувства реальности у людей, что в целом понятно в силу указанных выше проблем восприятия и познания, включая проблемы видимости и искажения мышления. Эта возникшая ситуация была осмыслена.

Утрата чувства реальности как особый феномен была осмыслена известным философом Ж. Бодрийяром, который ввел понятие *гиперреальности* как некой объективно воспринимаемой нереальности, как символического изображения действительности, подменяющего реальность. Гиперреальность симулирует, подменяет реальность, создает знаки — *симулякры*, не соотносящиеся с реальностью. Реальность искажается в первую очередь информационными продуктами: прежде всего в СМИ создается искусственная, виртуальная реальность. И восприятие феноменов реального вытесняется симулякрами, которые по сути выражают нечто не существующее в реальности и являются образами несуществующей действительности, символами, за которым нет реальности, — остаются лишь только симулякры, которые подменяют действительность и которые воспринимает человек, уже переставая ощущать и осознавать реальность: человек уже не может воспринять истинную реальность, реально существующее положение дел.

Бодрийяр, по сути, возвел гиперреальность в ранг социального феномена: «символическое — это не понятие, не категория и не «структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [1, 243].

Однако, несмотря на тщательное философское осмысление гиперреальности и симулякров, Бодрийяр не рассмотрел категории, основополагающие для затронутой им темы, и поэтому дал лишь ее внешнее описание: прибегая к сравнению с философией Парменида, можно сказать, что Бодрийяр дал описание *видимости нереальности*. Более того, Бодрийяр не обратился в достаточной мере к мировому философскому наследию, критически осмыслившему субъективные позиции восприятия и познания мира, прежде всего к критической философии Канта.

Во-первых, Бодрийяр просто обязан был проанализировать феноменальное кантовское исследование представления о вещи и ее реальном состоянии, например, когда «имущественное состояние больше при ста действительных талерах, чем при голом их понятии» [2, т. 5, 73], — различие представления и состояния имущества, причем когда оказывается, что «предмет, когда он действителен, не содержится только аналитически в моем понятии» и что для содержания, рассматриваемого изолированно (абстрактно), «безразлично быть или не быть» [2, т. 5, 73].

Таким образом, представление и существующая реальность различны, однако в восприятии реальность действительно может быть как выражена, так и подменена неким представлением, причем даже не имеющим основания в реальности, в мире, т. е. симулякром.

Во-вторых, теоретически Бодрийяр, столкнувшись с понятием реальности, должен был учесть многократно упомянутое Гегелем различие *бытия* и *наличного бытия*, и тогда бы им был решен парадокс гиперреальности, или реальности нереального. Но в первую очередь следовало учесть *отрицание*, упоминаемое Гегелем при анализе реальности, и тогда можно было бы перейти к *качеству* — к той категории, которая а) снимает и восприятие по Пармениду, и вероятность по Аристотелю, и кантовский парадокс представления, и восприятие симулякров как реальности и б) обеспечивает доказательное рассмотрение любой реальной и любой идеальной ситуации,

В целом же можно сделать вывод о том, что теперешняя ситуация с неопределенностью, симулякрами, миражами и т. п. возникла в обществе в силу отсутствия во многом реальных знаний в науках, так до сих пор и не учитывающих принципы, которые были сформулированы в диалектике еще до н. э. и существенно развиты Гегелем и которые можно эффективно использовать

- при осуществлении восприятия и обработке данных об объекте,
- при исследовании возможностей рассудка, хотя бы по Канту, прежде всего для того, чтобы не возникали необоснованные мнения и симулякры,
- при осуществлении познания, в том числе для того, чтобы избавиться от неоправданных субъективных категорий и исправить искажения, возникающие в силу мышления.

И если второе и третье положения были изучены в философиях Канта и Гегеля, то первое стало особенно критичным в XX в., в первую очередь при сборе данных в научных опытах и в информационных технологиях [9], и поэтому стало тщательно изучаться в Современной диалектической философии³. Оно стало критичным вообще и в науках в частности, и что самое парадоксальное — при осуществлении опытов, ибо ко многим проблемам научного восприятия и познания прибавились

³ Некоторые из ее основ изложены в ряде наших статей в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 г. и на нашем сайте www.dialectics.ru.

новые парадоксальные феномены. Например, для физики стал актуальным *эффект наблюдателя*, который подразумевает невозможность измерения в ряде случаев состояний объекта, причем речь идет не об ошибках человека или аппаратуры при измерении. Эффект наблюдателя определяется феноменом изменения объекта при наблюдении: проще говоря, любое измерение есть взаимодействие объекта с наблюдателем, которое изменяет состояние объекта, например, волну может «сделать» частицей⁴. Иными словами, возможно изменение объекта в случае его наблюдения, причем не объяснимое никакой научной логикой, теорией или гипотезой. И, главное, это уже не видимость и не симулякр. Это — эффект уже другого, принципиально нового феномена, названного нами *алогичность*⁵.

Основой понятия алогичности является гегелевская критика в его труде «Наука логики» известного «закона» противоречия традиционной логики. В общем случае алогичность понимается как несоответствие двух опосредствованных (взаимосвязанных) феноменов, представлений, в том числе явного и неявного, реального и идеального, сверхчувственного и трансцендентного, вплоть до логического, в основном, когда человеком создается ситуация, не являющаяся логически состоятельной. Алогичность соотносится с видимостью (в первую очередь в части ее зависимости от восприятия человека) и симулякром, но отлична от них: от первого — как восприятие, которое логически не соответствует имеющемуся положению дел, а не просто искажено, например, в результате

⁴ «Когда они ведут себя как волны, электроны могут одновременно проходить через несколько отверстий в барьере, а затем снова встречаться на другой стороне. Эта встреча известна как вмешательство. Теперь самое абсурдное в этом феномене заключается в том, что оно может возникнуть только тогда, когда его никто не наблюдает. Как только наблюдатель начинает наблюдать частицы, проходящие через отверстие, полученное изображение резко меняется: если можно увидеть частицу, проходящую через одно отверстие, ясно, что она не прошла через другое отверстие. Другими словами, под наблюдением электроны более или менее вынуждены вести себя как частицы, а не как волны. Таким образом, сам акт наблюдения влияет на экспериментальные результаты» (см.: <https://newscience.ru/chto-takoe-effekt-nabljudatelya-v-kvantovoj-mehanike/>).

⁵ В целом известные термины «алогичность» и «нелогичность» похожи: они понимаются как сбивчивость, путаность, двойственность, противоречивость, нечеткость, произвол, непоследовательность, но алогичность в большей мере подразумевает двойственность, а нелогичность — отсутствие закономерности, неясность. В указанном смысле научное определение фотона является нелогичным.

ощущений, а от второго — как рационально сформированное нелогичное мнение, реализуемое реально, причем оно может быть предпослано нереальным, даже выдумкой.

Алогичность присуща наукам.

В первую очередь, алогичность характерна для научной методологии.

Так, в науках нет даже понимания *суждения*, без которого невозможны умозаключение и обоснованный вывод [6], точнее — имеется несколько противоречащих друг другу издавна известных определений, но опровергнутых еще Кантом и Гегелем, т. е. рассуждения и выводы в науках осуществляются... фактически по наитию, являются просто мнениями (и только в естественных науках познание хоть некоторым образом спасают многократные опыты, сами по себе обусловленные логикой природы, но на них могут влиять несовершенство ощущений вплоть до *эффекта наблюдателя*). Но кто же из ученых признает незнание суждения (т. е. невозможность делать обоснованные выводы), и об этом просто молчат... и в этом проявляется алогичность!

А в России научное познание усугубляется еще и имманентным присутствием в методиках обучения и познания Энгельсовых «законов», оставшихся на уровне подсознания с советских времен и известных больше как «законы диалектики». Выдумывая эти «законы», требуемые для обоснования смены капитализма, Энгельс сослался на Гегеля. Однако ни сам Энгельс и никто другой ссылки на труды великого философа так и не привели, ибо таких «законов» нет и быть не может [5], но их признали и даже до сих пор признают: вот она — алогичность!

Алогичность ярко проявляется в общественных и гуманитарных науках.

Например, психология не цельна, не имеет единой парадигмы, или по сути в психологии имеется ряд парадигм, не сводимых не то, что в одну, но и даже просто друг к другу, так что даже не понятно, что называть психологией: «В 1910—1930-е гг. в психологии сформировалось большое количество конкурирующих несовместимых и даже несопоставимых парадигм... Состояние психологии в 1910—1930-е гг. представляло лишь стадию открытого кризиса, который продолжается до настоящего времени и характеризуется разнообразием и конкуренцией парадигм» [12, 42].

Также известна несостоятельность экономической науки, в которой имеется множество парадоксов, несостыковок, неясностей и нет корректных определений ряда базовых категорий [10], но она применяется,

несмотря на то, что неудовлетворительные результаты этого видны повсеместно. О несостоятельности российской экономической науки мы говорили многократно (см, например: [7]). Да что там говорить! — даже поручение Президента РФ о создании Программы роста экономики России, данное им еще в 2016 г., до сих пор и не выполнено, несмотря на великую многочисленность и маститость экономистов в России!..

И для естественных наук алогичность характерна в значительной мере, в первую очередь при использовании неопределенных понятий, да еще и в силу объективного искажения восприятия, о некоторых примерах чего говорилось выше.

Алогичность существенна и в прикладных сферах, например, для вроде бы однозначных и точных... информационных технологий, в которых, однако, «не только нет корректных определений соответствующих терминов» — данных, знаний и информации, «но и присутствует парадоксальность их определений» [9, 173], в частности «данные и информация определяются друг через друга, а не определяются самостоятельно и по существу» [9, 173].

И «следует сделать вывод о том, что в науках и информационных технологиях нет гарантий адекватности восприятия объекта и тем более точности его описания, что ставит под сомнение определение данных, возможность их обработки формальными методами и объективность получаемого результата в науках и информационных технологиях» [9, 185].

Интенсивное изучение алогичности, особенно в социальной сфере, стало осуществляться в Современной диалектической философии с 2020 г., ибо оно было вызвано исследованием экстраординарной ситуации, сложившейся в силу распространения коронавируса и борьбы с ним, в том числе многочисленных противоречивых и бесплодных заявлений в отношении него. Это — отдельная большая тема, включающая особый логический парадокс, но ее мы в данной статье обсуждать не будем, а просто отметим, что логическая (точнее — алогическая) составляющая самого коронавируса и борьбы с ним очевидна. Например, алогично то, что в одно время запрещалась работа просторных фудкортков, но при этом работа даже самых маленьких и тесных кафе была разрешена! Алогичны и QR-коды: алогично то, что вход в кафе, рестораны и на мероприятия с участием более 500 человек возможен только по QR-коду. Однако и вакцинированный человек может прийти в кафе инфицированным, и тот, кто сделал ПЦР-тест, который имел отрицательный результат, мог заразиться даже в день сдачи теста и тоже, уже будучи больным, может прийти в кафе, — и каждый из них в кафе может заразить

любых других его посетителей, как вакцинированных, так и невакцинированных (пришедших в силу ПЦР-тестов); но такой и другие варианты теми, кто разработал и вводил QR-коды, почему-то попросту не учитывались. И др.

Многие ситуации, сложившиеся в науках и в обществе, алогичны, однако *так или иначе* существуют и принимаются обществом. Они существуют, но не подменяя реальность, как симулякры, а вместе с ней, в ней, воздействуя на все окружающее — общество, науки и людей — как нелогичное (субъективное) реальное, параллельное с действительным логичным реальным.

Итак, алогичность характерна и для общества, и для наук, для познания, причем возможна такая их суперпозиция, когда *псевдонаучное* вбирается в *социальное* и *правдоподобно* искажает его...

Проведенное выше краткое рассмотрение некоторых аспектов научного познания привело к акцентированию его проблем и несовершенства; в частности были обозначены существующие в нем

- несовершенство ощущений (видимость),
- отказ от познания сущностных (сверхчувственных) феноменов,
- исключительное признание материального,
- отсутствие корректного определения человеческого мышления и понимания его проистекания (осуществления), в том числе искажения воспринятого,
- отсутствие корректного определения суждений и неизбежное царствование в связи с этим мнений, пагубность которых была замечена еще до н. э.,
- необосновываемое использование субъективных категорий,
- применение субъективных форматов познания, которые являются по сути абстрактными, лишь изредка совпадающими с реальными сущностными процессами природы и общества,
- многие-многие методологические ошибки, в том числе несостоятельные противоречивые определения и порочные стереотипы.

Иными словами, имеют место определенная ограниченность, несовершенство и даже ошибочность научного познания, в силу чего в нем и в обществе и возникают неопределенность, запутанность, искажения, миражи и т. п. Можно сказать и так: материалистичное познание предыдущих веков в процессе научно-технического прогресса обрело неистинность, кажимость, которая объективизировалась, утвердилась в науках и

жизни общества, стала реально существовать в них, весьма весомо негативно *участвовать* в них.

Впрочем, о принципиальном несовершенстве научного познания и прежде всего традиционной логики писал еще Гегель. Он в частности указал, что науки конечны, ибо «в них мышление... берет свое содержание извне, как данное, и что содержание в них не осознается как определенное изнутри лежащей в его основании мыслью» [2, т. 1, 225]. Однако выводы Гегеля учеными игнорируются...

А обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, указанная в начале статьи проблема неопределенностей и неоднозначностей обозначилась как итог искажений восприятия, осмысления реальности и познания на основе наук, что было рассмотрено нами в новом для научного познания диалектико-логическом ракурсе: сначала появление видимости как искажения реальности, затем замена реальности на нереальность, симулякры, потом алогичное совмещение реальности и ее искажений и даже нереальности. При этом все более прирастающие числом и усугубляющиеся парадоксы, неопределенность, запутанность, искажения, миражи и т. п. выражают не столько некую особенную дискуссионную тему, сколько серьезную проблему — несовершенство наук, познания, основанного на материализме и традиционной логике. «Изучение науками материалистических — внешних, случайных, порой несущественных — сторон вопросов, кажимостей, никогда не затронет сущности феноменов, в том числе общественных процессов, общества, и не сможет поэтому помочь в решении актуальных задач и насущных вопросов» [8, 205]. Поэтому можно предположить, что не только институциональный хаос, но и невежество будут лишь усугубляться.

Во-вторых, указанная в начале статьи проблема обозначилась как посылка, даже как крайне острая необходимость исследования и исправления (например, на основе диалектики) недостатков научного познания, ярко проявляющихся в том числе в спекуляциях на темы неопределенности современного человеческого существования, миражей и т. п. И, на наш взгляд, несовершенство наук *могло бы быть* преодолено, если они признают свои ошибки, откажутся от ошибочных принципов, переработают традиционную логику или хотя бы существенно скорректируют ее.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

2. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М.; Л.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.
4. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
5. Молчанов К.В. «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // Философия хозяйства. 2013. № 6.
6. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // Философия хозяйства. 2016. № 2.
7. Молчанов К.В. К критике современной российской экономической науки (некоторые базисные положения) // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова): Сборник статей / Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М., 2016.
8. Молчанов К.В. Могут ли современные науки осмысливать актуальные проблемы? // Философия хозяйства. 2018. № 5.
9. Молчанов К.В. Критический анализ научного определения данных, информации и знаний, и обозначение основ их диалектического переосмысления и качественного развития информационных технологий // Философия хозяйства. 2021. № 2.
10. Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровение Зоила, или Судный день экономизма). М., 2017.
11. Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
12. Психология. Учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2009.
13. Grangier P., Roger G., Aspect A. Experimental Evidence for a Photon Anticorrelation Effect on a Beam Splitter: A New Light on Single-Photon Interferences // Europhys. Lett. 1986. Vol. 1.

References

1. Bodriyyar ZH. Simvolicheskiy obmen i smert'. М., 2000.
2. Gegel' G.V.F. Soch.: V 14 t. М.; L.
3. Gejzenberg V. Fizika i filosofiya. CHast' i celoe. М., 1989.
4. Kant I. Soch.: V 6 t. Т. 3. М., 1964.
5. Molchanov K.V. «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // Filosofiya hozyajstva. 2013. № 6.
6. Molchanov K.V. O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // Filosofiya hozyajstva. 2016. № 2.

7. *Molchanov K.V.* К критике современной российской экономической науки (некоторые базисные положения) // *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Lomonosovskie chteniya — 2016»*. «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова): Сbornik statej / Pod red. A.A. Auzana, V.V. Gerasimenko. M., 2016.

8. *Molchanov K.V.* Mogut li sovremennye nauki osmyslyat' aktual'nye problemy? // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 5.

9. *Molchanov K.V.* Kriticheskij analiz nauchnogo opredeleniya dannyh, informacii i znaniy, i oboznachenie osnov ih dialekticheskogo pereosmysleniya i kachestvennogo razvitiya informacionnyh tekhnologij // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 2.

10. *Osipov YU.M.* *Ekonomika kak est' (otkrovenie Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma)*. M., 2017.

11. *Platon*. *Soch.:* V 4 t. T. 3. M., 1994.

12. *Psihologiya*. *Uchebnik dlya gumanitarnyh vuzov*. 2-e izd. / Pod obshch. red. V.N. Druzhinina. SPb., 2009.

Р.С. ОСИН

Ф. Энгельс о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки*

Аннотация. Рассматриваются взгляды Ф. Энгельса на взаимодействие экономического базиса и политической надстройки. Автор воспроизводит понимание базиса Энгельсом и сопоставляет это понимание с точками зрения в советских общественных науках, затем рассматривается проблема соотношения субъективной деятельности и объективных исторических закономерностей. В завершение автор раскрывает взгляды Энгельса на активную роль политической надстройки вообще и в преодолении всех форм отчуждения и становлении коммунистического общества в частности. Высказывается мысль, что политика является классовым понятием, а государство инструментом диктатуры господствующей

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осин Р.С. Ф. Энгельс о взаимодействии экономического базиса и политической надстройки // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 175—188.

щего класса общества, а потому рудиментом общества социального отчуждения. В то же время показывается, что именно социалистическое государство позволяет создать необходимые условия для бесклассового общества. В этом автор видит фундаментальное противоречие роли государства в становлении коммунистической формации: противоречие государства, которое на известном этапе вынуждено усиливаться, и противоречие государства отмирающего. Делается вывод, что капитализм никогда не сменится на социализм и коммунизм сам по себе, отсюда в становлении коммунизма возрастает роль субъективного фактора, а следовательно, и политической надстройки.

Ключевые слова: коммунизм, капитализм, базис, надстройка, отчуждение, способ производства, производственные отношения, производительные силы, государство.

Abstract. The article discusses the views of F. Engels on the interaction of the economic basis and the political superstructure. The author reproduces Engels' understanding of the basis and compares this understanding with the points of view in the Soviet social Sciences, then considers the question of the relationship between the role of human activity and the objective laws of historical development. Presenting Engels' views on this issue, the author emphasizes that objective historical patterns are realized through subjective human activity. Hence, following Engels, it is concluded that the political superstructure, although determined by the economic basis of society, but at the same time itself has an active impact on it. The article emphasizes the important role of the political superstructure in overcoming all forms of alienation, since this is no longer a spontaneous process, but the result of conscious activity of society. The article states that politics is a class concept, and the state is an instrument of the dictatorship of the dominant class of society, and therefore a vestige of a society of social exclusion. At the same time, the article points out that it is the socialist state that makes it possible to create the necessary conditions for a classless and stateless society. In this the author sees the fundamental contradiction of the role of the state in the formation of the Communist formation: the contradiction of the state, which at a certain stage is forced to strengthen and the contradiction of the dying state. The article concludes that capitalism will never be replaced by socialism and communism by itself, hence the role of the subjective factor, and, consequently, the political superstructure, increases in the formation of communism. Underestimation of this, one-sided economic determinism leads to a distortion of the scientific understanding of society.

Keywords: communism, capitalism, basis, superstructure, alienation, mode of production, production relations, productive forces, state.

УДК 123.1
ББК 87.6

Введение

Вопрос взаимоотношения политики и экономики, а если говорить более конкретно — экономического базиса и политической надстройки, регулярно возникает на том или ином повороте исторического развития. Несмотря на, казалось бы, ясность данного вопроса для марксистов, практическое применение понимания соотношения экономического базиса и политической надстройки часто приводит к разным выводам. Так, к примеру, В.И. Ленин и Г.В. Плеханов считали себя продолжателями дела Маркса—Энгельса, оба признавали на словах общетеоретические положения марксистской политической экономии и философии [12, 203—204], однако пришли к диаметрально противоположным политическим выводам.

Зачастую некоторые исследователи, придерживающиеся экономикоцентричного понимания марксизма, встают на позиции теории, согласно которой капитализм «сам собой» превратится в некое новое посткапиталистическое общество без особых революционных скачков. Как правило, такие авторы на место коммунизма выдвигают некие новые термины (например, «ноономика»), основная же мысль состоит в том, что двигаться к качественно новому этапу развития общества можно без «революционных потрясений» [2, 59].

Так, к примеру, С.Д. Бодрунов считает, что технологические сдвиги радикальным образом меняют качественно сущность нашего общества сами по себе без классовой борьбы и без революций. Бесспорно, развитие технологий оказывает влияние на нынешнее общество и подвергает трансформации капиталистические отношения, но основное противоречие капитализма — противоречие труда и капитала, как показывает практика, не просто сохраняется, но даже приумножается. Так, по данным журнала «Форбс», состояние 25 богатейших миллиардеров мира выросло на 255 млрд дол. за два месяца (с марта по май 2020 г.) [18]. Не отстают и наши соотечественники из списка «Форбс», суммарный доход которых за время пандемии вырос на 62 млрд дол. [6]. И это притом, что доходы основной части населения падают. Так, по данным опроса СК «Росгорстрах жизнь» совместно с центром «Перспектива», за

время пандемии доля россиян с доходом ниже 15 тыс. р. возросла с 38,1 до 44,6% [1]. Как видно из приведенных цифр, технический прогресс хотя и создает технико-технологические предпосылки для перехода к новому обществу, но без политического действия прогрессивных социально-классовых сил общества, предпосылки так и остаются предпосылками, не изменяя качественно старого общества. Сформулированное же Марксом противоречие между трудом и капиталом существует по-прежнему.

В постсоветской академической науке, многие представители которой отказались от марксистской парадигмы, редко можно встретить такие категории, как «производительные силы», «производственные отношения», «базис», «надстройка» и пр. Тем не менее стоит отметить тенденцию возвращения марксизма в академическое пространство и даже определенное усиление его позиций за последнее время. В частности, это отразилось в обращении к марксистским категориям в ряде современных научных публикаций последних лет [13, 124—135; 15, 162—179].

В статье мы разберем следующие основные вопросы: понимание Энгельсом базиса и надстройки, роли исторической закономерности и сознательной деятельности людей в истории, роли политической надстройки и ее влияния на экономический базис, роли политической надстройки в становлении коммунистической формации.

Базис и надстройка

Как известно, классическое понимание того, что является базисом, а что надстройкой, было дано Марксом в знаменитом предисловии к «Критике политической экономии» [11, т. 13, 6—7].

В нем Маркс писал, что базисом общества являются производственные отношения, а надстройкой — политические, правовые отношения, а также формы общественного сознания (философия, религия и пр.). В дальнейшем именно эта трактовка вошла в советские учебники по общественным наукам. В современной литературе при изложении взглядов Маркса и Энгельса относительно базиса и надстройки базис, как правило, тоже ограничивают производственными отношениями [7, 63]. Однако, если присмотреться, то сразу же после указанной цитаты Маркс пишет про то, что *«способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»* (курсив мой. — Р.О.) [11, т. 13, 7]. То есть базисом выступают производственные отношения, в то время как основой жизни общества выступает

способ производства, включающий в себя кроме производственных отношений еще и производительные силы общества. Возникает вопрос: почему не включить в понятие базиса и производительные силы как более динамичные и, в конечном счете, определяющие как производственные отношения, так и политико-правовую надстройку общества? В работах Маркса данные категории не вполне разграничены. В советское время понятие «базис», как правило, сводилось именно к производственным отношениям, хотя высказывались и иные точки зрения. Так, например, на экономической дискуссии по макету учебника политической экономии, которая состоялась в ноябре 1951 г., вопрос о понимании базиса поднимался рядом авторов. Например, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Литвы А.Н. Кузнецов считал, что сводить базис только к одной стороне способа производства — производственным отношениям, неправильно [11, т. 38, 330].

В этой связи интересно то, как понимал базис Энгельс. В письме В. Боргиусу от 25 января 1894 г. Энгельс относит к базису весь способ производства, включая технику и транспорт [20, 174]. На наш взгляд, включение в базис всего способа производства, а не только производственных отношений, позволяет шире взглянуть на взаимосвязь базиса и надстройки, да и на сам базис, ведь сами производственные отношения развиваются в единстве с производительными силами и, в конечном счете, обусловлены уровнем развития производительных сил. Включение в базис лишь производственных отношений, на наш взгляд, ведет к некоторому отрыву производственных отношений от их основы — производительных сил — и приводит к упрощенному пониманию базиса и чисто техническому пониманию производительных сил.

Под надстройкой Энгельс понимал политику, право, а также формы общественного сознания (философию, религию, мораль и пр.). Общеизвестно, что марксизм считал и считает основой именно способ производства, правовые, политические же формы, равно как и идеологические, выводятся из экономической основы [12, 47]. Это означает, что, *«конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи»* (курсив мой. — Р.О.) [11, т. 20, 278].

Однако было бы ошибочно считать, что Маркс и Энгельс считали экономику единственным определяющим развитие общества фактором.

Ведь если только лишь экономический базис фатально определяет политическую надстройку, то при таком положении нет места сознательной деятельности людей по изменению этого самого экономического базиса. Да и, как показывает история, в рамках одного и того же экономического строя могут существовать, пусть и однотипные по классовой сущности, но разные по форме политические системы и типы государства. Неспорно, как писал Йозефу Блоху о том, что производство и воспроизводство действительной жизни является определяющим по отношению к политике лишь «в конечном счете» (см.: [11, т. 37, 394—395]).

Таким образом, у Энгельса речь идет не об односторонней детерминации, как иногда считают, а именно о взаимодействии, о диалектике базиса и надстройки. Здесь мы выходим на связанный с проблемой вопрос о том, насколько человек свободен в своей деятельности от внешних условий.

К вопросу о деятельности в истории

Для более ясного понимания обратного взаимодействия политической надстройки на экономический базис обратимся к тому, как Энгельс понимал соотношение деятельности людей и исторических закономерностей. В данном случае мы видим подлинно диалектический подход, чуждый как фатализму, отрицающему свободу в деятельности человека, так и волюнтаризму, отрицающему объективные закономерности исторического процесса. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс блестящим образом раскрыл взаимосвязь объективного и субъективного в истории [11, т. 21, 306].

С точки зрения Энгельса, история, с одной стороны, процесс закономерный и объективный. Деятельность людей обусловлена объективными условиями существования человека, в первую очередь, экономическими. Но, с другой стороны, сам этот исторический процесс сопряжен с сознательной деятельностью людей, объективные интересы которых расходятся. Люди сами делают свою историю, но делают ее в определенных обстоятельствах и делают по-разному, в зависимости от своих целей. В классовом обществе интересы разных классов, занимающих разное место в системе производственных отношений, объективно противостоят друг другу, соответственно неизбежно противоречие и целей разных классов. Все это приводит к столкновению классовых интересов и классовой борьбе. Столкновение же различных интересов (в первую очередь, классовых) приводит к результату, которого изначально не ожидала в полной мере ни одна из сторон, и человек, таким образом,

становится зависимым, не свободным от внешних обстоятельств. И тем не менее именно собственно человеческая деятельность здесь выступает той формой, в которой реализуется историческая необходимость. Именно учет практической деятельности людей отличает диалектический материализм от домарксовского созерцательного метафизического материализма.

Таким образом, на основе изучения взглядов Энгельса вытекает крайне важный вывод: объективный характер исторического процесса отнюдь не означает, что деятельность людей не играет в нем никакой роли. Напротив, именно *в деятельности людей реализуется общеисторическая закономерность, и именно деятельность тех или иных классов приводит к тому или иному результату и, пусть сам результат не всегда всех устраивает, тем не менее без деятельности людей этот результат был бы невозможен в принципе.*

Данное положение крайне важно диалектически применять на практике, ибо неучет его грозит сторонникам социального освобождения уйти в далекое от практики доктринерство, подобно тому, как это сделали в свое время меньшевики. Ведь именно меньшевики и представители старой социал-демократии II Интернационала обосновывали «неготовность России к социализму», ввиду якобы отсутствия «объективных условий» для социализма. На практике такой подход означал отказ от социалистической революции и фактическую (независимо от субъективных желаний тех, кто стоял на подобной точке зрения) поддержку буржуазии у власти. И только большевики во главе с В.И. Лениным смогли подойти к вопросу не метафизически, а диалектически, увидев в российском обществе наиболее острое сочетание противоречий, делающих Российскую империю слабым звеном в мировой империалистической цепи. В самом российском обществе большевики разглядели ту силу, которая, пусть и не была большинством населения, но вполне могла стать и стала авангардом за социалистическое переустройство — рабочий класс (фабрично-заводской пролетариат). Российский рабочий класс, бесспорно, не был многочисленным. На основе анализа переписи 1897 г. и статистических данных Ленин определил численность всего пролетарского населения в 22 млн, что составляло около 17% населения [9, т. 3, 505]. Это был не только фабрично-заводской пролетариат, но и батраки в деревне. Если говорить о численности исключительно фабрично-заводского пролетариата, то она, по оценкам историков, составляла порядка 2—3 млн человек [4, 86—105]. Но не менее важно, что

рабочий класс России был одним из наиболее концентрированных в Европе.

Таким образом, раз история закономерна, а закономерность реализуется через сознательную деятельность людей, то не последнюю роль в историческом процессе играет политическая надстройка общества, которая отнюдь не пассивно следует за экономическом базисом, но и сама оказывает обратное воздействие на него.

Политическая надстройка и ее влияние на экономический базис

В связи с тем, что практическая деятельность людей играет значимую роль в историческом процессе, нельзя обойти здесь активную роль надстройки. Надстроечные формы в силу общественного разделения труда неизбежно обособились в относительно самостоятельные сферы. С одной стороны, это привело к тому, что узкие специалисты в этих областях не могли и часто до сих пор не могут увязать право, политику, философию и пр. с экономическим базисом общества. Подобные исследователи рассматривают явления надстройки с точки зрения самих себя, не выводя их из экономических отношений. Это относится и ко многим современным узким специалистам в области политических, философских и в особенности юридических наук. Как указывал Энгельс, *«отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставит эти отношения на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения экономических отношений. Таким образом, все стоит на голове»* (курсив мой. — *Р.О.*) [11, т. 37, 418]. С другой стороны, именно этот момент заставлял Маркса и Энгельса обращать в своих работах первостепенное внимание именно на выведение политических и правовых отношений из экономического базиса, из-за чего иногда страдала другая сторона, а именно, не всегда подчеркивалась специфика надстроечных явлений. Сам Энгельс в конце жизни в письме Францу Мерингу открыто признавал это упущение [11, т. 39, 82].

Говоря о политической надстройке, Энгельс исходил из нескольких аспектов.

Во-первых, политика и государство явления общества отчуждения и связаны не со свободой, а с ее недостаточностью [15, 5]. Эту же мысль в более короткой форме сформулировал Ленин, который писал: *«пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства»* (курсив наш. — *Р.О.*) [9, т. 33, 95].

Вообще, вопрос о государстве и его процессе отмирания в коммунистическом обществе тема отдельной статьи (если не монографии) и носит дискуссионный характер [10, 171—182; 16, 321—330]. Здесь же только отметим, что в действительности новое пролетарское государство выступает в двух аспектах: а) как рудимент классового общества, а потому элемент консервации отчуждения (в частности, консервации общественного разделения труда на управленческий и исполнительский); б) как инструмент создания условий для преодоления деления общества на классы и, следовательно, преодоления всех форм отчуждения.

Во-вторых, политика носит и не может не носить классового характера. Энгельс писал, что *«всякая политическая борьба есть борьба классовая»* (курсив наш. — *Р.О.*) [11, т. 21, 309—310]. Классовое понимание политики имеет исключительно важное методологическое значение для понимания политических процессов современного общества.

В-третьих, политика и государство, являясь порождением экономического базиса, сами оказывают обратное активное воздействие на экономический базис общества [11, т. 39, 174—175, 176]. Таким образом, Энгельс видел диалектику экономического базиса и политической надстройки не в виде активного экономического начала и пассивного политического, а в виде взаимодействия на основе экономической необходимости, но с учетом определенной самостоятельности политики. Более того, Энгельс конкретно показывает, как государство может влиять на экономический базис [11, т. 37, 417].

Энгельс видел в государственно-политической надстройке не просто фактор, способный оказать обратное воздействие на экономический базис общества, но и силу, которая может или ускорить социальный прогресс экономического базиса, или затормозить его.

Роль политической надстройки в становлении коммунистического общества

Становление коммунистического общества — это длительный, сложный, а главное, в отличие от становления капиталистического общества, в меньшей степени стихийный и в большей степени сознательный процесс. По своим масштабам переход от капитализма к коммунистической формации является куда более существенным скачком, нежели переход от феодализма к капитализму, ведь в смена феодализма на капитализм представляет смену одной формы эксплуатации на другую. Становление же коммунистической формации связано с преодоле-

нием всех форм отчуждения. Данный процесс в современной философской литературе с подачи Л.А. Булавки-Бузгалиной получил, на наш взгляд, удачное название — «разотчуждение» [3, 202—214]. Как справедливо отмечает А.В. Бузгалин, характеризуя всемирно-исторический масштаб перехода от капитализма к социализму, «это переход из царства необходимости в царство свободы, снятие предыстории человечества, снятие всех форм социального отчуждения, а не только капиталистической эксплуатации» [5, 472—473]. Именно поэтому становление коммунизма после социалистической революции процесс куда более сложный, чем процесс непосредственного ниспровержения капитализма и эксплуататорских классов общества. В условиях становления коммунистического общества возрастает и роль субъективного фактора революции: социалистического государства, коммунистической партии и других элементов политической системы диктатуры пролетариата [19, 345—354]. В отличие от представителей утопического социализма, для марксистов коммунизм, прежде всего, наука. Совершенно правильно говорит В.А. Тюлькин, утверждая, что «главный признак коммунизма — научность... и относиться к нему надо как к науке» [8]. И эта наука включает в себя как задачу отрицания капиталистической формации, так и задачу становления (утверждения) нового посткапиталистического (коммунистического) общества.

В становлении коммунистической формации, на наш взгляд, можно условно выделить четыре фазы:

- подготовка пролетариата к завоеванию политической власти [1; 9, т. 34, 409];
- слом старой государственной машины диктатуры буржуазии и установление диктатуры пролетариата (т. е. самой широкой демократии для большинства – демократии пролетарской) [11, т. 28., 426—427]. На этом этапе важное значение приобретает дисциплина и революционное насилие [11, т. 18, 305];
- становление низшей фазы коммунистического общества (социализма): диктатура пролетариата здесь уже не направлена против непосредственных представителей эксплуататорских классов (их уже нет), а выступает против оставшихся тенденций в экономической жизни, мелкобуржуазности сознания и пр., отсюда следует, что политическая система диктатуры пролетариата сохраняется вплоть до полного отмирания государства, т. е. высшей фазы коммунистической формации [21, 34];

- построение высшей фазы коммунизма и отмирание государства как аппарата насилия, «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» [11, т. 20, 292].

Выводы

Подводя итог, можно констатировать: идеи Энгельса о взаимодействии базиса и надстройки сохраняют как практико-политическую ценность для представителей политических движений борьбы за более прогрессивные общественные отношения, так и гносеологическую ценность для представителей научного сообщества в качестве методологической основы для понимания политики и экономики, а также их взаимодействия между собой.

Литература

1. *Агеева О.* Каждый пятый в России заявил о значительном падении дохода из-за пандемии: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/07/2020/5eff14959a794725e351de43> (дата обращения: 15.12.2020).
2. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. Монография. М.: Культурная революция. 2018. 432 с.
3. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 202—214.
4. *Васильев Б.Н.* Численность, состав и территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1976. № 1. С. 86—105.
5. Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / Под ред. Б.Ф. Славина, А.В. Бузгалина. М.: Алгоритм, 2017. 1216 с.
6. *Демурина Г.* Российские миллиардеры за время пандемии разбогатели на \$62 млрд: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/05/2020/5ecd3a849a794748a0963e14> (дата обращения: 15.12.2020).
7. *Зарецкий А.М., Долгих Ф.И.* Теория государства и права: учебное пособие. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2015. 240 с.
8. Интервью В.А. Тюлькина и его выступление на 15-й Международной встрече коммунистических партий: [Электронный ресурс]. URL: <https://rkrp-rpk.ru/2013/11/17/%D0%BF%D0%BE%D1%80%>

D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%BE/ (дата обращения: 15.12.2020).

9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969—1971.

10. *Майданский А.Д.* «Не отомрет, с-собака!»: Э.В. Ильенков о государстве // *Свободная мысль*. 2013. № 4. С. 171—182.

11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Политиздат. 1959.

12. *Матюхин А.В.* Основные параметры идеологических проектов в России // *Обозреватель-Observer*. 2008. № 12. С. 36—49.

13. *Нифаева О.В.* К вопросу о сущности категорий «производительные силы» и «производственные отношения» // *Вопросы политической экономии*. 2020. № 3. С. 124—134.

14. *Осин Р.С.* Левые силы и стихийный протест: история, уроки, современность, перспективы. М.: Ленанд, 2017. 208 с.

15. *Осин Р.С.* О некоторых особенностях современного противоречия между производительными силами и производственными отношениями (социально-философский аспект) // *Философия хозяйства*. 2018. № 6 (120). 162—179.

16. *Осин Р.С.* Феномен советского государства как государства общества переходного типа // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 4. С. 321—330.

17. *Осин Р.С.* Марксистско-ленинская теория государства и права переходного от капитализма к социализму периода в контексте современности // *Концептуал. Сборник научных трудов кафедры философии и истории. Вып. 2 / Сост. А.В. Матюхин*. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. С. 345—354.

18. *Понциано Дж.* Карантин не для всех, состояние 25 богатейших миллиардеров мира выросло на \$255 млрд за два месяца: [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/forbes.ru/s/milliardery/401263-karantin-ne-dlya-vseh-sostoyanie-25-bogateyshih-milliardero-v-mira-vyroslo-na-255> (дата обращения: 15.12.2020).

19. *Рузанов С.А.* Конституционная реформа 1935—1936 гг. и трансформационные процессы советской государственности // *Советский Союз*. 2020. № 1 (28). С. 72—86.

20. *Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947—1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева*. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

21. *Тюлькин В.А., Попов М.В.* Ленинизм и ревизионизм в основных вопросах теории и практики социализма (Диктатура пролетариата,

ее организационная форма и экономическая сущность) // Марксизм и современность. 2011. № 1—2. С. 32—41.

References

1. Ageeva O. Kazhdyj pyatyj v Rossii zayavil o znachitel'nom padenii dohoda iz-za pandemii: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/07/2020/5eff14959a794725e351de43> (data obrashcheniya: 15.12.2020).
2. Bodrunov S.D. Noonomika. Monografiya. M.: Kul'turnaya revolyuciya. 2018. 432 s.
3. Bulavka-Buzgalina L.A. Razotchuzhdenie: ot filosofskoj abstrakcii k sociokul'turnym praktikam // Voprosy filosofii. 2018. № 6. S. 202—214.
4. Vasil'ev B.N. CHislennost', sostav i territorial'noe razmeshchenie fabrichno-zavodskogo proletariata Evropejskoj Rossii v konce XIX — nachale XX veka // Istoriya SSSR. 1976. № 1. S. 86—105.
5. Vershina Velikoj revolyucii. K 100-letiyu Oktyabrya / Pod red. B.F. Slavina, A.V. Buzgalina. M.: Algoritm, 2017. 1216 s.
6. Demurina G. Rossijskie milliardery za vremya pandemii razbogateli na \$62 mlrd: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/05/2020/5ecd3a849a794748a0963e14> (data obrashcheniya: 15.12.2020).
7. Zareckij A.M., Dolgih F.I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergiya», 2015. 240 s.
8. Interv'yu V.A. Tyul'kina i ego vystuplenie na 15-j Mezhdunarodnoj vstreche kommunisticheskikh partij: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rkrp-rpk.ru/2013/11/17/%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%BE/> (data obrashcheniya: 15.12.2020).
9. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969—1971.
10. Majdanskij A.D. «Ne otomret, s-sobaka!»: E.V. Il'enkov o gosudarstve // Svobodnaya mysl'. 2013. № 4. S. 171—182.
11. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. M.: Politizdat. 1959.
12. Matyuhin A.V. Osnovnye parametry ideologicheskikh proektov v Rossii // Obozrevatel'-Observer. 2008. № 12. S. 36—49.

13. *Nifaeva O.V.* K voprosu o sushchnosti kategorij «proizvoditel'nye sily» i «proizvodstvennye otnosheniya» // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2020. № 3. S. 124—134.

14. *Osin R.S.* *Levye sily i stihijnyj protest: istoriya, uroki, sovremenost', perspektivy*. M.: Lenand, 2017. 208 s.

15. *Osin R.S.* O nekotoryh osobennostyah sovremennogo protivorechiya mezhdru proizvoditel'nymi silami i proizvodstvennymi otnosheniyami (social'no-filosofskij aspekt) // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 6 (120). 162—179.

16. *Osin R.S.* Fenomen sovetskogo gosudarstva kak gosudarstva obshchestva perekhodnogo tipa // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014. № 4. S. 321—330.

17. *Osin R.S.* Marksistko-leninskaya teoriya gosudarstva i prava perekhodnogo ot kapitalizma k socializmu perioda v kontekste sovremennosti // *Konceptual. Sbornik nauchnyh trudov kafedry filosofii i istorii*. Vyp. 2 / Sost. A.V. Matyuhin. M.: Moskovskij finansovo-promyshlennyj universitet «Sinergiya», 2016. S. 345—354.

18. *Ponciano Dzh.* Karantin ne dlya vsekh, sostoyanie 25 bogatejshih milliarderov mira vyroslo na \$255 mlrd za dva mesyaca: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://yandex.ru/turbo/forbes.ru/s/milliardery/401263-karantin-nedlya-vseh-sostoyanie-25-bogateyshih-milliardero-mira-vyroslo-na-255> (data obrashcheniya: 15.12.2020).

19. *Ruzanov S.A.* Konstitucionnaya reforma 1935—1936 gg. i transformacionnye processy sovetskoy gosudarstvennosti // *Sovetskij Soyuz*. 2020. № 1 (28). S. 72—86.

20. *Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii*. 1947—1953 gg.: Dokumenty i materialy / Sost. V.V. ZHuravlev, L.N. Lazareva. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. 647 s.

21. *Tyul'kin V.A., Popov M.V.* Leninizm i revizionizm v osnovnyh voprosah teorii i praktiki socializma (Diktatura proletariata, ee organizacionnaya forma i ekonomicheskaya sushchnost') // *Marksizm i sovremennost'*. 2011. № 1—2. S. 32—41.

И.В. ДЕМИН

Вопрос о собственности в русской философско-правовой мысли первой трети XX в. (С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев)*

Аннотация. Проводится сравнительный анализ двух трактовок и методологических стратегий обоснования идеи собственности, представленных в философских концепциях С.Л. Франка и Н.Н. Алексеева. Оба философа рассматривали вопрос о собственности как вопрос философский и последовательно дистанцировались как от либерально-индивидуалистических, так и от социалистических трактовок собственности. В отличие от Франка, который сближал понятия «собственность» и «обладание» и рассматривал вопрос о собственности в широком философско-антропологическом контексте, Алексеев последовательно различал эти категории и стремился выработать более строгое философско-правовое понимание собственности. В философии Франка понятие собственности выводится из общего и претендующего на универсальный характер учения о социальном бытии личности. В философско-правовой концепции Алексеева методологический универсализм оказывается поколеблен цивилизационным плюрализмом, проявившимся в тезисе о множественности несводимых друг к другу типов правосознания и видов собственности.

Ключевые слова: собственность, философия собственности, право собственности, границы права собственности, философия права Н.Н. Алексеева, философия С.Л. Франка.

Abstract. The article provides a comparative analysis of two interpretations and methodological strategies for substantiating the idea of property presented in the philosophical concepts of S.L. Frank and N.N. Alekseev. Both philosophers viewed the issue of property as a philosophical issue and consistently distanced themselves from both liberal-individualistic and socialist interpretations of property. Unlike Frank, who brought together the concepts of «property» and «possession» and considered the issue of property in

*Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Демин И.В. Вопрос о собственности в русской философско-правовой мысли первой трети XX в. (С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев) // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 189—210.

a broad philosophical and anthropological context, Alekseev consistently distinguished between these categories and sought to develop a more rigorous philosophical and legal understanding of property. In Frank's philosophy the concept of property is derived from the general and claiming universal character of the doctrine of the social being of the individual. In the philosophical concept of Alekseev, methodological universalism is shaken by civilizational pluralism, which manifested itself in the thesis about the multiplicity of types of legal consciousness and types of property that are not reducible to each other.

Keywords: property, philosophy of property, ownership, boundaries of ownership, N.N. Alekseev's philosophy of law, S.L. Frank's philosophy.

УДК 141
ББК 87.6

«Собственность» — одно из тех понятий, посредством которых философская рефлексия не только смыкается с идеологией и политико-правовой мыслью, но и начинает влиять на формы и содержание самой социальной жизни. Вот почему, начиная с классической философии Античности и вплоть до нашего времени, вокруг понятия собственности не утихают теоретические споры.

В числе научных дисциплин, изучающих феномен собственности в его различных (экономических, правовых, психологических, культурно-исторических) аспектах, философии принадлежит особое место. Философский ракурс рассмотрения предполагает выработку интегрального понимания природы собственности⁶. Однако на этом пути критическая рефлексия сталкивается с фундаментальными трудностями.

Во-первых, осмысление проблемы собственности не может осуществляться в рамках какой-то отдельной области философского знания. В проблемной области, которую можно условно назвать «философией собственности», накладываются друг на друга не только философская антропология, философия права и философия экономики, но и этика, аксиология, философия истории, философия религии. Обращение к проблеме собственности актуализирует целый ряд фундаментальных, «вечных» мировоззренческих вопросов и сквозных социально-философских «сюжетов» («естественное право», «общественный договор», «социальный вопрос» и др.).

⁶ О философском ракурсе рассмотрения проблемы собственности см.: [7; 12].

Во-вторых, в осмыслении понятия собственности критическая рефлексия теснейшим образом смыкается с идеологическим конструированием моделей социальной действительности, вплоть до полного взаимопроникновения и слияния философско-критического и идеологического способов рассмотрения. Вопрос о собственности является одним из ключевых для идеологического сознания, и размежевание различных идеологических моделей социальной действительности в значительной степени определяется тем, как трактуется понятие собственности.

Цель данной статьи — сравнительный анализ трактовок и методологических стратегий обоснования идеи собственности, представленных в двух направлениях русской консервативной мысли первой трети XX в. — *либеральном консерватизме*, позиция которого будет рассмотрена на материале работ С.Л. Франка, и *евразийском консерватизме*, нашедшем наиболее последовательное обоснование в философско-правовой концепции Н.Н. Алексеева⁷. Выбор персоналий обусловлен тем обстоятельством, что из всех представителей русской философской эмиграции 1920—1930-х гг. именно Франку и Алексееву принадлежит заслуга наиболее детальной и систематической проработки некоторых ключевых вопросов философии собственности. В то же время нельзя не отметить, что в рамках русского либерального консерватизма сходные воззрения на природу собственности в указанный период развивали П.Б. Струве [21] и И.А. Ильин [13]. Что же касается евразийства, то ряд значимых для понимания проблемы собственности положений общетеоретического и историософского плана были сформулированы в программных работах Н.С. Трубецкого [23] и Л.П. Карсавина [14], хотя упомянутые философы проблему собственности специально не рассматривали.

Несмотря на то, что статья С.Л. Франка «Собственность и социализм» впервые была опубликована в евразийском издании [24] и по ряду принципиальных вопросов (оценка классического либерального учения о собственности, границы права собственности, критика социализма) позиции русских философов сближались или даже совпадали, стратегии обоснования принципа собственности в их работах различны. Это различие и будет выявлено в ходе дальнейшего рассмотрения.

Социально-философские воззрения и философско-правовые концепции Н.Н. Алексеева и, особенно, С.Л. Франка неоднократно рассматривались как в отечественной [1; 4; 5; 15; 16; 18], так и в зарубежной [17;

⁷ О типологии консервативных учений см.: [10].

27] исследовательской литературе, однако сравнительный анализ представленных в работах русских философов трактовок понятия собственности еще не проводился.

Сравнение стратегий обоснования идеи собственности в контексте русской консервативной мысли первой трети XX в. будет осуществляться на основании следующих критериев: 1) способ постановки вопроса о собственности; 2) трактовка соотношения и взаимосвязи понятий «собственность» и «личность»; 3) оценка социализма, социалистических учений о собственности; 4) границы права собственности и проблема злоупотребления собственностью.

Постановка вопроса о собственности

И Франк, и Алексеев с самого начала рассматривали проблему собственности в широком историко-философском и мировоззренческом контекстах. Оба философа исходили из того, что недостаточно показать экономическую эффективность, целесообразность или неизбежность частной собственности и строя, основанного на принципе частной собственности, и признавали, что идея собственности нуждается в философском и религиозно-этическом обосновании.

Франк отмечал, что «элементарная экономическая необходимость частной собственности» представляет собой «очевидный факт», однако этот факт должен быть включен в целостную систему религиозно-нравственного и социально-философского мировоззрения [24, 262]. Философская мысль не может «удовлетвориться одним утилитарно-экономическим оправданием принципа собственности» и «ищет для него, как и для всех своих социальных верований, религиозно-нравственного обоснования» [24, 263].

Аналогичный ход мысли обнаруживается и в работе Н.Н. Алексеева «Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (1928). Теоретик евразийства показывал, что и аргументы против принципа частной собственности, и доводы в его защиту могут иметь различную природу — технико-экономическую или нравственную. При этом оценка частной собственности с точки зрения технико-экономической не имеет самодовлеющего значения и оказывается производной от оценки «с точки зрения нравственных принципов». «Сколько бы ни твердили нам буржуазные экономисты и философы о технических преимуществах основанного на частной собственности общественного порядка, глубоко заложенное в душе человека чувство уязвленной справедливости всегда будет действовать сильнее разных разумных выкладок» [3, 246]. Этические же аргументы (как

за, так и против частной собственности) всегда предполагают определенное, укорененное в философской традиции, понимание человеческой личности. Спор о собственности тем самым переносится на уровень фундаментальных философских вопросов.

С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев сходным образом позиционировали развиваемые ими трактовки собственности в контексте политико-правовой мысли прошлого и настоящего. Оба философа в постановке проблемы и определении понятия собственности подчеркнуто дистанцировались как от классических новоевропейских теорий естественного права, так и от «исторической школы» и правового позитивизма.

Идея собственности, согласно Франку, «целиком принадлежит к области права и вне ее не имеет никакой силы; поэтому не может быть и речи о прирожденном, абсолютном праве собственности» [24, 270]. «Но с другой стороны, право частной собственности настолько связано с возможностью самого права вообще, что не зависит ни от какого частного законодательства и поэтому в своем принципе и существе действительно является “естественным правом”» [24, 270]. С одной стороны, идея собственности не имеет смысла вне сферы права, с другой стороны, право собственности не учреждается никакой исторически конкретной системой позитивного права. Иными словами, собственность нельзя рассматривать в качестве одного из правовых установлений. Правопорядок есть основание и источник права частной собственности как субъективного права личности, но при этом частная собственность делает возможной саму идею права как такового. Таким образом, «право» и «собственность» в трактовке Франка оказываются соотносительными понятиями: одно немислимо без другого.

Право собственности трактуется Франком не как одно из субъективных прав, возникающих в рамках конкретно-исторического правопорядка, но как условие возможности самого правопорядка, «первоначальный источник», и «постоянная основа» бытия человека как субъекта права. Поскольку право собственности есть *право на свободу*, постольку вне этого права нет правового субъекта, а потому и правопорядка. Однако субъективное право собственности (как и всякое субъективное право вообще) понимается Франком не как привилегия, а как реальная возможность исполнения субъектом нравственно-религиозных обязанностей [24, 271—272].

Н.Н. Алексеев, дистанцируясь от воззрений правового позитивизма (см.: [2, 5—12]), показывал, что проблема обоснования собственности не может быть решена ни в контексте юридических дисциплин, ни в рамках исторических исследований, ни в смежной области историко-

правовых изысканий. Попытка ограничиться узко-юридическим понятием собственности (собственность есть то, что *признается в качестве собственности* в рамках наличного законодательства) чревата «разрушительным скептицизмом» [3, 191]. Если собственность есть не более чем историческое установление, принципиально возможной оказывается и полная отмена собственности: «Тот, кто ее установил, может ее и уничтожить, отменить, как отменяются рукопожатия и другие правила человеческого обихода» [3, 191].

Согласно Алексееву, трактовка собственности как исторического установления, независимо от того, придерживаются ли ее *сторонники* основанного на собственности социального порядка или его *критики*, является недостаточной. «Собственность, сведенная к произвольному установлению и лишенная всякой идейной или объективной основы, становится институтом зыбким, лишенным всякой подлинности и всякого внутреннего существа» [3, 191]. Аналогичным образом и всякая критика института собственности также имеет под собой философский фундамент.

Критикуя правовой позитивизм XIX — начала XX в. за его неспособность предложить адекватное обоснование института собственности, Алексей в то же время не приемлет и точку зрения на собственность, представленную в классических новоевропейских теориях общественного договора. Согласно этой точке зрения, «происхождение института собственности сводилось к тому первоначальному договору, который заключали между собой люди в естественном состоянии и в результате которого вообще возник организованный порядок — положительное право, общественная власть, государство» [3, 191]. Согласно Алексееву, договорная теория происхождения собственности бессильна и бесплодна: «чтобы договориться о том, что является “моим” и что “твоим”, нужно уже обладать идеей собственности» [3, 192]. Общественный договор заранее уже «предполагает понятие собственности, а не объясняет его» [3, 192].

Итак, в обоих направлениях русской консервативной мысли вопрос о собственности ставится сходным образом. Этот вопрос в исходном значении рассматривается как вопрос *философский*. Он состоит не в том, почему существует та или иная *форма собственности* (и должна ли она существовать), а в том, что есть собственность *как таковая*, почему она существует и как она связана с сущностными параметрами человеческого бытия.

Нельзя не отметить, однако, и одно отличие, которое, на первый взгляд, имеет сугубо терминологический характер, но в действительности высвечивает важный содержательный аспект проблемы. Франк использует термины «собственность» и «частная собственность» в качестве синонимов, тогда как в трактовке Алексеева они соотносятся как родовое и видовое понятия. «Частной собственности» Алексеев противопоставляет не общую (общественную, коллективную) собственность, но собственность *публичную* [3, 216]. Формально-юридический характер данных оппозиций («личное — общее», «частное — публичное») свидетельствует о стремлении теоретика евразийства в рассмотрении вопроса о собственности ограничиться областью философии права. Однако в ходе содержательного раскрытия родового понятия собственности Алексеев выходит за пределы анализа собственности как правоотношения. В отличие от Алексеева, для которого приоритетной остается проблематика философии права, Франк с самого начала рассматривает проблему собственности в широком социально-философском и философско-антропологическом контекстах.

Собственность и личность

Несмотря на различия в используемой терминологии, оба философа исходили из того, что (философское) понятие собственности не может быть извлечено из анализа наличного законодательства. Собственность как субъективное право и правоотношение имеет *доправовые* основания. Выявление этих оснований выводит на первый план проблему соотношения личности (субъекта собственности) и вещи (объекта собственности).

В социальной философии Франка *личность* и находящаяся в собственности личности *вещь* не составляют бинарной оппозиции и не противопоставлены друг другу, они образуют *онтологический континуум*. Объекты собственности представляют собой как бы *продолжение* личности, понятой как душевно-телесно-духовное единство⁸. Трактовка собственности как «эманации личности» не является чем-то новым в контексте западноевропейской философской традиции Нового времени (скорее, наоборот, ее можно считать общим местом (см. об этом: [19, 168])), однако в контексте социальной философии Франка данный тезис приобретает новое звучание: «Вещи и среда, необходимые для жизни че-

⁸ О понятии личности в философии Франка см.: [12, 77—87].

ловека, являются для него продолжением его душевно-телесной личности. Платье, жилище, орудие труда, место жизни, привычное и любимое дело, украшения — все это необходимая составная часть человеческой личности» [24, 272]. Находящиеся в собственности вещи, согласно Франку, не являются всего лишь пассивными инструментами самореализации личности, чем-то *сугубо внешним* по отношению к ее душевно-духовному бытию. Окружающие вещи — не столько *орудия* личности, сколько *среда ее существования*, причем эта среда описывается Франком как сущностно неоднородная (в ней можно различить вещи, более тесно связанные с существом личности, и вещи, находящиеся на «периферии»).

В этой связи примечательны аналогии, к которым прибегает Франк для раскрытия сути отношения собственности. Это аналогии из области брачно-семейной жизни и крестьянского быта. Подобно тому, как подлинная семья «для каждого ее члена есть расширение его “я”» [24, 272], так и «человек становится одним живым единством с тем отрезком материального мира, который ему телесно и душевно необходим и с которым он сживаетеся». Человек не просто *пользуется* принадлежащими ему объектами материального мира, но *сживаетеся* с ними, образует с ними смысловую целостность. Об этом же говорит и другая проводимая Франком параллель: «Лошадь и корова в крестьянском быту — суть члены семьи, цветы и деревья в саду — любимые существа; земля — мать-кормилица» [24, 272]. Данные параллели и метафоры свидетельствуют о том, что онтологически изначальной и естественной интенцией личности по отношению к принадлежащей ей вещи в концепции Франка признается *забота* и *сбережение*, а не пользование или извлечение выгоды. «Именно потому, что вещи и вообще средства существования совсем не только механические средства, безразличные, заменимые части внешнего мира, с которым мы случайно и равнодушно соприкасаемся, а любимые индивидуальности и части или продолжения нашей собственной личности, — именно поэтому нормальное наше отношение к ним не пользование, а “обладание”, “владение” — то отношение, при котором вещи поставлены в интимную, внутреннюю, неотъемлемую связь с нашей личностью и подчинены нашей свободной воле» [24, 273].

Социальный и правовой смысл проводимых Франком аналогий отнюдь не сводится к тому банальному и общепризнанному тезису, что право собственности накладывает на человека также и обязательства. Связанные с правом собственности обязанности личности проистекают не только из необходимости обеспечения прав других лиц, но и из нерасторжимой внутренней связи личности и вещи. Причем (этот момент

в работах Франка эксплицитно не представлен, но имплицитно предполагается) чем ближе та или иная вещь к «ядру» личности, чем интимнее личность сживается с ней, тем большего внимания к себе и заботы о себе она требует, тем больше обязанностей (как этических, так и правовых) она налагает.

Обратимся теперь к трактовке соотношения понятий «личность» и «собственность», представленной в философско-правовой концепции Н.Н. Алексеева.

Субъектом права собственности (равно как и субъектом права в целом), согласно Алексееву, может быть «не личность вообще, но та личность, которая обладает телесной природой», т. е. физический индивид. «Субъектом собственности может быть только такое существо, которое живет в мире оформляемой им материи и обладает нуждами и потребностями» [3, 193].

В отличие от Франка, который сближал понятия «собственность» и «обладание» и рассматривал вопрос о собственности в широком философско-антропологическом контексте, Алексеев последовательно эти категории различает и стремится выработать более строгое философско-правовое понятие собственности.

«Обладание», согласно Алексееву, не сводится к «собственности». Содержание понятия «обладание» далеко выходит за пределы того определения, которое дается русским философом понятию «собственность». В этой связи Алексеев дает критический разбор теории, которая смешивает данные понятия и стремится «отыскать принцип собственности в свойствах самой человеческой личности» [3, 196]. Согласно теории, выводящей принцип собственности из идеи личности, первичное (доправовое) понятие собственности возникает на основе опыта человеческой телесности. Вещи, на которые распространяется право собственности, рассматриваются в качестве своего рода продолжения человеческого тела, расширение его вовне. Объекты собственности мыслятся по аналогии с органами человеческого тела. Выше мы видели, что именно такое понимание собственности представлено в социально-философской концепции С.Л. Франка.

Алексеев, признавая *психологическую* правоту данной теории (она дает корректное объяснение психологического генезиса понятия собственности), отвергает ее *логическую* состоятельность. Данная теория основана на смешении понятий «собственность» и «обладание», между тем «существуют вещи и отношения, обладание которыми не означает собственности даже тогда, когда дело идет о приложении человеческого труда и человеческих усилий» [3, 196]. Сюда Алексеев относит прежде

всего тело человека, его душевные качества, а также «другие личности с физической и душевной стороной их жизни» [3, 196].

Какой аргумент выдвигает Алексеев против теории, выводящей понятие собственности из телесной природы человеческого существа? Тот аргумент, что объект собственности всегда есть нечто *принципиально отчуждаемое* (в отличие от органов человеческого тела, свойств характера, других индивидуальностей). Теоретик евразийства проводит четкое различие между тем, что принадлежит личности и может от нее отчуждаться, и тем, что принадлежит личности, но от нее принципиально неотчуждаемо. Понятие собственности (как и понятие вещи) применимо лишь к принадлежности первого рода. «То, что “принадлежит” к существу моего телесного и душевного я, связано с ним такой близкой и интимной связью, что отчуждение “принадлежащего” может рассматриваться как более или менее решительное уничтожение моего самого в моем собственном бытии. Человеческой личности принадлежат такие “свойства”, как, например, характер, отчуждение которого равносильно метаморфозе самой личности» [3, 197].

В развиваемой Алексеевым трактовке остается открытым принципиальный вопрос — чем определяется и на основании чего может быть проведено различие между этими двумя видами принадлежности, между *отчуждаемым* и *неотчуждаемым*? Можно ли, например, допустить, что вещь окажется настолько тесно связанной с существом личности, что ее отчуждение будет означать радикальную трансформацию или даже утрату самой личности? Исходя из общего контекста разрабатываемой Алексеевым концепции, можно предположить, что на такого рода «вещи» уже не будет распространяться философско-правовое понятие собственности.

Согласно Алексееву, понятия «личность» и «собственность» составляют строгую логическую оппозицию. Одно понятие немислимо без другого, но никакие онтологические *переходы* от одного к другому принципиально невозможны (все «личностное» принципиально неотчуждаемо, тогда как все «вещное» (могущее находиться в собственности, быть объектом собственности) может быть отчуждено без утраты или радикальной трансформации личности). Собственность не может мыслиться как *продолжение* личности, потому что личность и собственность не образуют онтологической целостности и смыслового континуума. В трактовке Франка, как мы видели, напротив, отрицается абсолютный и непреодолимый характер границы, разделяющей *владение телом* и *владение вещью*, обладание *психологическими способностями* и обладание *имуществом*.

Собственность и социализм

В русской философской и общественно-политической мысли конца XIX и первой трети XX в. вопрос о собственности приобрел особую остроту в связи с проблемой *социализма*⁹, который большинством отечественных социальных философов консервативного направления воспринимался в качестве вызова, угрозы и соблазна.

Вслед за Вл.С. Соловьевым [20, 482—483], Л.А. Тихомировым [22, 6] и рядом других критиков социализма, С.Л. Франк усматривал в социалистических теориях и социалистическом движении закономерную реакцию на злоупотребления «буржуазного строя», следствие искажения в идеологии индивидуалистического либерализма подлинного смысла собственности. Признавая «чисто отрицательную правду» [24, 265] социалистической критики института частной собственности, Франк в то же время подчеркивал, что социализм не отрицает присущего буржуазному строю начала эгоизма и личной корысти, но еще более последовательно проводит это начало в жизнь: «Социализм совсем не отрицает самого начала собственности. <...> Социализм — не отрицание, а, наоборот, высочайшее потенцирование начала корысти, утверждение безграничности и универсальности чисто природного человеческого домогательства на личное довольство» [24, 266].

Если укорененное в мировоззрении индивидуалистического либерализма понимание собственности как принадлежащего частному лицу «священного» права неограниченного распоряжения своим имуществом не может иметь непосредственного религиозно-этического оправдания, то еще меньше оснований признать нравственную правоту социалистического требования конфискации и перераспределения имущества. Последнее, согласно Франку, еще менее оправдано с нравственно-религиозных позиций, чем социально-экономический строй, основанный на личной корысти и эгоизме. Будучи негативной реакцией на господствующее либерально-индивидуалистическое миропонимание и основанный на нем социальный строй, социализм с его требованием перераспределения собственности оказывается квинтэссенцией буржуазного «экономизма».

Социализм, с точки зрения Франка, столь же враждебен органическому (соборному) пониманию личности и общества, как и классиче-

⁹ Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на совпадения в названиях работ русских философов. Помимо рассматриваемых одноименных статей Франка и Алексеева, следует упомянуть еще работы Г.Д. Гурвича [9; 8].

ский западноевропейский либерализм. Социализм не только не совпадает с точкой зрения социального органицизма, но радикально враждебен этой точке зрения: «Подлинное органическое воззрение <...> столь же отлично от социализма, как и от индивидуализма» [24, 275].

Право собственности трактуется русским философом как право на телесную, душевную и духовную *неприкосновенность личности*, которая с неизбежностью игнорируется или попирается в социализме. Однако выражение «неприкосновенность личности» у Франка не несет в себе либерально-индивидуалистических коннотаций. «Право на неприкосновенность личности» имеет значение не субъективной привилегии, нуждающейся во внешнем формально-правовом ограждении, но онтологического условия возможности. Субъектом права может мыслиться только человек-собственник. Не в том смысле, что для участия в правовой жизни требуется некоторый минимум материальных благ, а в том смысле, что собственность есть продолжение и выражение человеческой личности во внешнем социальном мире. Отрицание идеи частной собственности означало бы не только отрицание правопорядка, но и невозможность личностного бытия как такового.

Право собственности, как и всякое субъективное право вообще, согласно Франку, «не имеет первичной, имманентной, моральной силы» [24, 265], оно оправдано в той мере, в какой подчинено исполнению главной моральной обязанности, состоящей в служении Богу и людям. Религиозно-нравственное значение принципа частной собственности состоит не в гарантии автономии индивида, а в утверждении незыблемости его обязанности по отношению к другим. «Ведь нигде не сказано: “береги свое и не допускай к нему ближнего твоего”, но сказано: “не укради” и “не желай дома ближнего твоего... и ничего, что у ближнего твоего”» [24, 267]. Между тем, императив «не укради» имеет смысл лишь при условии существования порядка, основанного на частной собственности¹⁰.

Как и Франк, Алексеев полагал, что экономические доводы в пользу строя, основанного на частной собственности, сами по себе не могут иметь решающего значения: экономическая эффективность и целесообразность не могут рассматриваться в качестве аргументов за или против института частной собственности. Однако, в отличие от Франка, Алексеев признает моральную правоту ряда аргументов, почерпнутых

¹⁰ Данная мысль будет детально раскрыта Франком в статье «Проблема “христианского социализма”» [25].

из социалистических учений (частная собственность является привилегией, она создает возможность нетрудового дохода и ведет к эксплуатации). В институте частной собственности имеется «несомненный дефект», и правда социализма, с точки зрения Алексеева, состоит в осознании этого дефекта, в апелляции к «чувству уязвленной справедливости», заложенному в самой душе человека [3, 246]. В то же время Алексеев подчеркивал, что социалистическую критику «буржуазной» частной собственности можно обернуть против *любого вида собственности* (индивидуальной, коллективной, государственной) и любого общественного строя. «Не только частная собственность, но всякая собственность вообще, во всех ее видах может быть основанием для эксплуатации» [3, 252]. Иными словами, аргументация социалистов против частной собственности морально оправдана, но логически ошибочна, потому что доказывает слишком много.

Если в трактовках Франка собственность (отождествляемая с *частной собственностью*) рассматривалась как основание и возможность индивидуального человеческого существования и, соответственно, как условие духовной жизни личности, то в философско-правовой концепции Алексеева собственность *как таковая* (а не только тот или иной отдельный вид собственности) является некоей «червоточинной», изъяном, негативные последствия которого могут и должны минимизироваться при помощи социальной политики и законодательства. Примечателен в этом отношении следующий фрагмент: «Остается, — пишет Алексеев, — <...> или вообще уничтожить всякую собственность, что реально неосуществимо или же принять факт собственности, *как мы принимаем факт болезни*, и попытаться воздействовать на этот факт в целях нейтрализации его невыгодных последствий» [3, 253] (курсив мой. — *И.Д.*). Примечательна проводимая русским философом аналогия. Сравнение собственности с болезнью задает общее направление понимания идеи собственности в концепции Алексеева. Собственность здесь есть своего рода «человеческий удел». Человек не способен выпрыгнуть за пределы заключенных в самом понятии собственности экзистенциальных и социальных границ. Подобно тому, как медицина отталкивается от факта подверженности человеческого организма болезням и недугам, так и всякая политическая и государственная деятельность имеет своей отправной точкой факт включенности человеческого индивида в отношения собственности.

В основании многочисленных социалистических и коммунистических учений о собственности, согласно Алексееву, лежит либо непри-

ятие того факта, что уделом человека и человечества является принципиальная ограниченность, нехватка ресурсов, либо преуменьшение значения этого факта. В основании коммунизма, как полагал теоретик евразийства, лежит вера в возможность достижения безграничного изобилия материальных благ. «Социалисты и коммунисты различных школ придерживались различных воззрений на вопрос достижения этой безграничности материальных благ» [3, 205], однако общей для них оставалась идея о том, что нищета, эксплуатация и прочие связанные с институтом частной собственности социальные недуги проистекают не из несовершенства и ограниченности человеческой природы, но из «несовершенного распределения наличных богатств» [3, 205].

Основную ошибку социализма Алексеев усматривает в следующем: социалистические проекты стремятся реформировать частную собственность путем изменения ее субъектов, между тем как менять нужно не субъектов собственности, а сам порядок собственности, содержание правоотношения собственности. «Нужно начать с преобразования собственности как правоотношения, нужно перейти к преобразованию содержания собственности и к пересмотру вопроса об отношении субъекта собственности к объектам» [3, 254]. Заметим, что требование начинать с преобразований самого института собственности и не ограничиваться простым перераспределением собственности вполне согласуется с содержанием ряда социалистических учений (прежде всего, марксистских).

В целом для обеих концепций характерно дистанцирование как от либерально-индивидуалистической, так и от социалистической моделей хозяйственной жизни и трактовки собственности. Различия в оценке социализма, социалистической критики частной собственности в работах Франка и Алексеева, в конечном счете, проистекают из несовпадения исходных базовых презумпций. Для Франка факт существования отношений собственности является необходимым условием духовной и нравственной жизни личности, тогда как в трактовке Алексеева факт собственности рассматривается как этически нейтральное (хотя и чреватое негативными социальными последствиями) проявление и свидетельство несовершенства человеческой природы. Если в трактовке Алексеева собственность предстает как неустранимый факт социальной жизни, то Франк склонен усматривать в принципе частной собственности позитивное и творческое начало. Из этого вытекает и общая оценка социализма: Франк видел в социализме прежде всего тщетное и противоестественное стремление искоренить неразрывно связанную с принципом частной

собственности органическую составляющую общественной жизни путем насаждения принудительной регламентации, Алексеев же усматривал сущность социализма в утопии материального изобилия.

Границы права собственности

Проблема границ собственности и злоупотребления правом собственности по-разному трактуется в контексте различных идеологических моделей социальной реальности. В горизонте классического европейского либерализма границы права собственности на вещь определяются, в конечном счете, правами других личностей на принадлежащее им имущество. Проблема злоупотребления правом собственности здесь, строго говоря, вообще не возникает. В рамках вытекающего из аксиоматики классического либерализма понимания собственности как *частного* права общество и государство имеют по отношению к собственнику лишь *негативные* обязанности.

В контексте социалистических и коммунистических учений частная собственность (или определенный ее вид — собственность на средства производства) рассматривается в качестве источника классового неравенства, угнетения и эксплуатации. Проблема злоупотребления правом собственности здесь также не может быть поставлена, поскольку эксплуатация и угнетение рассматриваются как проистекающие из *самой природы института частной собственности*, а не из «злой воли» отдельных лиц.

Понятие «злоупотребления» отсылает к такому пониманию идеи собственности, при котором право собственности, с одной стороны, мыслится как внутренне ограниченное, условное и относительное, с другой стороны, рассматривается как нечто *онтологически* (а не только *социально-экономически*) укорененное, органически связанное с фундаментальными константами человеческого бытия. Иными словами, рассматриваемая проблема в наибольшей степени значима для консервативного направления философско-политической мысли.

Какова природа границ, определяющих содержание права собственности? Чем эти границы задаются? В социальной философии Франка (а также Бердяева и ряда других русских мыслителей) ответы на эти вопросы вытекают из религиозно-персоналистской трактовки человека. «В абсолютном и первичном смысле, — писал Франк, — никто на свете не является собственником какого-либо достояния. Человек — не собственник, а лишь управитель достояния, доверенного ему Богом, а потому обязан распоряжаться им не в своих интересах, а ради осуществления Божией правды на земле» [24, 268]. Ту же мысль, выраженную

зачастую в похожих формулировках, можно обнаружить и у Н.А. Бердяева [6, 190], В.И. Экземплярского [26] и многих других русских философов и богословов. Заметим, что при такой трактовке Бог наделяется статусом «верховного собственника» всего сущего, который как бы вверяет человеку во временное (прижизненное) пользование и управление те или иные фрагменты материального мира.

Право собственности, как и всякое субъективное право, согласно Франку, представляет собой не что иное, как «рефлекс обязанностей». Духовный смысл существования правопорядка состоит в «создании внешних условий для свободной внутренней нравственной жизни» [24, 270], «ограждении свободы человека» [24, 270]. В этом же состоит и духовный смысл права частной собственности, поскольку понятие собственности неотделимо от понятия правопорядка. Всякое субъективное право, в конечном счете, оправдано потому, что оно есть необходимое условие осуществления объективной правды и исполнения нравственной обязанности [24, 270].

Право частной собственности, согласно Франку, не может иметь абсолютного и самодовлеющего значения, но вместе с тем его нельзя мыслить и как нечто всецело обусловленное социально-историческим контекстом. В трактовке собственности Франк последовательно дистанцируется как от либерально-индивидуалистической, так и от социалистической моделей общества, истории и хозяйственной жизни, приходит к «системе, равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» [24, 280]. Начало служения не накладывается на право собственности внешним образом, оно изначально присутствует в развиваемом Франком понимании собственности: «Начало собственности, как личного владения и распоряжения, и начало государственного служения не конкурируют между собой, не вытесняют друг друга, как в системе индивидуализма и социализма, а органически соучаствуют» [24, 280].

В свете принципиальных тезисов об ограниченном и функциональном характере права собственности и подчиненности всякого субъективного права интересам осуществления объективной правды Франк переосмысливает ряд значимых для теории собственности вопросов (о конкретном содержании права собственности, об основаниях различения и типологии объектов собственности, о связи права собственности с правом наследования).

Посмотрим теперь, как решается вопрос о границах права собственности в концепции Алексева.

Теоретик евразийства выделяет два фундаментально-различных способа понимания природы собственности: «абсолютная собственность» и «относительная собственность». При абсолютной собственности общество имеет по отношению к собственнику только отрицательные обязанности (терпеть, воздерживаться от вмешательства). При относительной собственности общество приобретает по отношению к собственнику также и положительную миссию. «При абсолютной собственности собственник живет в обществе, как на необитаемом острове. При относительной общество живет в его собственности и собственность эта живет жизнью общества» [3, 255].

Относительный и служебный характер права собственности в концепции Алексеева обосновывается следующим образом. Проводя различие между двумя родами властных отношений — властями хозяйскими и властями служебными, теоретик евразийства подчеркивал, что «хозяйская власть есть власть над тем, что является только средством» [3, 199], тогда как «служебная власть (или власть социального служения) есть власть над тем, что есть не только средство, но и цель в себе» [3, 199]. Власть собственника является разновидностью *хозяйской* власти, а право собственности распространяется лишь на ценности низшие (служебные, инструментальные).

Важно отметить, что различие между абсолютной и относительной собственностью в концепции Алексеева имеет не только мировоззренческий и идеологический, но и цивилизационно-исторический характер: к пониманию собственности как *абсолютного права*, согласно Алексееву, тяготели те культурно-исторические и политические общности, которые сформировались на почве римского права, тогда как для славянского и германского культурно-исторических миров в большей степени характерно понимание собственности как *права относительного*.

Когда Алексей формулирует и обосновывает тезис о том, что право собственности является условным и должно быть подчинено идее социального служения, остается неясность относительно того, приписывается ли этому суждению *универсальный* характер или же данный тезис имеет силу лишь применительно к определенному «культурно-историческому типу» (российскому, евразийскому). Условный характер права собственности вытекает из общей картины мироздания, в которой человек не является центральным звеном. Остается открытым вопрос, придает ли Алексей этой картине статус метафизической истины или рассматривает ее как *одну из возможных* в многообразии исторических мировоззрений. Острота данной дилеммы связана с тем обстоятельством,

что Алексеев в работе «Собственность и социализм» выдвигает две трудносочетаемые друг с другом задачи: разработка общей философско-правовой теории собственности и обоснование социально-экономической программы евразийства. Первая задача по своему характеру является научно-критической, тогда как вторая — мировоззренчески-идеологической. Однако некоторые фрагменты в работе Алексеева все-таки позволяют заключить, что первая задача в ней оказывается подчинена второй. Содержащиеся в работе Алексеева описания двух типов правосознания (римского правового индивидуализма и правосознания, свойственного народам Евразии), едва ли могут быть приведены к общему знаменателю в рамках одной философской системы. Алексеев разрабатывает не столько универсальную философию собственности, сколько *евразийское учение о собственности*, альтернативное основанное на римском правовом индивидуализме западноевропейским теориям собственности.

В философско-правовой концепции Н.Н. Алексеева решающим аргументом в деле обоснования тезиса об ограниченности права собственности становится ссылка на особый тип правосознания, свойственный народам Евразии и резко контрастирующий с правосознанием, возникшим на почве римского правового индивидуализма. В работах С.Л. Франка проблема собственности, как мы видели, ставится и решается принципиальным образом иначе. Право собственности здесь оказывается условным и ограниченным в силу того, что назначение находящихся в собственности вещей определяется не произволом человеческой личности, но, в конечном счете, замыслом Божиим или (что то же самое) интересами осуществления объективной правды.

Заключение

Подведем итог. Ставя перед собой задачу философского обоснования (и неотделимую от нее задачу критического осмысления) института собственности, С.Л. Франк и Н.Н. Алексеев не ограничиваются экономическим и социально-правовым оправданием принципа собственности. Проблематика философии права в работах русских мыслителей накладывается на проблематику философской антропологии, а важнейшим вопросом становится вопрос о соотношении понятий «собственность» и «личность».

Несмотря на ряд общих установок и выводов (постановка проблемы собственности как проблемы философской; стремление дистанцироваться как от либерально-индивидуалистических, так и от социали-

стических трактовок собственности; обоснование условного, служебного характера права собственности), характер аргументации русских философов различен.

Наиболее фундаментальное различие двух трактовок собственности обусловлено отношением к методологическому принципу универсализма. В философии Франка понятие собственности выводится из общего и претендующего на универсальный характер учения о социальном бытии личности, и решающее значение приобретают ссылки на «природу человека», структуру личности и общества. В работах Алексева методологический универсализм оказывается поколеблен цивилизационным плюрализмом, проявившимся в тезисе о множественности несводимых друг к другу типов правосознания.

Литература

1. *Акопов С.В.* С.Л. Франк как политический мыслитель: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. 153 с.
2. *Алексеев Н.Н.* Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918/19 году. Симферополь: Тип. Е.К. Брешко-Брешковской, 1919. 163 с.
3. *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 168—281.
4. *Аляев Г.Е.* Метафизика прав человека в трактовке С.Л. Франка // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2000. № 3. С. 242—259.
5. *Архангельская А.И.* Проблема формирования духовных основ общества в социальной философии С.Л. Франка: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. 171 с.
6. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.
7. *Голенков С.И.* К экзистенциальным основаниям собственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2010. № 1 (7). С. 91—99.
8. *Гурвич Г.Д.* Собственность и социализм (по поводу социалистической конструкции С.И. Гессена) // Современные записки. 1929. XXXVIII. С. 508—520.
9. *Гурвич Г.Д.* Социализм и собственность // Современные записки. 1928. XXXVI. С. 346—382.
10. *Демин И.В.* Консерватизм границ: к вопросу об «общем знаменателе» различных типов консерватизма // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 28—41.

11. *Евлампиев И.И.* История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта: В 2 ч. Ч. II. СПб.: Алетея, 2000. 414 с.
12. *Захаров В.М.* Собственность: сущность, содержание и формы проявления (социально-философский аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2012. 207 с.
13. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 254—280.
14. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. Петроград: Asademia, 1922. 80 с.
15. *Костюков А.Е.* Концепция евразийской государственности в политическом учении Н.Н. Алексеева (1879—1964). Монография. М.: Воробьев А.В., 2009. 112 с.
16. *Курилов С.Н.* Проблема личности, общества и государства в социальной философии С.Л. Франка // Соловьевские исследования. 2015. № 4 (48). С. 117—123.
17. *Оболевич Т.* Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 304 с.
18. *Овчинников А.И., Овчинникова С.П.* Евразийское правовое мышление Н.Н. Алексеева. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк., 2002. 264 с.
19. *Плотников Н.С.* Личность и собственность. Аксиоматика персональности в европейской и русской философии // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта. М.: Модест Колеров, 2007. С. 167—179.
20. *Соловьев Вл.С.* Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
21. *Струве П.Б.* Отечество и собственность // Русская философия собственности XVIII—XX вв. М.: РОССПЭН, 1999. С. 266—270.
22. *Тихомиров Л.А.* Социализм в государственном и общественном отношении. М.: типо-лит. И. Ефимова, 1907. 55 с.
23. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. 82 с.
24. *Франк С.Л.* Собственность и социализм // Евразийский временник. Кн. V. Париж, 1927. С. 262—284.
25. *Франк С.Л.* Проблема «христианского социализма» // Путь. 1939. № 60. С. 18—32.
26. *Экземплярский В.И.* Учение Древней Церкви о собственности и милостыне. Краснодар: Православный Екатеринодар, 2013. 267 с.

27. *Bambauer Ch.* Leben und Werk von Semjon L. Frank // Russian Church: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.borisogleb.de/frank7.htm> (дата обращения: 27.06.2021).

References

1. *Akopov S.V.* S.L. Frank kak politicheskij myslitel': Dis. ... kand. polit. nauk. SPb., 2001. 153 s.
2. *Alekseev N.N.* Obshchee uchenie o prave. Kurs lekcij, pročitanyh v Tavricheskom Universitete v 1918/19 godu. Simferopol': Tip. E.K. Breshko-Breshkovskoj, 1919. 163 s.
3. *Alekseev N.N.* Sobstvennost' i socializm. Opyt obosnovaniya social'no-ekonomicheskoy programmy evrazijstva // Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998. S. 168—281.
4. *Alyaev G.E.* Metafizika prav cheloveka v traktovke S.L. Franka // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. M.: Nauka, 2000. № 3. S. 242—259.
5. *Arhangel'skaya A.I.* Problema formirovaniya duhovnyh osnov obshchestva v social'noj filosofii S.L. Franka: Dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2009. 171 s.
6. *Berdyaev N.A.* O naznachenii cheloveka. M.: Respublika, 1993. 382 s.
7. *Golenkov S.I.* K ekzistencial'nym osnovaniyam sobstvennosti // Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. Ser.: Filosofiya. Filologiya. 2010. № 1 (7). S. 91—99.
8. *Gurvich G.D.* Sobstvennost' i socializm (po povodu socialisticheskoy konstrukcii S.I. Gessena) // Sovremennye zapiski. 1929. XXXVIII. S. 508—520.
9. *Gurvich G.D.* Socializm i sobstvennost' // Sovremennye zapiski. 1928. XXXVI. S. 346—382.
10. *Demin I.V.* Konservatizm granic: k voprosu ob «obshchem znamenatele» razlichnyh tipov konservatizma // Politicheskaya konceptologiya. 2017. № 3. S. 28—41.
11. *Evlampiev I.I.* Istoriya russkoj metafiziki v XIX—XX vekah. Russkaya filosofiya v poiskah Absolyuta: V 2 ch. CH. II. SPb.: Aleteja, 2000. 414 s.
12. *Zaharov V.M.* Sobstvennost': sushchnost', sodержание i formy proyavleniya (social'no-filosofskij aspekt): Dis. ... kand. filos. nauk. Ekaterinburg, 2012. 207 s.

13. *Il'in I.A.* Put' duhovnogo obnoveniya // *Il'in I.A. Sobr. soch.:* v 10 t. T. 1. / Sost., vstup. st. i komment. YU.T. Lisicy. M.: Russkaya kniga, 1996. S. 254—280.
14. *Karsavin L.P.* Vostok, Zapad i russkaya ideya. Petrograd: Academia, 1922. 80 s.
15. *Kostyukov A.E.* Konceptiya evrazijskoj gosudarstvennosti v politicheskom uchenii N.N. Alekseeva (1879—1964). Monografiya. M.: Vorob'ev A.V., 2009. 112 s.
16. *Kurilov S.N.* Problema lichnosti, obshchestva i gosudarstva v social'noj filosofii S.L. Franka // *Solov'evskie issledovaniya.* 2015. № 4 (48). S. 117—123.
17. *Obolevich T.* Semen Frank, Lev Karsavin i evraziycy. M.: Modest Kolerov, 2020. 304 s.
18. *Ovchinnikov A.I., Ovchinnikova S.P.* Evrazijskoe pravovoe myshlenie N.N. Alekseeva. Rostov n/D: Izd-vo Sev.-Kavk. nauch. centra vyssh. shk., 2002. 264 s.
19. *Plotnikov N.S.* Lichnost' i sobstvennost'. Aksiomatika personal'nosti v evropejskoj i russkoj filosofii // *Personal'nost'. YAzyk filosofii v russko-nemeckom dialoge /* Pod red. N.S. Plotnikova, A. Haardta. M.: Modest Kolerov, 2007. S. 167—179.
20. *Solov'ev Vl.S.* Opravdanie dobra. M.: Institut russkoj civilizacii, Algoritm, 2012. 656 s.
21. *Struve P.B.* Otechestvo i sobstvennost' // *Russkaya filosofiya sobstvennosti XVIII—XX vv.* M.: ROSSPEN, 1999. S. 266—270.
22. *Tihomirov L.A.* Socializm v gosudarstvennom i obshchestvennom otnoshenii. M.: tipo-lit. I. Efimova, 1907. 55 s.
23. *Trubeckoj N.S.* Evropa i chelovechestvo. Sofiya: Rossijsko-bolgarskoe knigoizd-vo, 1920. 82 s.
24. *Frank S.L.* Sobstvennost' i socializm // *Evrazijskij vremennik.* Kn. V. Parizh, 1927. S. 262—284.
25. *Frank S.L.* Problema «hristianskogo socializma» // *Put'.* 1939. № 60. S. 18—32.
26. *Ekzemplarskij V.I.* Uchenie Drevnej Cerkvi o sobstvennosti i milostyne. Krasnodar: Pravoslavnyj Ekaterinodar, 2013. 267 s.

М.Д. ГОРБАЧЕВ

Критерий жесткости десигнатора*

Аннотация. Проводится анализ понятия жесткого десигнатора, для чего сначала затрагиваются понятия знака, смысла и значения, в контексте которых Крипке создавал концепцию жесткой десигнации; а также к тождеству. В ходе анализа обнаруживается, что для жестких десигнаторов Крипке постулирует некий критерий, который является сущностью жесткого десигнатора, о нумерическом тождестве которого во всех возможных мирах затем и говорит. Нежесткие же десигнаторы становятся таковыми потому, что в сущности им отказывается и весь интенционал понимается как вариативный — не необходимо тождественный во всех мирах. Однако у Крипке нет не только четкого способа установления наличия или отсутствия сущности, но и указания на то, что именно он понимает под сущностью вещи — фактически под самой вещью — и почему именно это. В результате делается вывод, что жесткость десигнатора зависит от полагания указанного критерия, который постулируется как необходимый для того, чтобы считать некую вещь ею самой. Апостериорность подобной необходимости, на наш взгляд, сомнительна, так как в ней лишь реализуется нумерическое тождество, которое априорно, насколько это возможно, на различных, получаемых в результате опыта критериях, полагаемых как сами вещи.

Ключевые слова: жесткий десигнатор, Крипке, тождество и необходимость, апостериорная необходимость.

Abstract. In this paper, the author analyzes the concept of rigid designator. For this purpose he refers to the sign, sense, denotation and identity, that are the context for Kripke's concept of rigid designator. In the course of the analysis, the author discovers that Kripke postulates a certain criterion for rigid designators, which is the essence of each of them, and writes then about its numerical identity in all possible worlds. Non-rigid designators become such because they are essentially rejected and the entire intension is understood as variable — not necessarily identical in all worlds. However, Kripke does not have a clear way of establishing the presence or absence of an entity, but also an indication of what exactly he understands by the essence of a thing — in fact, by the thing itself — and why this exactly. As a result, the author

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев М.Д. Критерий жесткости десигнатора // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 211—220.

comes to the conclusion that the rigidity of designator depends on the assumption of the specified criterion, which is postulated as necessary in order to consider a certain thing itself. Posteriori nature of such necessity seems doubtful to the author, since it only implements a numerical identity, which, in the author's opinion, is a-priori, on various criteria obtained as a result of experience, which are assumabstract/ed as things themselves.

Keywords: rigid designation, Kripke, identity and necessity, posteriori necessity.

УДК 1
ББК 87

Введение

В своей работе Соул Крипке определяет жесткие десигнаторы как обозначающие один и тот же объект во всех возможных мирах [6]. На основе понятия жесткой десигнации речь идет также и об апостериорной необходимости. У автора настоящей статьи есть основания полагать, что жесткая десигнация не только дает слабые основания говорить о необходимости апостериори, но и сама по себе является, скорее, частным случаем использования знаков особым образом, что делает жесткие десигнаторы не фиксированными, а зависящими от того, какой смысл реализует тот или иной знак. В качестве подготовительной работы мы затронем понятия смысла, знака и значения, а также тождества в их контексте, чтобы затем перейти к анализу жесткой десигнации и рассмотрению того, чем на самом деле она является, на ряде примеров.

Знак, смысл и значение

Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению жесткой десигнации, следует обратиться к знаку, смыслу и значению, так как именно на уровне их взаимодействия возникает упомянутое понятие. Несмотря на то, что сам Крипке использует в качестве значения имени объект, мы считаем, что продуктивнее и вернее было бы использовать то, что мы называем *действительной ситуацией*. Знак в нашем случае — то, в чем человеком полагается смысл. Причем важно, что, в отличие от Фреге, мы не станем понимать под смыслом способ реализации значения в знаке, так как значения у знака может не быть, но смысл от этого не исчезает [2].

Возьмем знак «король Франции есть», смысл которого, строго говоря, может быть каким угодно, но, условимся, фиксирован — наследственный глава королевства государства, которое называют Франция,

существует в материальном мире и т. д. Этому смыслу может соответствовать действительная ситуация в виде существования в данный момент короля Франции, а может не соответствовать. В случае, если смыслу соответствует действительная ситуация, высказывание истинное; если нет — ложное, но его смысл сохраняется, хотя и нельзя сказать, что он является результатом реализации в знаке какой-либо действительной ситуации, имеющейся до или даже во время полагания такого смысла. При этом важно, что для того, чтобы быть действительной ситуацией, не нужно находиться в отношениях с чем-либо или быть совокупностью элементов; т. е. планета Земля, взятая вне каких-либо контекстов и элементов, ее составляющих — тоже ситуация. Таким образом, чтобы быть денотатом в нашем понимании, не нужно быть каким-то материальным объектом, нужно быть действительной ситуацией. Так, например, олимпийские игры могут быть действительной ситуацией и как реальные олимпийские игры, и как воображаемые.

Такое понимание все еще позволяет объяснить, как может быть, что $a=b$ не то же самое, что $a=a$ — разные смыслы относятся к одной действительной ситуации. В то же время не возникает проблема, которую пытался решить Рассел с помощью теории дескрипций [7]. Когда мы говорим о несуществовании чего-то, то мы имеем в виду, что смыслу не соответствует действительная ситуация, а то, несуществование чего в указанном понимании мы полагаем — лишь смысл. При этом мы можем заявить о несуществовании самого смысла, заключающегося в знаке, но такие утверждения всегда будут ложными, так как существованию смысла, о несуществовании которого мы хотим сказать, всегда соответствует действительная ситуация в виде самого полагания этого смысла во время формулировки утверждения.

Именно описанным образом мы будем понимать в настоящей статье смысл и значение, что, на наш взгляд, позволит вернее указать жесткость жесткой десигнации.

О тождестве

Поскольку Крипке утверждает, что жесткие десигнаторы обозначают один и тот же предмет во всех возможных мирах, он, очевидно, имеет в виду и то, что что-то тождественно себе во всех возможных мирах, а что-то — нет [6]. Он прямо утверждает, что не все тождественно себе, хотя, как будет видно в ходе анализа понятия жесткой десигнации, у Крипке специфическое понимание тождественности самому себе [6].

Пусть знак g имеет некий смысл j , а этому смыслу соответствует действительная ситуация i . Как и Крипке, мы не утверждаем, конечно,

что во всех возможных мирах необходимо есть g, j, i [6]. Также мы не утверждаем, что наличие одного подразумевает наличие других.

Теперь посмотрим на g, j, i по отдельности. Если в любом возможном мире есть именно тот g , то это именно тот g . Значит, нечто как знак, если он есть, вне смысла и значения всегда тождественен себе. Да, в случае со знаком возникает сложность, заключающаяся в том, что два одинаковых знака нумерически не тождественны, но сейчас мы говорим о виде знака как таковом, вне зависимости от особенностей контекста его реализации — «+» всегда «+», если изображен достаточно точно, чтобы не считать его каким-то другим знаком.

Смысл j , если именно он есть в каком-либо возможном мире, всегда именно он, именно этот смысл. Также и действительная ситуация i : если именно она есть в каком-то возможном мире (а не такая же ситуация), то это именно она. Тут опять же возникает сложность: считается ли эта ситуация именно этой, если она существуют в другом мире. Но, если и не считается, то их просто нет в этих возможных мирах, что не критично для Крипке, но если бы были, то были бы тождественны себе [6].

Однако же он утверждает, что не все необходимо тождественно самому себе, а из описания жестких и нежестких десигнаторов можно заключить, что эта нетождественность возникает именно в отношениях между знаком, смыслом и значением [6]. То есть в случае с жестким десигнатором знаку при сохранении особенностей его использования всегда соответствует одно и то же значение.

Некоторые возражения основам концепции Крипке

Крипке можно упрекнуть в том, что основания, на которых он строит концепцию жесткой десигнации, шатки или даже ошибочны. На некоторые потенциальные возражения он отвечает уже в своей работе. Так, например, он сразу проясняет, что именно он понимает под возможным миром — это не другой, параллельный нашему, мир, а возможный вариант нашего, что позволяет говорить о нумерическом тождестве той же самой действительной ситуации, которую обозначает знак [6]. В противном случае это были бы лишь одинаковые ситуации, но их было бы две, и о нумерическом тождестве говорить было бы нельзя.

Еще одно возражение, ответ на которое можно найти у Крипке заключается в указании на отсутствие фиксированного значения у знаков. Так, например, П.С. Куслий замечает, что имена не всегда обозначают один объект [1]. Если бы речь шла о значении имен, то Крипке бы согласился, так как сказанное описывает нежесткую десигнацию. Если

же речь идет о том, что знаки могут обладать разным смыслом, что влечет и разные значения, то проблемы не возникает потому, что мы можем условиться о фиксированном смысле в качестве рабочего инструмента для демонстрации сущности жесткой десигнации. Более того, мы можем сказать, что знак будет существовать в возможном мире, если он имеет тот же смысл — т. е. связать смысл и знак, так как интерес здесь представляет именно значение, и Крипке не спорит, что знак может по-другому использоваться в другом возможном мире [6].

Тем не менее есть и такие возражения, предвосхитить которые в статье ему не удалось. Так, Черняк указывает на то, что «практически любой объект — сложная конструкция, включающая помимо пространственных еще и временные части. Обычно он представлен коммуникаторам в ситуации его наречения каким-то именем лишь определенным состоянием (например, младенческим) или аспектом» [3]. Крипке не учитывает это и имплицитно полагает, что есть некий критерий, который позволяет говорить о тождестве значения даже тогда, когда смысл знака указывает на иную действительную ситуацию. Так происходит в случае с Венерой, которая и Утренняя звезда, и Вечерняя. Крипке не учитывает, что можно продолжать говорить о двух разных действительных ситуациях, зная, что тело, которое является в этом случае элементом таких ситуаций, одно и то же. Он имплицитно полагает критерий, который позволяет ему говорить о том, что Венера была бы Венерой во всех возможных мирах, а Утренняя и Вечерняя звезда — одно и то же. Вопрос о критерии, позволяющем говорить о жесткой десигнации, подводит нас к главной части настоящей работы.

Критерий как сущность

Обратимся еще раз к примеру с Венерой: Куслий верно отмечает, что, «чтобы установить тождество двух терминов, нужно иметь один объект, относительно которого это тождество будет истинным» [1]. Вечерняя и Утренняя звезда — два термина, а Венера — та действительная ситуация, относительно которой тождество последних истинно. Однако нужно помнить, что «знак “=” можно интерпретировать как выражение полного или неполного тождества... В первом случае все части объектов, связанных этим отношением, тождественны; во втором случае некоторые ключевые или большинство» [3]. Так, Венера нумерически тождественна себе, но не обязательно Утренней звезде, если под утренней звездой мы подразумеваем планету, видимую на небе утром на том самом месте. Так, если вдруг Венера поменяется орбитами с другой планетой, и та займет место Венеры на утреннем небе, то Утренней звездой мы

будет называть новую планету, так как ранее мы решили, что Утренняя звезда — это просто планета, видная в определенном месте в определенное время. Такое рассуждение призвано показать, что отождествление разных понятий требует критерия, который присутствует в обоих и который тождественен себе нумерически, полностью.

У Крипке есть такой критерий. Что-то позволяет ему говорить о двух рассматриваемых звездах как об одной Венере, и этот критерий, исходя из самого примера Крипке, не связан с видимостью на небе в определенное время суток. Возможно, это состав, свойства или положение Венеры относительно Солнца. По сути именно этот имплицитно полагаемый Крипке критерий, заключающийся в части интенционала Венеры, и есть для него сам объект — или сущность объекта. То есть сущность Венеры заключается в X , что в обсуждаемом вопросе эквивалентно тому, что Венера есть X , где X — подразумеваемый критерий, который — чего уже будто бы не замечает Крипке нумерически — т. е. не апостериори — тождествен себе во всех возможных мирах. Отметим, что, если основанием для утверждения жесткой десигнации является нумерическое тождество некоего критерия, то сомнительно говорить об апостериорной необходимости, так как речь идет об аналитическом тождестве. Предположим, что сущность Венеры заключается в бытности второй планетой от Солнца, и не будем обращать внимание на что-то помимо этой бытности (как это делает Крипке со своими критериями). Но ведь, если в любом возможном мире есть вторая планета от Солнца, то она одинакова в этой бытности во всех возможных мирах, а то, что эти планеты могут быть разные (или даже сразу несколько), нас интересоваться не должно, так как и то, что Крипке считает Венерой, может отличаться в разных мирах в том, что он не полагает как ее сущность. То есть мы полагаем не планету, а бытность второй планетой от Солнца как жесткий десигнатор, поэтому и возражение, что эта планета могла бы не быть второй от Солнца, не релевантно. Здесь стоит еще отметить то, что, если мы говорим о самом критерии, нам неважно и то, может ли этот критерий реализовываться самостоятельно или быть действительной ситуацией как часть большей действительной ситуации. Важно, что понимание значения как ситуации, а не вещи позволяет нам под значением понимать широкий спектр критериев, которые сами по себе вещью не являются. Этого не может позволить себе Крипке из-за особенностей его понимания значения, в котором он следует за Фреге и привязывает его к предмету во фрегевском смысле. Хотя, судя по примеру Крипке с корнем из 25, к которому мы еще обратимся в дальнейшем, у него бывают исключения.

Проверим нашу гипотезу о критерии на еще нескольких примерах Крипке. Например, изобретатель бифокальных очков (далее ИБО), по Крипке — нежесткий десигнатор, а Бенджамин Франклин, который их изобрел — жесткий [6]. На первый взгляд, при одних обстоятельствах изобретателем таких линз мог бы быть один человек, а при других обстоятельствах им мог бы быть другой человек, чего не скажешь о конкретном человеке, который, если и есть в мире, то есть именно он [6]. Но с другой стороны странно, что в случае с Франклином Крипке имплицитно какой-то критерий, который интуитивно является частью того, что может быть сказано о том, что обычно называют Франклином, но который Крипке отождествляет с Франклином как его сущность, и говорит, что этот критерий, если есть в каком-то мире, будет тождествен себе. На наш взгляд, в случае с ИБО Крипке отказывает в сущности. Разумеется, ИБО мог бы быть другим человеком, а тот, кто является ИБО, мог бы им не быть, но, если под Франклином (под его сущностью) мы понимаем в том числе его характер, то можно было бы говорить и о нем как нежестком десигнаторе (только тогда, когда мы не фиксируем его настоящий характер как то, чему необходимо быть в мире, чтобы в этом мире был Франклин). Положим, *бытность ИБО* это самодостаточная сущность — или критерий, который и есть ИБО. В таком случае во всех возможных мирах, где есть тот, кто уже изобрел бифокальные очки, он не может не быть тем, кто изобрел их. Нам в этом случае неважен интенционал того, кто эти очки изобрел, его бытность изобретателем не часть интенционала, а сама по себе весь интенционал, критерий, который тождествен сам себе во всех возможных мирах. Так, согласно Девиццу, «президент США» мог бы быть жестким десигнатором такой сущности, как президент США, а не нежестким десигнатором Клинтона [5].

В таком контексте интересен пример Крипке с «квадратным корнем из 25». Если мы считаем, что сущность его заключается в 5, а $2+3$ — то же самое, что 5, то в «квадратном корне из 25» нельзя выделить какой-то критерий, так как по сути это только 5 и ничего больше. В таком и подобных случаях нельзя упрекнуть Крипке в имплицитно полагаемом критерии, который он по неизвестной причине принимает за сущность чего-то и отождествляет эту сущность с этим *чем-то*.

Полагание критерия удобно наблюдать на примере корабля Тесея. Нам кажется затруднительным указать, что именно является кораблем Тесея, какая часть интенционала того, что мы называем его кораблем, может быть принята за его сущность. Материальный состав меняется, команда — тоже, бытность в собственности у Тесея может прекратиться, быть управляемым Тесеем может любой корабль. Однако на самом деле

все это не важно, так как, если мы скажем, что корабль Тесея — жесткий десигнатор, то мы будем иметь в виду не то, что какой-то корабль не мог не принадлежать Тесею, а то, что корабль Тесея, под сущностью которого мы можем понимать любой из предложенных критериев, будет являться собой. Например, корабль Тесея — тот корабль, на котором находятся Тесей в качестве капитана и его команда (состав которой неважен). На каком бы корабле они ни находились — хотя бы Тесей и менял его каждую неделю — каждый из этих кораблей во всех возможных мирах будет собой как тем, на котором находятся Тесей в качестве капитана и его команда. Иными словами — бытность кораблем, на котором находится Тесей в качестве капитана и его команда, всегда тождественна самой себе, а то, что корабли эти могут быть в чем-то разными, и каждый из них мог бы не оказаться кораблем Тесея — просто неважно.

Мы считаем, что нашу позицию Крипке подтверждает своим примером с теплотой. Он говорит, что движение молекул не могло бы не быть теплотой только потому, что для него теплота и движение молекул — одно и то же [6]. Но представим, что теплота как повышение температуры по какой-то причине происходит как раз тогда, когда молекулы не движутся. Несмотря на это, теплота как повышение температуры тождественна себе; также обстоит дело и с движением молекул, которое не может не быть движением молекул, если оно есть в возможном мире. Хотя, конечно, движение молекул может быть разным по набору этих молекул или интенсивности, но — и тут Крипке прав — это неважно, так как мы говорим о тождестве движения молекул как такового самому себе. Схожая ситуация с водой, которая может быть взята в разном объеме, но остается водой [6]. Хотя в случае с нею мы можем полагать за ее сущность не химический состав, а, например, физические свойства и химические свойства. Но каким бы ни был этот критерий, он во всех мирах будет тождествен сам себе, хотя реализуется он в том, что может различаться в другой части интенционала.

Кук Монте, говоря о жесткости десигнации абстракций, сравнивает «кошек» и «бакалавров» [4]. Он приходит к выводу, что «кошки» — жесткий десигнатор, а «бакалавры» — нет, и делает это, опираясь на то, что те, кто является бакалаврами в одном мире, могут не являться ими в другом [4]. Но, судя по приведенным ранее примерам, в случае с бакалаврами нас интересует не то, что те, кто ими является, могут этого не делать, а то, что тот, кто уже является бакалавром, не может не быть являющимся бакалавром. Иначе говоря, во всех возможных мирах, где есть те, кто является бакалаврами, сущность которых заключается, предполо-

жим, в обладании соответствующим дипломом, они будут одинаково обладать этим дипломом. Так, говоря, что жесткий десигнатор обозначает одно и то же, мы имеем в виду, что то, что обозначается нумерически тождественно во всех возможных мирах. При этом, если бы мы не полагали некий критерий как то, что обозначает десигнатор, то о полном нумерическом тождестве мы могли бы говорить только в полностью тождественном актуальному миру, так как пространственно-временные отношения тоже являются частью интенционала какой-то действительной ситуации. Но мы полагаем критерий и поэтому, «бакалавр», как и «кошка», обозначает одну и ту же *бытность бакалавром*, как и *бытность кошкой*, хотя это, конечно, будут разные бакалавры и кошки, а тот, кто является бакалавром (в отличие, кстати, от кошки) мог бы не быть им, но нам важен не *тот*, а *является бакалавром* как действительная ситуация сама по себе.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что жесткие десигнаторы Крипке говорят не более чем о нумерическом тождестве действительных ситуаций, обозначаемых знаками, самим себе во всех возможных мирах. При этом жесткий десигнатор не учитывает то, что обозначаемая действительная ситуация может быть иной в части интенционала, так как принимает во внимание лишь то, что определяется как сущность этой ситуации, которая будет тождественна самой себе. При этом определять сущность можно многими способами. Так, мы можем сказать, что сущность Никсона заключается в том числе в отсутствии густой бороды. Тогда о тех возможных мирах, где у него есть борода, мы скажем как о таких, где Никсона нет, но, если бы был, то тождественный себе, которого мы определили в качестве его сущности как часть интенционала Никсона из нашего мира.

Что касается апостериорной необходимости, то апостериорность в случае с жесткими десигнаторами заключается лишь в том, что мы, опираясь на опыт, можем узнать о существовании новых действительных ситуаций и их частях, которые необходимо, но уже априорно тождественны себе, так как само нумерическое тождество, о реализации которого в разных ситуациях и говорят жесткие десигнаторы, априорно, насколько что-то в принципе может быть априорным.

О нежестких же десигнаторах Крипке говорит тогда, когда не полагает сущность в действительной ситуации — т. е. не обозначает критерий, нумерическое тождество которого он будет постулировать во всех возможных мирах.

Литература

1. *Куслий П.С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2008. № 2. С. 103—118.
2. *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 26—43.
3. *Черняк А.З.* Собственные имена как жесткие десигнаторы // *Вестник РУДН. Сер.: Философия*. 2016. № 2. С. 113—121.
4. *Cook M.* If 'cat' is a rigid designator, what does it designate? // *Philosophical Studies*. 1980. Vol. 37. No. 1. P. 61—64.
5. *Devitt M.* Rigid application // *Philosophical Studies*. 2005. Vol. 125. No. 2. P. 139—165.
6. *Kripke S.A.* Identity and necessity. N. Y., 1971. P. 135—164.
7. *Russell B.* On denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479—493.

References

1. *Kuslij P.S.* Imena, deskripcii i problema zhestkoj designacii // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2008. № 2. S. 103—118.
2. *Frege G.* Smysl i znachenie // Frege G. Izbrannye raboty. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1997. S. 26—43.
3. *CHernyak A.Z.* Sobstvennye imena kak zhestkie designatory // *Vestnik RUDN. Ser.: Filosofiya*. 2016. № 2. С. 113—121.

IV

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

С.Г. КОВАЛЕВ

**Альтернативные парадигмы: марксистские
и немарксистские отображения хода исторического процесса***

Аннотация. Раскрываются подходы к отображению эволюции общества: формационный, цивилизационный, мир-системный, страновой; показываются их познавательные возможности, приводятся малоизвестные, но актуальные для понимания современной России взгляды Карла Маркса на историю развития общества, что сегодня необходимо для творческого и критического понимания марксизма.

Ключевые слова: подходы к отображению истории эволюции общества: формационный, цивилизационный, мир-системный, страновой.

Abstract. The article reveals the approaches to reflecting the evolution of society: formational, civilizational, world-system, country, shows their cognitive capabilities, gives little-known, but relevant for understanding modern Russia, Karl Marx's views on the history of the development of society, necessary for a creative and critical understanding of Marxism.

Keywords: approaches to displaying the history of the evolution of society: formational, civilizational, world-system, country.

УДК 330
ББК 65.в

В 2021 г. исполнилось 140 лет ответу К. Маркса на письмо В. Засулич по вопросу возможности альтернативного, некапиталистического пути развития Российской империи («Наброски ответа на письмо В. Засулич» [11]). Марксом были подготовлены варианты ответа, в которых он попытался еще раз осмыслить эволюцию человеческого общества на основе ранее выдвинутого им формационного подхода.

Выделим несколько современных парадигмальных подходов к познанию и восприятию исторических процессов эволюции общества. Как правило, в социально-историческом анализе используются четыре

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Альтернативные парадигмы: марксистские и немарксистские отображения хода исторического процесса // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 223—241.

научно-мировоззренческих подхода: формационный, цивилизационный, мир-системный, страновой, а также общенаучные подходы: сравнительно-исторический, диалектический, системный и их комбинации. Они по-разному объясняют исторический процесс: формационный как смену способов производства, цивилизационный как смену цивилизационных оснований в процессе социокультурной жизнедеятельности общества, мир-системный как образование и эволюция больших мир-систем в планетарном обществе, страновой как становление и развитие отдельных стран.

При этом периодизация человеческой истории — как становление и смена хронологически выделенных ее культурных, экономических, технологических, организационных стадий развития общества — характерна уже для позднего Средневековья. Так, уже Ибн-Хальдун (1332—1406) во введении к своему трактату «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живущих с нами на земле» («Большая история») дает циклическое понимание разворачивания истории: рождение — гибель, от первобытности племен к городам и государству (цивилизации) и затем вновь по выделенному кругу. Причем большое значение он придает экономической деятельности людей и государства. Позднее подобную концепцию выдвигает Вико Джамбаттиста (1668—1744), считавший что нации развиваются объективно, по циклам, включающим три эпохи: безгосударственную (божественная — теологическое подчинение жрецам), аристократическое государство (героическая), представительное государство — республика, конституционная монархия. Однако для Средневековья ход истории — это все же не деятельность людей, а промысел Божий.

Постепенно этапы развития общества историки стали связывать с процессами, протекающими внутри самого общества, с техническим и культурным прогрессом, формами хозяйства, накопленным богатством, политическим устройством, мировоззрением людей. В литературе выдвигалось множество точек зрения на ход развития, его закономерности, этапы. Концептуально их можно свести к вышеназванным четырем парадигмальным подходам: страновому, формационному, цивилизационному, мир-системному. А также дополнительно выделить системный подход как общенаучный метод исследования — раскрытие общества как системы (интуитивно он использовался уже К. Марксом, в работах которого встречается слово «система»). Критерий выделения — исходный, первичный объект, который берется в качестве единицы анализа: либо страновой (отдельная страна), либо нестрановой, более абстрактный, искусственный, расплывчатый смысловой феномен

— цивилизация, формация, мир-система и вкладываемые в них теоретический смысл, а также выделяемые у них признаки, формы, закономерности, присущие им как объектам исследования (мысленно-мнимые или мысленно-реальные). Разнообразии подходов ведет к различиям понимания сущности, форм, этапов, состояний общества, в том числе и его возможного будущего.

Формационный подход. Концепцию формационного подхода к истории общества с позиции материализма разрабатывали К. Маркс, Ф. Энгельс, а также В.И. Ленин и другие видные большевики, по своему интерпретирующие Маркса, в частности А. Богданов, разрабатывавший теорию всеобщей организационной науки (тектология) и имевший свой взгляд на этапы развития общества: от дробного натурального хозяйства к меновому хозяйству и затем к коллективизму (объединенному натуральному хозяйству), и И. Сталин, также считавший, что в своем развитии общество проходит через определенные, сменяющие друг друга социальные формы и формации: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, коммунистическую.

В работе «Россия как формационная цивилизация» (1995) мы показали, что понятие общественной формации в широкий научный оборот ввел К. Маркс, но не дал четких критериев их выделения и однозначной системы видов формаций (см.: [7]). По Марксу, формация — общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, со своеобразным отличительным характером. Заметим, справедливости ради, что термин «формация» встречается и ранее — в работах французских историков А. Тьера (1797—1877), Ф. Гизо (1787—1874). Формация выступает как наиболее абстрактная категория, характеризующая большие эпохи жизнедеятельности человечества, выделенные по признаку исторического монизма: основа — трудовая деятельность для целей воспроизводства жизни и соответствующие ей социальные формы, а движущие силы — противоречия, в них возникающие. Формация у Маркса — это тип общества, основанный на единстве определенного способа производства и надстройки (человеческая деятельность за пределами материального производства — законодательная, управленческая, духовная).

У Маркса есть несколько вариантов и трактовок видов формаций. В «Набросках ответа на письмо В.И. Засулич» (1881) он выделяет: архаическую, экономическую и коммунистическую формации [11]. В работе «К критике политической экономии» (1859) экономическую формацию рассматривает как категориальную целостность, состоящую из четырех эпох, различающихся способом производства благ (азиат-

ский, античный, феодальный, буржуазный) [10]. По Марксу, экономической общественной формацией заканчивается предыстория человеческого общества.

Маркс показал, что для экономических формаций характерно не только классовое общество, но и отчуждение труда, например, при капитализме пролетариат отчужден от средств производства и от результатов своего труда. В современном же капитализме отчуждение углубляется: полное вытеснение живого труда из производственных процессов за счет их автоматизации, интеллектуализации, а значит, отчуждение и от средств жизни, а в пределе — и от самой жизни, а также отчуждение человека от самого человека, физического тела индивида от его сознания, за счет манипулирования последним путем применения специальных психотехник, в том числе информационных, маркетинговых, вырабатывающих универсальное производственное и потребительское поведение.

Однако следует заметить, что формационный подход не оставался неизменным, а модифицировался. Например, В. Зомбарт (1863—1941), придерживаясь марксистской традиции, пытался обогатить ее, встроить в нее элементы социального сознания, историко-культурных особенностей формирования хозяйств отдельных наций. Он предложил рассматривать хозяйственную жизнь общества как хозяйственную систему, как определенный порядок хозяйственной жизни, в пределах которой господствуют характерные для нее хозяйственное мышление и техника, их единство и исторически обусловленное своеобразие. Для этой цели в 1925 г. Зомбарт написал работу «Порядок хозяйственной жизни», где выделил три части системы: Дух (экономическое сознание), Форму (регулирование и организация), Способ (технику). Все части равноправны, взаимосвязаны, но приоритет, в отличие от Маркса, отдается сознанию. Данные части системы Зомбарт раскрывает с помощью пары противоположных категорий. 1. *Дух*: а) принцип удовлетворения — принцип обогащения; б) традиционализм — рационализм; в) солидаризм — индивидуализм. 2. *Форма*: а) объединение — свобода; б) общественное хозяйство — частное хозяйство; в) аристократия — демократия; г) замкнутость — открытость; д) самообеспечивающееся (натуральное) хозяйство — взаимодействующее (товарное) хозяйство; е) общественные предприятия — индивидуальные предприятия. 3. *Способ*: а) эмпирическая — научная; б) эволюционная — революционная; в) органическая — неорганическая [5, 70].

Зомбарт считал, что современный ему капитализм прошел несколько стадий: докапиталистическую (от натурального хозяйства к

ремесленному), раннюю, развитую, позднюю (с Первой мировой войны) и вступает в стадию организованного капитализма (сочетание частной, коллективной, государственной собственности).

В свою очередь, М. Вебер допускал нескольких типов капитализма: авантюристический, торговый, военный, ориентированный на захватническую наживу, промышленный (с протестантской этикой, рациональным управлением, основанном на праве, гражданскими свободами, целерациональной наукой).

Цивилизационный подход. Понятие «цивилизация», как обыденное, так и научное, строго не определено — мысленно отражает реальную целостность культурной жизни людей в пространственно-временных границах. В этимологической и научной литературе акцент при раскрытии делается на синонимах понятия: культуре, обществе, вышедшем за рамки первобытности, основанном на разделении труда, культуре, наличии государства, рациональности в управлении.

К настоящему времени имеется более 200 определений данного понятия. Однозначно выяснить, кто ввел термин «цивилизация» в широкий научный оборот, сложно. Встречается оно у Мирабо в работе «Друг людей как трактат о населении» (1757), у Фергюсона в работе «Очерк истории гражданского общества» (1767). Основателями цивилизационного подхода как концептуального взгляда на ход истории являлись Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби. Кратко приведем их взгляды (более подробно см.: [7, 4—9, 20—22]).

Н. Данилевский (1822—1885) в работе «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германскому» (1867) выдвинул положение, что основная единица истории — обособленный культурно-исторический тип (цивилизация), проходящий стадии зарождения, возмужания, дряхления, гибели (вымирания или деградации до уровня аморфного, этнографического сырья для других культурно-исторических типов). Культурно-исторический тип формируется на основе этнической общности в процессе непрерывной борьбы со средой, с другими типами, проявляется в религиозной, культурной, политической, социально-экономической сфере (как правило, сильнее в одной из сфер). Движение истории выражается в противоборстве и взаимовытеснении культурно-исторических типов. Данилевский выделил как типы, исчерпывающие возможности своего развития, так и типы восходящего развития.

Концептуальный подход Данилевского в последующем развивали Шпенглер, Тойнби, но уже исходя из ситуации, сложившейся в XX в., и интересов Западной Европы, Великобритании.

О. Шпенглер (1880—1936) в работе «Закат Европы» (т. 1, 1918; т. 2, 1922) рассматривал цивилизацию с позиции культуры — как организм: 1) обладающий сложным единством; 2) обособленный от подобных ему организмов. Каждый культурный организм живет определенный срок, зависящий от внутреннего жизненного цикла (весна, лето, осень, зима). Умирая, культура перерождается в цивилизацию — массовое общество.

А. Тойнби (1889—1975) в своей фундаментальной работе «Постижение истории» (т. 1—12, 1934—1961) на основе критерия мимесис (подражание — черта социальной жизни, характеризующая приобщение через имитацию к социальным ценностям) выделил примитивные общества — статичные общества, где господствует авторитет предков и старейшин (большинство обществ), и цивилизации — динамичные общества, где господствуют творческие личности (первоначально насчитал 21 цивилизацию, затем сократил до 13). Резкой границы между примитивными обществами и цивилизациями нет. Цивилизации — это крупные локальные образования, состоящие из людей, имеющих устойчивую общность: географическую, религиозную, языковую. В 21-й цивилизации по степени близости и другим признакам Тойнби выделил еще несколько групп. Отечественным обществом как для православной российской цивилизации, так и для западной является эллинское. Цивилизация совершает круг движения: возникновение, рост, надлом, разложение, гибель (как правило).

Существуют различные современные теории цивилизации как совокупности общечеловеческих материально-культурных достижений.

Например, крупный американский социолог, экономист, историк XX в. У.У. Ростоу предложил теорию стадий экономического роста и выделил первоначально пять, а затем еще одну — шестую стадию. 1. Стадия традиционного общества — аграрные общества с довольно примитивной техникой, преобладанием сельского хозяйства в экономике, сословно-классовой структурой и властью крупных земельных собственников. 2. Стадия переходящего общества — общество, в котором происходит рост сельскохозяйственного производства, появляется новый вид деятельности — предпринимательство, и соответствующий ему новый тип предприимчивых людей. Складываются централизованные государства, усиливается национальное самосознание. Таким образом, созревают предпосылки для перехода общества на новую ступень развития. 3. Стадия сдвига — общества, в которых происходят промышленные революции и следом — социально-экономические и политические преобразования. 4. Стадия зрелости, когда идет научно-

техническая революция, растет значение городов и увеличивается численность городского населения. 5. Стадия эры высокого массового потребления, когда наблюдается значительный рост сферы услуг, производства товаров потребления и превращение их в основной сектор экономики. 6. Стадия качества жизни (см.: [14, 15—32]).

Цивилизационный подход акцентирует внимание на векторе единого общечеловеческого процесса изменений общества, а цивилизационный локальный (лат. — «местный») взгляд (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби) на то, что человеческая цивилизация — это суммарное многообразие, состоящее из существующих одновременно отдельных цивилизаций, выступающих в виде фракталов, элементных моментов целостного потока истории. Причем понятийно они иногда совпадают с границами государств, прежде всего это вечная китайская цивилизация, но чаще не совпадают, могут включать в себя несколько государств (западная цивилизация). С течением времени цивилизации под воздействием межцивилизационных взаимодействий, природной среды и внутренних пертурбаций изменяются. Однако их культурная основа — «ядро», хотя и модифицируется, но остается отличным по отношению к другим цивилизациям.

По Тойнби, история — нелинейный процесс, и роль отдельных цивилизаций неодинакова. Базовые цивилизации, например, шумерская, вавилонская, эллинская, китайская, индусская, исламская, христианская и др., оставив яркий след в истории человечества, косвенно повлияли и на становление последующих цивилизаций. В свою очередь, замкнутые на себя цивилизации остаются лишь преходящим реликтом. Важней движущей силой становления цивилизации является вызов извне: невыгодное географическое положение, военная агрессия, экономическое отставание. А ответ на вызов — мобилизация усилий. По мере зрелости социальные противоречия и застойные тенденции нарастают, и цивилизации гибнут.

Цивилизационный подход акцентирует внимание на личностных и культурных факторах развития общества, уникальности отдельных обществ и их народов, нивелирует сословно-классовые и экономические различия, исходит из эволюционности, цикличности хода перемен.

Мир-системный подход. Характерен для второй половины XX в., когда колониализм сменяет неоколониализм, его отличительная черта — описание планетарного мира как неоднородного целого, раскрытие факторов и динамики, эволюционирующей в пространстве и времени его целостности как сложной социально-исторической систе-

мы. Представителями этого подхода являются Ф. Бродель, А.Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Д.С. Теотониу, К. Чейз-Данн, Дж. Абу-Луход, У. Томпсон, Дж. Модельски и др. Основы подхода заложены Броделем и развиты Валлерстайном, Франком и др. Это концептуальный подход к мировой истории и социальным изменениям, который подчеркивает первичность мировой системы, а не национального государства как единицы социально-исторического анализа, и роль международного (регионального, транснационального) разделения труда, и делит мир на основные страны, страны полупериферии и страны периферии.

Есть несколько теорий мир-системного подхода, в России наиболее известна версия мир-системного анализа Валлерстайна (1930—2019). Для него это способ получения синтетического целостного знания о мировом сообществе на основе единства социологического, экономического, политического восприятия общества [3; 4]. Выступает альтернативой как теории модернизации, так и другим теоретическим школам, на которые он частично опирался, но одновременно и подвергал критики. Теория модернизации, по его мнению, делала акцент на: а) государство как единицу анализа; б) универсальность путей развития для всех стран; в) а также недооценивала роль транснациональных структур.

Своими корнями подход Валлерстайна восходит к школе Анналов (долгосрочные процессы, крупные георегионы как предмет анализа), марксистской теории (социальные, классовые противоречия, накопление капитала, смена социальных форм) и теории зависимого развития, ее двум ветвям: структуралистской для стран Латинской Америки (Р. Пребиш) и неомарксистской (П. Баран, С. Амин), которая объясняет проблемы стран «третьего мира». Соглашаясь, что капитализм порождает мировой рынок, империализм, неравномерность в развитии стран, он, однако, считает, что основные страны не используют явно бедные страны в своих интересах: во-первых, капитал эксплуатирует рабочих во всех зонах мира как в своих передовых странах, так и в развивающихся странах, выкачивая отовсюду прибавочную стоимость, а не ресурсы бедных, периферийных стран; во-вторых, капитал ориентирован на транснациональное разделение труда, а не на страновые преимущества (модели абсолютных национальных преимуществ А. Смита, сравнительных — Д. Рикардо, избыточного фактора Хекшера — Олина). Английский капитал в XIX в. эксплуатировал, например, не США, а рабов на плантациях их Юга.

По мнению латиноамериканского экономиста, бывшего президента Бразилии Ф. Кардозо, теория зависимого развития постулирует принципы: а) финансового и технологического проникновения стран ядра в страны полупериферии и периферии; б) несбалансированности экономических структур как внутри периферийного общества, так и между ними и странами ядра; в) ограниченности самодостаточности роста; г) определенного типа классового взаимодействия; д) роли государства для сглаживания противоречий, преодоления дисбалансов.

И. Валлерстайн трактует понятие «общество» как систему. Первым использовал понятие «мир-система» Франк. Валлерстайн предложил понятия «историческая система» и «современная мир-система» как ее капиталистический вариант, фактически же ввел новую концептуальную парадигму исследования как для философии истории, так и для мировой экономики, дал возможность нового ракурса их прочтения. Причем писал через дефис, подчеркивая, что это не анализ всего планетарного мира, а лишь интегрируемой капитализмом его части, в котором мир-система — и единица его частей, и один из его преходящих миров и единое целое — сгусток мира в системе и системы в планетарном мире. Система, которая является сама миром.

Подход Валлерстайна одновременно направлен против и формационного, и цивилизационного подходов, и теорий модернизации, и зависимого развития, и одновременно является попыткой их синтеза для рассмотрения мировой экономической истории.

В своей концепции мир-системного анализа (МСА) Валлерстайн раскрывает исторический процесс не как смену формаций или существование и взаимодействие цивилизаций, а как процесс становления и развития крупной интегрированной, иерархической, капиталистической мир-системы, объединяющей ее центр (страны Запада), периферию и полупериферию (страны остального мира) путем не только торговых взаимоотношений, но и производственных взаимоотношений стран. Исторические системы он не отождествляет ни с формацией, ни с цивилизацией, а рассматривает как новый вариант выделения единиц истории.

Выделим следующие ключевые моменты теоретического содержания МСА Валлерстайна.

1. «Историческая система» есть базовое понятие этой концепции. В своих работах Валлерстайн определяет систему неоднозначно: во-первых, это единица социальной реальности с единым разделением труда и множеством культур; во-вторых, она имеет границы, структуры, группы участников, правила их легитимации и координации взаи-

модействий, противоречивые силы объединения и разъединения, экспансионизм, изменяющиеся на протяжении жизни характеристики; выделение существования нескольких разновидностей мир-систем: мини-системы, мировые империи, мир-экономики, внешние области.

Мини-системы существовали на Земле и в прошлом, например вожества. Мир-империи, например, Римская, ханьский Китай — крупные бюрократические структуры с единым политическим центром и осевым разделением труда, но со множеством культур. Мир-экономика — большое осевое разделение труда со множеством политических центров и множеством культур. Внешние области — области, поддерживающие социально необходимое разделение труда и прямо не связанные с капиталистической мировой экономикой.

2. Становление мир-экономики началось в XVI в. (начиная с открытия Америки и заканчивая английской революцией 1640 г.). До XVI в. в Западной Европе преобладала феодальная экономика — она росла с середины XII по XIV в., а затем до середины XV в. переживала кризис (спад сельскохозяйственного производства, вызванный климатическими условиями, эпидемией чумы, пределами феодальной эксплуатации). И в результате начался переход европейского общества к капитализму, выход экономики за пространство, за пределы отдельных государств, формирование международного разделения труда, единой системы из трех зон: страны ядра, периферии, полупериферии. Страны ядра специализировались на капиталоемких производствах, обладали передовыми технологиями, квалифицированной рабочей силой, накопленным капиталом. Ядро эксплуатировало периферию, одновременно и тормозя ее развитие, и развивая необходимые для нее производства, и перемещалось из Европы в Северную Америку по линии сменяющихся доминирующих центров: Голландия (1620 — 1713, пик: 1620—1651), Великобритания (1815—1896, пик: 1815 —1873), США (1945—1968, пик: в эти же годы и более слабое доминирование 1990— 2000), ведущих борьбу за лидерство.

3. Трактовка возникновения современной мир-системы в МСА корреспондирует с другими подходами эволюции мировой экономики.

Современная мир-система — это продукт европейской мир-экономики, которая расширялась на основе товаризации и накопления капитала, тем самым разрушая и поглощая другие исторические системы. К концу XIX в. на планете оказалась только одна капиталистическая мир-система (существующие альтернативные мир-системы: российская, китайская — не были капиталистическими), а в XX в. окончательно оформилось ее ядро и периферия. Современная мир-система

является капиталистической и неоимперской: в ее основе лежит исторический европейский капиталистический мир, который воспроизводится в планетарном масштабе.

Полупериферия — буферная зона, между ядром и периферией, канал перехода стран (из ядра и в ядро) в системе, посредник при распределении мировой прибыли, арена борьбы и социальных изменений (страновые и социальные конфликты в процессе движения по направлению из ядра и из периферии и в противоположном направлении). Страны полупериферии, как правило, импортируют из основных стран и экспортируют в страны периферии. Полупериферия возникает в результате развития стран периферии или отставания в развитии стран ядра. Например, Испания и Португалия к концу XVIII в. История мира — это непрерывающееся соперничество стран за колониальный раздел, империалистический передел мира, неоимперский современный контроль над миром.

Доминирование на периферии дает доступ к сырью, дешевой рабочей силе, прибыль от прямых инвестиций, экспортный рынок, источник эмиграции рабочей силы.

Заметим, что К. Маркс первым пытался обосновать историческое происхождение капитала — картина и концепция «первоначального накопления капитала», и имел замысел исследовать и описать мировой рынок, имеющийся в первоначальном плане намечаемой им рукописи из шести книг, раскрывающих движение совокупного капитала. В Предисловии к работе «К критике политической экономии» он писал: «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна» [9, 5]. Фактически Маркс выделил непосредственно экономическую систему и ее среду: властную (государство) и внешнюю (мировой рынок).

И. Валлерстайн по-иному подошел к цикличности, неравномерности развития капиталистического способа производства опираясь на структуру мир-экономики, выделив четыре временных характеристики мировой системы: а) циклические ритмы (краткосрочные колебания экономики); б) вековые тенденции (более глубокие долгосрочные колебания — экономический рост, спад); в) противоречие в системе (несовпадения, расхождение краткосрочных и долгосрочных интересов);

г) кризис: накапливаемые противоречия, ведущие к сбоям, неспособности исполнять обязательства.

В целом МСА направлен на понимание и анализ организации современного мира и использует вместо линейно формационной модели разворачивания эволюции общества выдвинутую марксизмом модель единого социально-экономического пространства мира, сформировавшегося на оси исторического времени. МСА дополнил и конкретизировал логику понимания динамики и генетики мировых исторических процессов.

Страновой подход. Начиная с позднего Средневековья абстрактной и одновременно конкретной, локальной единичной формой европейского, а затем и мирового социального бытия становится реально существующее единичное социальное образование — страна, национальное государство. Государство (как страна или империя) является субъектом для организации и своей внутренней жизни, и взаимодействий с внешним миром. Страна — это защитная и скрепляющая оболочка, ограничивающая локальное социальное пространство, бытие человеческой жизни и деятельности от общемирового пространства и бытия. Страны существуют и в территориально-природном пространстве, и во времени — календарном и социальном (каждая страна имеет свой цикл жизни). Страна — это единство природной территории, населяющего ее народа, его производственно-социальной деятельности, культуры, политической власти. Понятие страны не тождественно понятию государства, последние уже характеризуют устройство власти, политический порядок страны, его международное признание.

Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств (1933) в ст. 1 закрепила следующие их признаки: постоянное население, определенная территория, правительство, способность к вступлению в отношения с другими странами, и постулировала ряд других принципов, в том числе то, что существование государства не зависит от его признания, что государство осуществляет юрисдикцию в пределах своих границ и само формирует свое внутреннее устройство.

Названные признаки современное международное право дополняет еще несколькими: наличием на территории независимой единой власти; наличием слоя лиц и институтов управления, экономического обеспечения и безопасности (органы власти, налоговая служба, полиция, армия и т. д.); наличием права принуждения и принятия законов, нормативных актов, обязательных для исполнения на всей территории. Государство наделено широким набором внешних и внутренних функций. Между собой государства различаются внутренним устройством

власти: 1) по формам правления: монархия, республика; 2) по формам внутреннего устройства: унитарное, федерация, конфедерация; 3) по политическому режиму: автократическое, олигархическое, демократическое, тоталитарное. Диалектику понимания страны и государства можно выразить формулой: нет страны без государства, нет государства без страны (исключение — Ватикан).

Государства эволюционируют: появляются, существуют, исчезают (поглощаются мирным или военным путем, погибают из-за внешних природных и внутренних социальных катаклизмов). Мир — это мозаичный фрактальный конгломерат конкретных стран (более 200), различных по многим характеристикам, но единых в своем качественном основании — наличием собственного пространства и наличием суверенитета над ним.

Исследование сути государства, форм его устройства и направлений трансформаций началось уже в Античную эпоху (Платон, Аристотель), продолжилось в Средние века и в Новое время: эпоха Просвещения, национальных и буржуазных революций (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье). Исследование ведется и в современное время (Э. Тоффлер, М. Кревельд). В наши дни налицо признаки трансформации государств, но вектор изменений не ясен: это и десакрализация и размывание государств-наций; это движение в сторону государств-корпораций, государств-супергородов, новых крупных неоимперских государств, общепланетарного надгосударства.

Будущее развитие России можно понять, лишь зная общемировые закономерности общественного развития человечества и внутренние закономерности развития конкретной страны, обладая навыками концептуального исторического познания. В этом смысле не утратило своей прагматической силы наследие К. Маркса, который пытался вывести и обосновать крах и отрицание современного для него буржуазного общества не декларативно, а научно — а именно: выстроить систему категорий хода истории и систему категорий становления, развития и отрицания капитализма. И старался создать вместо буржуазной политической экономии новую экономическую теорию в интересах пролетариата, а именно, политическую экономию трудящихся.

В процессе ее разработки Маркс, будучи последовательным в главном — отрицании буржуазного строя — теоретически допускал альтернативность форм этого процесса отрицания, а также альтернативность трактовок отдельных явлений капиталистического способа производства. В этом и заключается смысл иного Маркса, марксистского не марксизма Маркса.

В работе «Марксистский не марксизм К. Маркса» мы показали, что, будучи последовательным в главном — взгляде на ход истории как поступательной смене общественных формаций, он связывал данные изменения с производственной деятельностью человека, ведущей к универсальным формам изменений общества: от самого первого архаического (первобытнообщинного) к наиболее развитому к его времени — капиталистическому, а от него к новому, грядущему — коммунизму, но при этом допускал многовекторность достижения результата.

Соответственно общество как система, прежде всего буржуазное, представляется им как диалектическое единство базиса и надстройки, подверженное изменениям за счет действия объективных внутренних сил, присущих самой системе, а не привнесенных извне. Наделено социальными, и прежде всего экономическими законами, которые можно познать и использовать в революционной практике. Действие законов таково, что возникают именно объективная возможность и необходимость изменений в самом обществе. Наиболее полно этот замысел Маркс попытался воплотить на примере буржуазного общества и выразил в своем фундаментальном, но лично незаконченном труде «Капитал».

Помимо политической формы перехода к новому обществу через революционную диктатуру пролетариата, Маркс допускал и иной — эволюционный — путь перехода к новому обществу. О чем прямо писал в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», где указал, что, когда живой труд работников будет замещен машинным трудом, база для эксплуатации наемного труда исчезает, соответственно прибавочная стоимость стремится к нулю, и буржуазный способ эволюционно сам себя отрицает [13]. Альтернативность Маркс допускал и в форме страновой специфики построения нового общества.

Рассматривая «Капитал» как торжество немецкой экономической мысли, он прямо говорил, что его теория создана для наиболее развитых западных стран. Однако всю свою жизнь Маркс интересовался Востоком, прежде всего Индией, Китаем, Египтом, а в последние годы — Российской империей, и прямо указывал, что между Западом и Востоком существуют большие природные, культурные, исторические различия. Отсюда — включение в свою теорию азиатских производственных отношений, азиатского способа производства, которые Маркс декларировал как историческую экономическую эпоху между архаическим обществом и античным рабовладельческим, феодальным обществами, но которая не получила у него законченного осмысления. И хотя считается что термин «азиатский способ производства» упомина-

ется преимущественно у молодого Маркса, но из переписки с Верой Засулич и из других его писем видно, что этому понятию он придавал достаточно универсальное значение и считал, что данный способ присущ многим народам как Древнего Востока (Индия, Китай, Египет, Крит и др.), так и цивилизации инков, майя и в определенной степени исторической России.

Альтернативность подхода К. Маркса к историческому развитию наглядно проявилась в его переписке с В. Засулич. 16 февраля 1881 г. Засулич написала Марксу письмо, в котором просила оценить возможность перехода к социализму России, минуя развитие капиталистических отношений и разрушение русской земледельческой общины. 8 марта 1881 г. Маркс отправил краткий расплывчатый ответ, суть которого сводилась к двум положениям:

а) анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины;

б) община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она функционировала как таковая, нужно устранить тлетворное влияние, которому она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Помимо отправленного письма, у К. Маркса имелись еще три варианта более развернутых и конкретных набросков ответа, которые сохранились в его черновиках и были опубликованы в 1924 г. В них Маркс наметил возможности перехода к коллективному производству и коллективному распределению на основе эволюционного развития русской земледельческой общины. Так, в третьем наброске он сформулировал следующие положения, которые кратко изложим далее.

Во-первых, переход от феодализма к капитализму связан с экспроприацией землевладельцев, а историческая неизбежность этого процесса исследована прежде всего для Англии и ограничена странами Западной Европы, повторяющими ее путь.

Во-вторых, в данных странах шел процесс превращения одной формы частной собственности (основанной на личном труде) в другую форму частной собственности (основанной на эксплуатации чужого труда, наемного труда).

В-третьих, к России это положение не применимо — земля не является и никогда не была частной собственностью землевладельца. Из хода вещей на Западе единственный вывод — установить капиталистическое производство в России можно, лишь уничтожив общинную собственность, крестьянство, широкие народные массы, чего и желают

русские либералы. Но на Западе эти процессы замены частной и разделенной собственности многих работников на частную концентрированную собственность немногих, а именно капиталистов, шли долго и закончились. В России же, наоборот — замена коммунистической собственности собственностью капиталистической, т. е. превращение большинства народа в наемных работников. Соответственно западный прецедент ровно ничего не доказывает.

В-четвертых, в России, благодаря исключительным обстоятельствам, сельская община продолжает существовать в национальном масштабе — примерно половина национального аграрного производства — и может освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в масштабах всей страны.

В-пятых, Россия не изолирована от Запада, существует в современной исторической среде, является современником более высокой культуры и связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство. И соответственно положение русской общины отлично от положений первобытных общин Запада — она может либо погибнуть, либо получить дальнейшее развитие. И если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать теоретическую возможность подобной эволюции, можно спросить их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги, Россия должна была бы, подобно Западу, пройти через долгий инкубационный период машинного производства? Возрождение русского общества на основе сельской общины — элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя.

Парцеллярное земледелие Россия может постепенно заменить крупным земледелием с применением машин, для которых так благоприятен физический рельеф русских земель на основе земледельческой общины и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству. Но этому препятствует земельная собственность, держащая в своих руках половину, причем лучшую, земель, не считая земель государственных. Сохранение сельской общины — это лучший путь. Попытки выйти из тупика при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны, противоречат всем сельскохозяйственным условиям страны, равнозначны самоубийству. Но для того, чтобы коллективный труд мог заменить земледелие и труд парцеллярный, являющийся источником частного присвоения, нужны две вещи: экономическая по-

требность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления [1, 416—421].

Можно привести еще целый ряд положений, где Маркс допускает альтернативность. Во-первых, рассматривая капиталистическое производство, Маркс первоначально считал производство предметов потребления первым подразделением, а производство средств производства вторым подразделением, что отражало логику истории и цель самого производства, а именно потребления, но хуже улавливало специфику именно капиталистического воспроизводства. Во-вторых, рассматривая в третьем томе «Капитала» прибавочную стоимость и прибыль капиталистов, Маркс допускал, что если предприятия находятся в коллективной собственности рабочих, то прибыль поступает в их распоряжение, соответственно исчезает капиталистическая эксплуатация, и избыточный сверх необходимого труд, идет на пользу всему коллективу, тем самым допускал возможность существования рабочей собственности в недрах капиталистической системы.

В целом интересна идентификация самого К. Маркса. Имеются интересные свидетельства Ф. Энгельса о том, что в конце жизни К. Маркс повторял: «Я не марксист» (Письмо П. Лафаргу от 27.08.1890 г.). Видимо, этой своей мыслью он хотел подчеркнуть, что его учение более глубокое и требует творческого развития, а не просто вульгарного восприятия и ортодоксальной трактовки.

Как известно, история пошла своим путем — и в феврале, а затем в октябре 1917 г. в России произошли государственные перевороты, и страна начала строить социализм, а спустя сто лет произошел новый государственный переворот, и Россия стала вновь строить капитализм. Все перевороты именуется словом «революция»: первая — буржуазная, вторая — пролетарская и социалистическая, третья — либеральная и рыночная. Они кардинально изменили жизнь в стране, поставили ее на грань выживания, механизм и движущие силы их до сих пор туманны, интернациональны и отражают заграничные тени. Но при этом и имперская, царская Россия, и Советская Россия, и РФ (в меньшей степени) являлись не только страной, но одновременно и отдельной мир-системной формационной цивилизацией, своеобразным уникальным реликтом планетарного мира.

А это означает, что исследование закономерностей форм и ступеней развития обществ, мир-порядков является важнейшей задачей для общественных наук и для общественной практической деятельности, позволяет понять сложные процессы траекторий движения человечества к современной и будущей цивилизации.

Литература

1. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1. М., 1924.
2. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 128 с.
3. *Валлерстайн Э.* Миросистемный анализ. Введение. М., 2018. 304 с.
4. *Валлерстайн Э.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2018. 304 с.
5. *Зомбарт В.* Избранные работы. М., 2005. 344 с.
6. *Ковалев С.Г.* Марксистский не марксизм К. Маркса // Теоретическое наследие К. Маркса и современность: очерки к 200-летию со дня рождения. Коллективная монография / Под ред. Т.А. Селищевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018.
7. *Ковалев С.Г.* Россия как формационная цивилизация. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. 22 с.
8. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1964.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 24. М.: Госполитиздат, 1964.
10. *Маркс К.* К критике политической экономии. Собр. соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959.
11. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1964.
12. *Маркс К.* Письмо В. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1964.
13. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. М.: Госполитиздат, 1964.
14. *Ростой В.В.* Стадии экономического роста. Н.-Й., 1961. 224 с.
15. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 2019. 802 с.

References

1. *Arhiv K. Marksa i F. Engel'sa.* Kn. 1. M., 1924.
2. *Brodel' F.* Dinamika kapitalizma. Smolensk, 1993. 128 s.
3. *Vallerstajin E.* Mirosistemnyj analiz. Vvedenie. M., 2018. 304 s.
4. *Vallerstajin E.* Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya civilizaciya. M., 2018. 304 s.
5. *Zombart V.* Izbrannye raboty. M., 2005. 344 s.
6. *Kovalev S.G.* Marksistskij ne marksizm K. Marksa // Teoreticheskoe nasledie K. Marksa i sovremennost': ocherki k 200-letiyu so dnya

rozheniya. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T.A. Selishchevoj. SPb.: Izd-vo SPbGEU, 2018.

7. *Kovalev S.G.* Rossiya kak formacionnaya civilizaciya. SPb.: Izd-vo SPBUEF, 1995. 22 s.

8. *Marks K.* Kapital. T. 3 // Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* T. 25. M.: Gospolitizdat, 1964.

9. *Marks K.* Kapital. T. 2 // Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* T. 24. M.: Gospolitizdat, 1964.

10. *Marks K.* K kritike politicheskoy ekonomii. *Sobr. soch.* T. 13. M.: Gospolitizdat, 1959.

11. *Marks K.* Nabroski otveta na pis'mo V. Zasluch // Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* T. 19. M.: Gospolitizdat, 1964.

12. *Marks K.* Pis'mo V. Zasluch // Marks K., Engel' F. *Sobr. soch.* T. 19. M.: Gospolitizdat, 1964.

13. *Marks K.* Ekonomicheskie rukopisi 1857—1858 godov // Marks K., Engel's F. *Sobr. soch.* T. 46. M.: Gospolitizdat, 1964.

14. *Rostou V.V.* Stadii ekonomicheskogo rosta. N.-J., 1961. 224 s.

15. *Tojnbi A.* Postizhenie istorii. M., 2019. 802 s.

Н.Г. ЯКОВЛЕВА, А.Е ШПИЛЕВАЯ

**Э.В. Ильенков о человеке, человеческом потенциале
и образовании***

Аннотация. В статье показывается, что важнейшим драйвером не только технологического, но и социально-экономического развития в условиях креативной революции становится прогресс человеческого потенциала. В этих условиях становится как никогда актуально наследие выдающегося советского философа Э.В. Ильенкова, показавшего, что все люди от рождения обладают потенциалом креативности и только отношения отчуждения приводят к глубокой дивергенции не только качества жизни, но и индивидуальных способностей представителей разных социальных слоев общества и разных индивидов. Авторы раз-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Альтернативные парадигмы: марксистские и немарксистские отображения хода исторического процесса // *Философия хозяйства.* 2022. № 1. С. 241—252.

вивают тезис о том, что человеческий потенциал формируется в процессе всестороннего и гармоничного развития личности, в первую очередь — в сфере образования как единства обучения, воспитания. Авторы раскрывают понятие человеческого потенциал в отличие от понятия «человеческий капитал».

Ключевые слова: человеческий потенциал, социально-экономическое развитие, образование, гармоничное всестороннее развитие личности, экономика России.

Abstract. The article shows that the most important driver of not only technological, but also socio-economic development in the context of a creative revolution is the progress of human potential. In these conditions, the legacy of the outstanding Soviet philosopher E.V. Ilyenkov, who showed that all people from birth have the potential of creativity and only alienation relations lead to a deep divergence of not only the quality of life, but also the individual abilities of representatives of different social strata of society and different individuals. The authors develop the thesis that human potential is formed in the process of comprehensive and harmonious development of the individual, primarily in the field of education as a unity of teaching and upbringing. The authors reveal the concept of human potential in contrast to the concept of «human capital».

Keywords: Human potential, socio-economic development, education, harmonious all-round personal development, Russian economy.

УДК: 101.9

ББК: 87.6

Технологические и социально-экономические трансформации первых десятилетий нового века, обострение геополитэкономических конфликтов и, что еще более важно, глобальных проблем, одной из которых стала пандемия COVID-19, ставят вопрос о социальном прогрессе [6], целях и средствах развития в новую плоскость, тесно сопрягая его как никогда тесно с вопросами развития человека. Для все более широкого круга мыслителей становится очевидно, что именно развитие человека, его творческого потенциала становится главным драйвером общественного прогресса.

В этой связи становится как никогда ранее актуальным наследие Эвальда Васильевича Ильенкова — советского философа-марксиста, чьи работы второй половины XX в. стали мировым достоянием и получили высокую оценку во многих странах мира — от Северной и Юж-

ной Америки до Индии и Китая. Мы в этой статье остановимся только на одном из аспектов его многогранного наследия — теории личности и образования, сопрягая философские разработки этого автора с наиболее актуальными теоретическими и практическими вопросами социально-экономического развития современности.

Марксистская теория Человека и ее развитие Э.В. Ильенковым

В качестве исходного пункта мы напомним о ключевых положениях марксистской теории личности, которые станут основанием для наших выводов о роли человеческого потенциала и образования как важнейшего фактора его развития.

Человек есть ансамбль общественных отношений — этот вывод Маркса [16] является одним из фундаментальных. В различных социумах, для которых характерны разные «ансамбли» (используем выражение Маркса) социально-экономических, политических и идейных отношений, складываются особые социальные типы личности — человек патриархальный, человек экономический (*homo economicus*) и даже особый «человек советский» (*homo soveticus*), портрет которого блестяще обрисовал А. Зиновьев [9]. Соответственно, этот человек имеет различные ценности и мотивы поведения и деятельности и по-разному включается в социально-экономические взаимодействия и в трудовой процесс, которые, в свою очередь, требуют от него разных личностных качеств.

Ручной труд, натуральное хозяйство и личная зависимость в купе с доминированием религии в духовной жизни воспроизводят человека, потенциал которого сводится к способности следования узкому набору традиций и внеэкономическому подчинению обусловленных функций, не предполагающих овладения даже началами грамотности (за исключением узкого слоя духовенства и, в меньшей степени, аристократии).

Система машин (индустрия), рынок и капитал обуславливают развитие человека, являющегося придатком машины, жестко подчиненного разделению труда, денежному и товарному фетишизму — если мы говорим о большинстве членов общества, о наемных работниках, и человека, являющегося функцией самовозрастающей стоимости (капитала), если мы говорим о меньшинстве, принадлежащем к классу буржуа.

Научно-техническая революция XX в. и последующее развитие производительных сил, для которых характерно доминирование технологий 5-го, а в последнее время — 6-го уклада [15], социальное реформирование позднего капитализма [4] обуславливают объективную вос-

требованность все более активного развития креативного потенциала человека, следствием чего становится формирование так называемого «креативного класса», включающего до трети работников в наиболее развитых странах [21; 5].

Так в современных условиях вызревает объективная необходимость в развитии не просто некоторых профессиональных качеств работника, подчиненного системе общественного разделения труда, но гармонично и всесторонне развивающейся личности, обладающей все более высоким (постоянно возвышающимся) творческим потенциалом.

Здесь, безусловно, возникает новый вопрос: а может ли каждый человек стать личностью, для которой характерно гармоничное всестороннее развитие (подчеркнем: речь идет о процессе всестороннего развития, бесконечном процессе!)? Не станет ли препятствием на этом пути различие природных способностей разных индивидов? Посмотрим, что пишет по этому поводу Э.В. Ильенков: «...кое-кому такая перспектива (перспектива всестороннего гармоничного развития личности. — *Н.Я., А.Ш.*) представляется утопической. Всех и каждого-де умным не сделаешь, как ни бейся. Все равно, мол, одни от природы одарены способностью (и потребностью) овладеть тем богатством, которое накоплено человечеством, а другие — от природы же — обречены на существование в качестве “бездарных репродуктивов”... Так думают очень многие, даже высокообразованные мужчины» [12]. И ученый дает ответ на этот вопрос: «Коммунизм... строит свои планы не на утопических мечтаниях, как бы благородны и красивы они ни были, а на выводах самой строгой науки. В частности, на результатах психологии, опирающейся на фактические данные многолетних экспериментальных исследований» [12].

Здесь требуется пояснение: к сожалению, сегодня немногие знают, что речь в данном случае идет о многолетних практиках (и исследованиях этих практик) по формированию и развитию личности слепоглухонемых детей. Социализация, труд, коллективизм и солидарность позволили этим детям, максимально физиологически обделенным природой, становиться развитыми в личностном отношении членами общества. Несколько историй по формированию и развитию личности некоторых детей из экспериментальной группы описаны Э.В. Ильенковым [12].

Но эта обусловленность человеческих качеств системой общественных отношений — одна сторона бытия человека как социального феномена (от биологической стороны мы в данном тексте абстрагируемся). Другая его сторона — качество человека как творца истории,

актера, способного сознательно творить не только феномены материальной и духовной культуры, но и новые общественные формы, институты. Естественно, мы в данном случае говорим о человеке как «родовом существе».

Человек, человеческий потенциал и «человеческий капитал»

Развитие Э.В. Ильенковым марксистское понимание человека и возможностей его гармоничного всестороннего развития прямо связано с формированием креативного потенциала человека. Собственно такое развитие личности и есть ничто иное как формирование творческого потенциала Человека — его практически реализуемой (а иначе креативный потенциал не существует; его «наличное бытие» есть практика — творческая деятельность) способности к созиданию мира культуры (последнюю Э.В. Ильенков понимал как мир идеального [13, 219—227]).

Такая личность, как пишет Ильенков, становится персонификацией социального прогресса, «ибо смысл его как раз и состоит в расширении сферы творческой деятельности каждого человека, а не в сохранении ее границ в пределах привилегии немногих “избранных”» [11, 358].

Сказанное позволяет определить человеческий потенциал (в рамках марксистской парадигмы) как сложный феномен, включающий в обществах, основанных на репродуктивном труде и отчуждении человека, в частности, в индустриальной рыночно-капиталистической системе, как, с одной стороны, способность к труду (рабочую силу) и к включению в отчужденные общественные отношения (отношения рыночного обмена и их производные); с другой стороны, как способность изменять эти отношения в процессе творчества (в частности, в процессе социального творчества, трансформирующего отношения рынка и капитала в формы, переходные к новому обществу). В той же мере, в какой человек включается в пространство свободного со-творчества, его человеческий потенциал становится выражением определенной меры свободного гармоничного развития его личности и реализуется в процессе творческой деятельности этого человека.

Сохранение отчужденных отношений рынка и капитала в условиях позднего капитализма [28; 29] и массового развития творческой по своему содержанию деятельности (формирование и рост так называемого «креативного класса») приводит к формированию отчужденной формы творческого потенциала человека — «человеческого капитала». Последний становится способом капиталистического по форме исполь-

зования творческого потенциала человека, позволяющим превращать деятельность, создающую всеобщие культурные блага (творчество), в механизм самовозрастания стоимости. Последнее («человеческий капитал» как отчужденная форма функционирования творческого потенциала человека) оказывает мощное обратное влияние на содержание — на творческий потенциал человека. Последний вырождается в набор качеств (так называемых «компетенций») высокопрофессионального специалиста. Это, в свою очередь, приводит к трансформации всестороннего и гармонично развивающегося в пространстве позитивной свободы человека в «профессионала», подчиненного рыночно-капиталистической системе. Данную отчужденную форму собственников «человеческого капитала» адекватно (но именно и только как форму, причем не фиксируя ее отчужденного содержания) описывают теоретики «общества профессионалов» [14].

Мы не будем далее углубляться в эту материю¹ (и перейдем к проблеме образования как фактора про(ре)гресса человеческого потенциала в условиях позднего капитализма, активно опираясь на видение содержания последнего в работах Э.В. Ильенкова.

Образование как фактор про(ре)гресса человеческого потенциала в условиях позднего капитализма

Охарактеризованные выше процессы возрастания роли человеческого потенциала как драйвера социально-экономического развития обуславливают необходимость самого пристального внимания к сфере образования, ибо в этом пространстве в первую очередь происходит формирование творческого потенциала человека.

Для того, чтобы раскрыть особую роль образования в этом развитии, нам придется обратиться к неслучайно раскрытому выше с опорой на работы Э.В. Ильенкова пониманию личности. Диалектика социального бытия человека обуславливает и диалектику образования в его взаимосвязи с развитием общественных отношений.

С одной стороны, всякая система образования является продуктом господствующих общественных отношений. Но, с другой стороны, определенная система образования может выступать и выступает в определенных случаях как акселератор социального прогресса, а в дру-

¹ Политико-экономический анализ соотношения категорий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» см. так же в работах В.Н. Черковца [22], А.О. Вереникина [7; 8], А.В. Бузгалина [2; 3], И.В. Соболевой [19], О.И. Иванова [10].

гих как акселератор социального регресса. О первой стороне этого взаимодействия, акцентируя роль общественного разделения труда, Э.В. Ильенков писал: «Поэтому-то каждая система разделения общественного труда всегда и создает, и формирует соответствующую своим нуждам систему воспитания, систему образования, которая и производит, в общем и целом именно таких людей, какие нужны данному обществу, и именно в таких пропорциях, какие устанавливаются в ходе совокупного производства» [12].

Вторая сторона этого процесса рассматривается реже. Одна из авторов данного текста [23; 24] ранее специально подробно остановилась на данной проблеме, показав, что в пространстве социального отчуждения образование может быть системой отношений, которые способствуют социальному прогрессу, а может и, напротив, тормозить его.

Последнее, в частности, характерно для неолиберальной формы позднего капитализма, когда образование оказывается включено в процессы маркетизации и бюрократизации. Первые обуславливают формирование целей, ценностей и способов деятельности акторов образовательного процесса (учащихся, родителей, преподавателей, образовательных организаций, органов управления образованием и др.), подчиненных законам рыночной экономики, причем рыночной экономике эпохи господства корпоративного капитала (последнее обуславливает развитие маркетизации в коммерциализацию и, далее, финансиализацию образования) [1; 17; 20; 23; 27].

В результате происходят глубокие трансформации не только в социально-экономических формах образовательного процесса, но и в содержании образования.

Изменение форм приводит к тому, что:

- ориентация учеников в процессе образования детерминирована не их личностными предпочтениями и социальной ответственностью, а конъюнктурой рынка рабочей силы и «человеческого капитала»;
- преподаватели всех уровней превращаются в персонификацию опять же «человеческого капитала» в лучшем случае, в воспроизводящих репродуктивные функции образовательной деятельности наемных работников — в худшем;
- образовательные организации и органы управления образованием нацеливают весь образовательный процесс на достижение коммерческих результатов и т. п.

Эти трансформации дополняются бюрократизацией и — как новейшее явление — финансиализацией образования. Последние подчиняют образовательный процесс уже не только рыночной конъюнктуре, но и бюрократическому диктату государства и менеджеров в образовательных организациях, с одной стороны, законам накопления финансового капитала — с другой.

Однако образование в XXI в. может быть и акселератором социально-экономического развития, если оно развивается по пути образования для всех и через всю жизнь [18]. Основные блоки такого развития также были показаны нами ранее [25]. Они включают:

- ориентацию образования на гармоничное и всестороннее развитие личности во всех возрастах и социальных группах, а не только формирование профессиональных качеств носителя рабочей силы или «человеческого капитала»;
- обеспечение реальной общедоступности образования через всю жизнь как общественного блага на основе его бесплатности для ученика;
- эгалитарной модели образования, делающей доступным для всех социальных групп и регионов качественное образование через всю жизнь, в том числе за счет социальных стипендий и др.;
- демократической модели образования, предполагающей развитие самоуправления в образовательных организациях и активное участие образовательного сообщества в выработке и реализации образовательной политики.

В случае реализации социально-ориентированной траектории образование становится важнейшим фактором прогресса не только экономики и общества, но и человека, ибо только преодоление отчуждения, разотчуждение общественных отношений создают пространство для формирования личности человека, для потенциала его гармоничного всестороннего развития, о котором столь вдохновенно и теоретически-выверенно писал Э.В. Ильенков: «Хотите, чтобы человек стал личностью? Тогда поставьте его с самого начала — с детства — в такие взаимоотношения с другим человеком (со всеми другими людьми), в которых он не только мог бы, но и вынужден был бы стать личностью» [11, 358].

Литература

1. Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 224 с.

2. Бузгалин А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20—31.
3. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43—53.
4. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10—39.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к преркариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18—28.
6. Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс—XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вест. Моск. унта. Сер. 7. Философия. 2018. №. 5. С. 73—84.
7. Вереникин А.О. Человеческий потенциал экономического развития. Дис. ... докт. экон. н.: 08.00.01. М., 2005. 335 с.
8. Вереникин А.О., Вереникина А.Ю. Человеческий потенциал: фетишизм капиталистических отношений. М.: РУСАЙНС, 2021. 100 с.
9. Зиновьев А. Гомо советикус. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982.
10. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013. 336 с.
11. Ильенков Э.В. В каком пространстве существует личность? // С чего начинается личность / Под ред. Р.И. Косолапова. М.: Политиздат, 1984.
12. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
13. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
14. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: «Academia», «Наука», 1998. 640 с.
15. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. № 5. С. 793—804.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974. 265 с.
17. Осипов А.М. «Троянские кони» неоллиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 136—146.

18. *Смолин О.Г.* Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд. М.: ИКЦ «Академкнига», 2014. 1120 с.
19. *Соболева И.В.* Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2010. № 9.
20. *Урюмова А.А.* Маркетизация образования: плюсы и минусы // Профессиональное образование. Столица. 2013. № 5. С. 20—21.
21. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005. 430 с.
22. Человеческий капитал и образование / Под ред. В.Н. Черковца, Е.Н. Жильцова, Р.Т. Зяблюк. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009. 324 с.
23. *Яковлева Н.Г.* Маркетизация образования в эпоху капитализма: к постановке проблемы // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: материалы 4-й Междунар. науч. конф. памяти акад. А.И. Татаркина 25—26 нояб. Челябинск, 2020. С. 154—157.
24. *Яковлева Н.Г.* Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 6. С. 45—62.
25. *Яковлева Н.Г.* Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 183—197.
26. *Яковлева Н.Г.* Роль образования в прогрессе человека и общества // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2020. № 5. С. 81—91.
27. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104—114.
28. *Jameson F.* Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1991.
29. *Mandel E.* Late Capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1987.

References

1. *Bok D.* Universitety v usloviyah rynka. Kommercializaciya vysshego obrazovaniya. M.: NIU VSHE, 2012. 224 s.
2. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ekonomika: pochemu i kak mozhet byt' ogranichena chastnaya intellektual'naya sobstvennost' // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 20—31.

3. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 43—53.
4. *Buzgalin A.V.* Pozdnij kapitalizm i ego predely: dialektika proizvoditel'nyh sil i proizvodstvennyh otnoshenij // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2018. № 2. S. 10—39.
5. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 18—28.
6. *Bulavka-Buzgalina L.A.* Marks—XXI. Social'nyj progress i ego cena: Dialektika otchuzhdeniya i razotchuzhdeniya // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 2018. № 5. S. 73—84.
7. *Verenikin A.O.* CHelovecheskij potencial ekonomicheskogo razvitiya. Dis. ... dokt. ekon. n.: 08.00.01. M., 2005. 335 s.
8. *Verenikin A.O., Verenikina A.YU.* CHelovecheskij potencial: fetishizm kapitalisticheskikh otnoshenij. M.: RUSAJNS, 2021. 100 s.
9. *Zinov'ev A.* Gomo soveticus. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982.
10. *Ivanov O.I.* CHelovecheskij potencial (formirovanie, razvitie, ispol'zovanie). SPb.: Skifiya-print, 2013. 336 s.
11. *Il'enkov E.V.* V kakom prostranstve sushchestvuet lichnost'? // S chego nachinaetsya lichnost' / Pod red. R.I. Kosolapova. M.: Politizdat, 1984.
12. *Il'enkov E.V.* Filosofiya i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s.
13. *Il'enkov E.V.* Ideal'noe // Filosofskaya enciklopediya. T. 2. M., 1962.
14. *Inozemcev V.L.* Za predelami ekonomicheskogo obshchestva. M.: «Academia», «Nauka», 1998. 640 s.
15. *L'vov D.S., Glaz'ev S.YU.* Teoreticheskie i prikladnye aspekty upravleniya NTP // Ekonomika i matematicheskie metody. 1986. T. 22. № 5. S. 793—804.
16. *Marks K., Engel's F.* Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 42. M.: Gospolitizdat, 1974. 265 s.
17. *Osipov A.M.* «Troyanskije koni» neoliberalizma v obrazovanii // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 8. S. 136—146.
18. *Smolin O.G.* Obrazovanie — dlya vsekh: Filosofiya. Ekonomika. Politika. Zakonodatel'stvo. 2-e izd. M.: IKC «Akademkniga», 2014. 1120 s.
19. *Soboleva I.V.* Paradoksy izmereniya chelovecheskogo kapitala // Voprosy ekonomiki. 2010. № 9.

20. *Ugryumova A.A.* Marketizaciya obrazovaniya: plyusy i minusy // Professional'noe obrazovanie. Stolica. 2013. № 5. S. 20—21.
21. *Florida R.* Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. M.: Klassika XXI, 2005. 430 s.
22. *CHelovecheskij kapital i obrazovanie* / Pod red. V.N. *CHerko-vecu*, E.N. *ZHil'cova*, R.T. *Zyablyuk*. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU, TEIS, 2009. 324 s.
23. *Yakovleva N.G.* Marketizaciya obrazovaniya v epohu kapitalizma: k postanovke problemy // Konkurentosposobnost' i razvitie social'no-ekonomicheskikh sistem: materialy 4-j Mezhdunar. nauch. konf. pamyati akad. A.I. *Tatarkina* 25—26 noyab. *CHelyabinsk*, 2020. S. 154—157.
24. *Yakovleva N.G.* Protivorechiya obrazovaniya HKHI veka: vzglyad skvoz' prizmu marksistskoj metodologii // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 7. *Filosofiya*. 2018. № 6. S. 45—62.
25. *Yakovleva N.G.* Protivorechiya transformacii i genezis social'no-orientirovannoj modeli obrazovaniya (politiko-ekonomicheskij podhod) // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2021. № 3. S. 183—197.
26. *Yakovleva N.G.* Rol' obrazovaniya v progresse cheloveka i obshchestva // Vest. Mosk. un-ta. Ser. 7. *Filosofiya*. 2020. № 5. S. 81—91.
27. *Yakovleva N.G.* Social'nye posledstviya finansializacii obrazovaniya // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2019. № 12. S. 104—114.

Т.С. СУХИНА

**Изменение социально-трудовых отношений
в условиях цифровизации***

Аннотация. В статье исследуются изменения социально-трудовых отношений, происходящие в условиях цифровизации. Выявляются взаимосвязи развития цифровых технологий и появления новых форм социально-трудовых отношений. Определяются особенности и риски, обусловленные переходом к новым формам занятости, в том

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00835.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Изменение социально-трудовых отношений в условиях цифровизации // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 252—262.

числе платформенной занятости. На примере исследования новых форм занятости показано, что занятость не только реализуется при помощи цифровых технологий, но часто теряет свою реальную полезность для общества. Прослеживается тенденция роста социальной незащищенности и уязвимости современного человека, в основе которой новая парадигма занятости. Рассматривается широкий спектр вызовов, которые возникают в обществе, в сфере труда и занятости под влиянием повсеместного расширения применения цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, социально-трудовые отношения, труд, занятость, фриланс, платформенная занятость.

Abstract. The article examines shifts in social and labor relations taking place under digitalization. Correlations between the development of digital technologies and the emergence of new forms of social and labor relations are revealed. The features and risks associated with the transition to new forms of employment, including platform employment, are determined. Using the example of a new forms of employment study, it is shown that employment is not only implemented with the help of digital technologies, but often loses its real usefulness for society. There is a growth trend in social insecurity and vulnerability of a modern person, based on a new paradigm of employment. A wide range of challenges is considered, that arise in society in the sphere of labor and employment under the influence of the widespread expansion of the use of digital technologies.

Keywords: digitalization, digital transformation, social and labor relations, labor, employment, freelance, platform employment.

УДК 159.9.01; 316; 331
ББК 87.6

За последние два года в условиях пандемии COVID-19 скорость цифровизации всех сфер общественно-экономической жизни резко выросла, пандемия послужила катализатором развития и всестороннего применения цифровых технологий. Цифровизация — это постоянная интеграция цифровых технологий и оцифрованных данных в экономике и обществе. Цифровая трансформация оказывает влияние на все аспекты нашей жизни, включая работу, ее содержание, ее организацию и дизайн, а также ее регулирование и защиту, неизбежно изменяя общественное устройство, его социальную структуру, формирует новую ценностную парадигму, мышление и поведение. Предлагая обществу

новые возможности и решения, новые технологии создают серьезные социальные и культурные риски, которые необходимо учитывать при их внедрении в различные сферы жизни человека и общества.

Изменение форм взаимодействия экономических субъектов под влиянием процессов цифровизации приводит к преобразованию всего современного общественного устройства. С одной стороны, происходит значительное сокращение спроса на труд, а с другой стороны, изменяется не только характер самого труда и занятости, но происходят изменения сущности социальных взаимодействий в сфере труда, неизбежно приводящие к изменениям в обществе в целом. Меняется содержание таких привычных категорий, как «собственность», «предпринимательство», «занятость», «труд» [7].

В результате научно-технического прогресса значительное сокращение спроса на труд отмечается во всех сферах: в реальном производстве, в сфере обслуживания, в интеллектуальных видах деятельности. Наиболее выражено сокращение спроса на труд средней квалификации, с которым все более успешно справляются компьютерные алгоритмы, меньше всего этот процесс затрагивает спрос на самый высококвалифицированный труд [10].

Согласно ежегодному исследованию Microsoft «Work Trend Index 2021» [12], в котором приняли участие более 30 000 человек из 31 страны, можно сделать вывод об ускорении развития тенденции исчезновения традиционных рабочих мест. По результатам опроса, 73% опрошенных работников предпочитают гибкий формат работы, количество объявлений об удаленной работе выросло за последний год почти в 5 раз, более 40% работников во всем мире хотели бы поменять работодателя в этом году, а 46% планируют переезд, поскольку могут теперь работать удаленно.

За время пандемии и перехода на удаленную работу руководители компаний утратили общий язык с подчиненными, 37% сотрудников считают, что их компании слишком многого требуют от них, каждый пятый считает, что работодатель не заботится об их балансе между работой и личной жизнью. 54% чувствуют себя перегруженными работой, еще 39% чувствуют себя истощенными [12].

На формирование новой социальной структуры «цифрового» общества значительное влияние оказывает рост незанятости или непостоянной, неустойчивой, низкооплачиваемой занятости, без привычных социальных гарантий, причем прекаризация все больше затрагивает людей с высшим образованием. Цифровизация и всеохватывающий рост сферы услуг создали спрос на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые профессии в сегменте «белых воротничков».

Изменилась роль образования в устройстве трудовой жизни человека. Еще в конце XX в. человек со средним образованием менял сферу профессиональной деятельности несколько раз в жизни, то теперь иногда приходится менять сферу приложения своего труда несколько раз в день и развивать креативность в направлении изобретения новых способов заработка, как правило дискретного, нестабильного и невысокооплачиваемого.

В реальности сфера труда как основополагающий вид человеческой деятельности переформируется под угрозой современной высокотехнологичной экономики. Для профессиональной социализации и востребованности на современном рынке труда человеку становится важно получить очень качественное — элитарное — профессиональное образование. При отсутствии такого образования вполне вероятна необходимость в течение всей жизни проходить переобучение и переквалификацию по совершенно различным даже не профессиям, а наборам компетенций и быть готовым браться за любую разовую работу, даже не требующую высокой квалификации. «Сегодня растет понимание того, что главным условием наличия работы становится готовность постоянно обучаться, приобретать новые навыки и компетенции, менять место работы» [6].

Временные контракты становятся привлекательными и для компаний, поскольку в определенных случаях им выгоднее нанимать высококвалифицированных сотрудников на временные проекты, а не приглашать на постоянный контракт без стабильного потока задач, и для сотрудников, которым это позволяет работать сразу на нескольких проектах, совмещать разные профессии и самостоятельно распределять свое время. Цифровая трансформация бизнеса способствует росту спроса на проектных работников. Уже сейчас в России около трети компаний используют труд фрилансеров, доля компаний, считающих привлечение фрилансеров более рентабельным вариантом найма, за последние три года увеличилась с 39% до 80% [11].

Больше всего фрилансеров в сфере информационных технологий, образования, маркетинга и дизайна, специалистов в области интернет-продвижения, копирайтеров, фотографов, причем большинство из них никак не оформляет свою деятельность — отчасти, чтобы сэкономить на налогах, а главное — потому что это мало что меняет в их отношениях с государством. Тем не менее, в 2021 г. количество официально зарегистрированных самозанятых граждан, применяющих специальный налоговый режим, выросло в три раза и достигло 3 500 000 человек [4].

Результаты опроса, проведенного Национальной гильдией фрилансеров (НГФ) среди более 1500 человек, показывают, что «64% опрошенных имеют высшее или незаконченное высшее образование. Для большинства (43%) опрошенных фриланс является основным видом занятости, для 41% — одним из нескольких источников дохода, и для 17% — разовой подработкой. Большинство (65%) из них — в возрасте от 18 до 34 лет. 70% опрошенных фрилансеров зарабатывают до 30 000 рублей в месяц, 14% — от 30 000 до 50 000 рублей, 16% — больше 50 000 рублей ежемесячно» [4]. Для большинства респондентов отсутствие социальных гарантий — «социального страхования, в том числе оплаты отпуска, медицинских расходов (50%), отсутствие пенсионного страхования (37%), также непонимание самой сути налога на профессиональный доход (11%)» — является препятствием для оформления официального статуса самозанятого [4].

За последние годы произошло существенное ускорение процесса превращения занятости в деятельность «по запросу», которую мы по инерции продолжаем называть профессиональной [6]. К «занятости по запросу» Международная организация труда (МОТ) в первую очередь относит платформенную занятость, которую Европейский фонд по улучшению условий труда и жизни (Eurofound) рассматривает как новую форму занятости, порожденную цифровой революцией [1].

Процессы цифровизации и платформизации экономики способствуют, с одной стороны, меньшей привязанности работы к пространству и времени, большей автономии работников, формированию более гибкого и удобного графика, ослаблению контроля за процессом выполнения работы со стороны работодателя, но, с другой стороны, побуждают компании осуществлять мониторинг работы сотрудников при помощи веб-камер и электронных бейджей, что, в свою очередь, может оказывать негативное влияние на работников, их здоровье и психологический комфорт. По результатам исследования Еврофонда, слишком интенсивный мониторинг сотрудников, работающих удаленно, может оказывать негативное влияние на работников, поскольку препятствует творчеству и независимому мышлению, ограничивает автономию, порождает стресс и подрывает доверие к руководству. В условиях удаленной работы гибкий график может как способствовать балансу между работой и личной жизнью, так и стать источником постоянного напряжения, связанного с ощущением, что ты постоянно находишься на связи и вынужден работать в любой момент времени. На оцифрованном удаленном рабочем месте, как правило, труднее различить рабочее и нерабочее время. Появился даже термин «увеличение пропускной способности по времени» [13].

Таким образом, возникает неопределенность в отношении границ вмешательства работодателя в личную жизнь работников, в установлении грани между работой и отдыхом, в утверждении права работников на отключение — право не отвечать на любые обращения, связанные с работой, во внерабочее время. В некоторых странах уже приняты попытки урегулировать эти вопросы законодательно, например, во Франции еще в 2016 г. принят Закон о труде, в котором одна из глав, названная «Адаптация трудового права к цифровой эпохе», предусматривает право работника на отключение от цифровых устройств (телефона, электронной почты) в целях соблюдения его времени отдыха, а также частной и семейной жизни [8, 9]. Под влиянием пандемии это становится стандартом: «право работников на отключение», позволяющее работникам игнорировать рабочие вопросы в нерабочее время, теперь законодательно закреплено в Германии, Франции, Италии, Испании и Бельгии.

Регулирование трудового статуса платформенных занятых стало актуальной проблемой в большинстве стран мира. В России этот вопрос пока остается нерешенным, численность такого рода занятых можно оценить только приблизительно: от 2 до 5 млн человек. Результаты опроса, проведенного Центром стратегических разработок, показывают, что значительная часть (46%) работают как самозанятые по договору гражданско-правового характера, почти треть (29%) — по трудовому договору. К главным плюсам платформенной занятости большинство относят возможность самостоятельно выбирать проекты и задачи (46%), управлять рабочей нагрузкой (46%) и работать удаленно (37%), а к основным недостаткам — сложность процедуры регистрации на платформе (31%), отсутствие социальных льгот (20%) и переработки (17%). Наиболее востребованными среди мер поддержки, по оценкам респондентов, могли бы стать оплачиваемый отпуск, декретный отпуск и медицинская страховка [5].

Характерным трендом становится рост незанятости или некачественной, не совсем полноценной занятости, которая часто не только становится виртуальной или реализуется при помощи цифровых технологий, но и все в более значительной мере теряет реальную полезность для общества. Все более широкое распространение приобретает *маннмейкинг* — этим уже устоявшимся термином обозначают процесс зарабатывания денег в интернете различными способами. От фриланса маннмейкинг отличается именно онлайн-направленностью заработка, а от обычного бизнеса — ориентированностью на частных лиц.

Считается, что для того, чтобы зарабатывать деньги онлайн, необходимо иметь наличие свободного времени и доступ в интернет.

Все остальное зависит от выбранной ниши и способа заработка, а также от уровня знаний и навыков, предприимчивости и полета фантазии. *Копирайтинг* — это работа над созданием текстового контента под нужды бизнеса, заработок обычно зависит от количества знаков в тексте, для новичков существуют специальные биржи контента, на которых они могут выставлять готовые статьи, либо искать заказчика для наполнения сайтов контентом. *Инфобизнес* позволяет зарабатывать на упаковывании и распространении информации — обучающих программ, вебинаров, онлайн-курсов или печатных материалов, причем можно продавать не только свои знания, но и упаковывать знания и навыки других людей. *Блоггинг* позволяет зарабатывать владельцу собственного блога, раскрученной страницы в одной из социальных сетей или авторитетного аккаунта в рамках какого-либо форума посредством размещения рекламы. Владельцы собственных сайтов могут зарабатывать деньги на размещении ссылок. *Трейдинг* основан на извлечении прибыли из различных форм интернет-торговли — операциях с ценными бумагами, торговле на валютных и товарных рынках и т. д.

Заработок манимейкера может быть вполне добропорядочным, если другая сторона в достаточной мере отдает себе отчет, за что платит деньги, а может быть устроен по принципу пирамиды, когда участник получает деньги за активное привлечение других людей к какому-либо товару или услуге. Важно отметить, что в условиях высокой конкуренции реального успеха добиваются единицы.

Все возрастающий уровень проникновения интернета в нашу повседневную жизнь, распространение нестандартных форм занятости (удаленная работа, фриланс и т. д.) и самозанятости способствуют обострению проблемы «работающих бедных» — людей, чей доход ниже 60% национального медианного уровня. Трансформация рынка труда, связанная с цифровизацией — работа неполный рабочий день, наличие временного контракта или самозанятость — способствует прекаризации работающих и все более широкому распространению рисков бедности при наличии работы. Отчетливая тенденция роста спроса на более высококвалифицированные профессии неизбежно требует инвестиций в образование на протяжении всей жизни, чтобы помочь людям получить более высокооплачиваемую работу и в долгосрочной перспективе сократить бедность среди работающего населения [1].

Другим типичным трендом становится значительное увеличение формальной, бюрократической работы, ориентированной на формализацию результатов труда, с целью дальнейшего статистического и аналитического учета при помощи «цифровых» алгоритмов. Бюрократический аппарат, который, казалось бы, должен сокращаться благодаря

развитию технологий, наоборот растет и для обоснования своей необходимости требует все больше и больше документов и формуляров. Оценка и соответственно оплата работы специалистов все меньше зависят непосредственно от качества их работы, а значительно больше — от объема выполняемых «бредовых» заданий (заполнения бумаг, соответствия формальным показателям и т. д.), так что сама работа начинает выглядеть неоплачиваемым приложением к административной деятельности, а точнее ее видимости. Этим обременены врачи, учителя, преподаватели, инженеры. Количество бюрократической отчетности настолько быстро растет, что она может «задушить самый полезный для общества труд» [3].

Становится очевидным, что стремление к росту материального потребления, установка на крайний индивидуализм и личную свободу человека, привычно воспринимаемые как цель и смысл социального прогресса, оказались, в некотором роде ловушкой и для человека, и для общества [6]. Ценность человеческого труда как основополагающего смыслообразующего стимула существования и развития человеческого общества постепенно утрачивается. На первый план выходит вопрос о предназначении человека, ведь для многих оно неразрывно связано с работой, с самореализацией через профессию.

Трудно переоценить значение труда и занятости как для каждого человека, так и для общества в целом. Выполняя важнейшую роль источника и средства обеспечения необходимого дохода, статуса и образа жизни, труд и занятость оказывают непосредственное влияние не только на формирование личности человека, но и на все общество. Вполне вероятно, что перемены, происходящие под влиянием цифровизации, могут привести к тому, что устройство нового общества будет серьезно отличаться от наших представлений о нем.

Трансформируясь под влиянием цифровизации, занятость теряет уже ставшую привычной и обязательной социальную составляющую в виде постоянного контракта и страхования рисков. Серьезное влияние на вектор общественных перемен оказывает сложившаяся в индустриальную эпоху зависимость людей от социальной политики. Если раньше риски, связанные с заботой о здоровье, профессиональном росте и обучении, старости и нетрудоспособности ложились на самого человека, то в XX в. они во многом стали предметом общественной ответственности [6].

Таким образом, прослеживается тенденция роста манипулируемости современным человеком, его уязвимости, в основе которой лежит новая парадигма занятости. Парадоксальным образом благодаря цифровым технологиям получают развитие тенденции деградации со-

циальных институтов, деградации структуры экономики, деградации качества человеческого труда.

Возможности, открывающиеся благодаря стремительному развитию технологий, наряду с восхищением, вызывают страх перед неизбежностью цифровой эпохи и ролью, уготованной в ней Человеку. Смогут ли люди, как раньше, управлять своей жизнью в ближайшем будущем или попадут в цифровое рабство? Как сделать IT инструментом защиты человека, а не средством контроля над его жизнью и деятельностью? Насколько пересекаются риски цифровой экономики для людей и компаний? Где баланс между преимуществами цифрового развития и его угрозами? В поиске ответов на эти вопросы становится все более понятно, что цифровизация способна стать не только решением множества проблем, но и их катализатором.

Литература

1. *Бобков В. Н., Черных Е. А.* Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6—15.
2. *Вершинина И.А.* Работающие бедные в современном мире // Глобальные риски цифровой эпохи и образы будущего: Материалы IV Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 4—5 апреля 2019 г.). Т. 2. 2019. С. 12—21.
3. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
4. Исследование: Фрилансер 2021. Цифры уходящего года: [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----8sbgbfirbb0aezowfo9bxbjnc.xn--p1ai/post/issledovanie-frilanser-2021-cifry-uhodyaschego-goda-22> (дата обращения 15.12.2021).
5. *Мануйлова А.* Платформенные работники хотят льгот // Коммерсантъ. 2021. 1 окт. № 178 (7140): [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5009303> (дата обращения 15.12.2021).
6. *Садовая Е.С.* Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 6—20.
7. *Сухина Т.С.* Влияние цифровизации жизни на процесс социокультурных трансформаций // Цифровизация и бытие / Под ред. Ю.М. Осипова, М.И. Лугачева, Т.С. Сухиной, Т.Н. Юдиной. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 135—142.
8. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5—17.

9. *Томашевский К.Л.* Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 2. С. 398—413.

10. Цифровые дивиденды. Доклад Всемирного банка. 2016: [Электронный ресурс]. URL: 210671RuSum.pdf.

11. *Шинкаренко П.* Почему в будущем фрилансеров в России станет еще больше: [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60a525319a7947477891282e> (дата обращения: 16.12.2021).

12. Work Trend Index 2021: Microsoft представила анализ итогов года удаленной работы — Новости и истории Microsoft | Информация для прессы: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-work-trend-index-2021/> (дата обращения: 15.12.2021).

13. Eurofound (2021), The digital age: Implications of automation, digitisation and platforms for work and employment, Challenges and prospects in the EU series, Publications Office of the European Union, Luxembourg: [Электронный ресурс]. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef21007en.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

References

1. *Bobkov V. N., CHernyh E. A.* Platformennaya zanyatost': masshtaby i priznaki neustojchivosti // Mir novoj ekonomiki. 2020. № 14 (2). С. 6—15.

2. *Vershinina I.A.* Rabotayushchie bednye v sovremennom mire // Global'nye riski cifrovoj epohi i obrazy budushchego: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Gumanitarnye Gubkinskie chteniya (Moskva, 4—5 aprelya 2019 g.). Т. 2. 2019. С. 12—21.

3. *Greber D.* Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranении bessmyslennogo truda. М.: Ad Marginem Press, 2020.

4. Issledovanie: Frilanser 2021. Cifry uhodyashchego goda: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://xn----8sbgbfirbb0aezowfo9bxjnc.xn--p1ai/post/issledovanie-frilanser-2021-cifry-uhodyashchego-goda-22> (дата obrashcheniya 15.12.2021).

5. *Manujlova A.* Platformennye rabotniki hotyat l'got // Kommersant". 2021. 1 okt. № 178 (7140): [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5009303> (дата obrashcheniya 15.12.2021).

6. *Sadovaya E.S.* Человек в цифровом обществе: динамика социаль'но-трудовых отношений // Южно-российский журнал социаль'ных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 6—20.

7. *Suhina T.S.* Влияние цифровизации жизни на процесс социаль'но-культурных трансформаций // Цифровизация и бытие / Под ред. Ю.М. Осипова, М.И. Лугачева, Т.С. Сухиной, Т.Н. Юдиной. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. С. 135—142.

8. *Talapina E.V.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5—17.

9. *Tomashevskij K.L.* Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнитель'но-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 2. С. 398—413.

10. Цифровые дивиденды. Доклад Всемирного банка. 2016: [Электронный ресурс]. URL: 210671RuSum.pdf.

11. *SHinkarenko P.* Почему в будущем фрилансеров в России станет еще больше: [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60a525319a7947477891282e> (дата обращения: 16.12.2021).

12. Work Trend Index 2021: Microsoft представила анализ итогов года удаленной работы — Новости и истории Microsoft [Информация для прессы]: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-work-trend-index-2021/> (дата обращения: 15.12.2021).

А.В. МАРКОВ

**Хозяйственная Кастилия:
российское продолжение интуиции Гессе***

Аннотация. Парадоксальная утопия Г. Гессе «Игра в бисер», соединяющая индивидуалистические и коллективистские ценности, была воспринята в СССР как программа гуманистического образования и свободного режима дискуссии. Социальный смысл этой утопии отошел на второй план, вперед вышел хозяйственный вопрос: как вести дискуссию по всем правилам, чтобы она способствовала наилучшему рас-

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В. Хозяйственная Кастилия: российское продолжение интуиции Гессе // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 262—270.

пределению символических ценностей и общего удовольствия. Рассмотрены две творческих рецепции на эту книгу: поэма А. Ожиганова «Два введения в игру стеклянных бус» и биография Н. Бора, написанная Д. Даниным. Эти произведения, созданные в эпоху застоя, реконструируют минимальные условия интеллектуальной утопии Гессе и показывают их как хозяйственные, а не как психологические. Тем самым можно говорить о превращенной социологической мысли в таком прочтении книги и уточнении интеллектуальной развитых способов хозяйствования.

Ключевые слова: Гессе, утопия, интеллектуал, интеллигенция, менеджмент образования, педагогика личности.

Abstract. The paradoxical utopia by H. Hesse «The Glass Bead Game», combining individualistic and collectivist values, was perceived in the USSR as a program of humanistic education and of a free mode of discussion. The social meaning of this utopia faded into the background, and the economic question came to the fore: how to conduct a discussion according to all the rules so that it would contribute to the best distribution of symbolic values and general pleasure. Two creative receptions of this book are considered: Alexander Ozhiganov's poem *Two introductions to the game of glass bead and the biography of Niels Bohr*, written by D. Danin. These cited works of the era of stagnation reconstructed the minimum conditions of Hesse's intellectual utopia reconsidered as economic, not psychological. Thus, I see in this reception a transformed sociological thought, as refinement of intellectual methods of management.

Keywords: Hesse, utopia, intellectual, intelligentsia, education management, personality pedagogy.

УДК 130.2
ББК 87.82

Роман Германа Гессе «Игра в бисер» был опубликован в 1943 г. и стал одним из ключевых произведений ученых, отстаивавших ценности гуманизма в разгар Второй мировой войны и после нее. Из филологических работ, доказывавших единство европейского гуманизма и возможность послевоенного исправления и духовного развития человечества, к этой же линии относятся «Любовь и западный мир» (1939) Д. де Ружмона, «Мимесис» (1946) Э. Ауэрбаха и «Европейская литература и латинское средневековье» (1948) Э.-Р. Курциуса. Во всех этих работах утверждалось, что Европа может быть восстановлена как ду-

ховный мир с общими идеалами и образцами поведения и что область гуманизма выходит за западные географические границы — вклад в становление его принципов внесли древние цивилизации и все авраамические религии. В противовес односторонним концепциям конца XIX и начала XX в. (Ф. Ницше, А. Гарнак, Ф.Ф. Зелинский), где античный гуманизм отделялся от библейского историзма или исламского фатализма, эти стереоскопические концепции раскрывали и объясняли историзм, фатализм, психологизм, монотеизм и другие идеи как необходимую часть устойчивого гуманистического развития. Роман Гессе встал в этот же ряд произведений, раскрывающих парадоксальные методы обращения к различным цивилизациям и их вершинным идеям ради понимания закономерностей местной (европейской) интеллектуальной жизни и усиленного влияния интеллектуалов на общество.

Выход романа Гессе в СССР в 1969 г., в коллективном переводе под редакцией С.С. Аверинцева, был неожиданным: советскому читателю требовалось пояснить в комментарии [1], что прямых высказываний в этой книге нет, что она написана от лица некоего «анонимного касталийца» и поэтому не выражает какой-то завершенной ценностной программы, скорее показывая, с какими внутренними затруднениями может столкнуться культура. Тем самым, при всей востребованности романа, например, в довольно узких кругах кибернетиков и лингвистов-структуралистов, занимавшихся близкими «игре в бисер» проблемами совершенного языка и машинного перевода, поневоле акцент был перенесен с моделирования смыслов на как бы хозяйственное решение возникших трудностей. Этот перенос был облегчен тем, что в центре романа была личность главного героя, это не роман идей, и оптика при этом была такова, что разрушала любое завершенное моделирование и проблематизировала его еще прежде разочарования героя в идеализированной замкнутой системе культурного творчества.

Главного героя — Йозефа Кнехта — читатель узнает с разных сторон: и как он сам видит себя в собственных художественных произведениях, и как его видят руководители самого касталийского предприятия, как одаренного дипломата, и как его видят сверстники и собеседники, начиная с Плинио, который просто понимает, что Йозеф — надежный товарищ, даже если ему суждено стать одним из начальников Касталии. Сама дружба здесь образует доказательство верности: Плинио никогда не предаст Касталию, хотя ему в ней неинтересно, и, следовательно, Йозеф никогда не предаст Плинио и людей, которые, как Плинио, — даже если ему придется оставить Касталию со всеми ее достижениями ради этого. Тем самым оказывается, что образ главного

героя прямо вел к тому, что, если не все коммуникативные смыслы считаются, например, противопоставление замкнутости и разомкнутости могло не считываться до конца в советской культуре с ее собственными моделями универсализма и самодостаточности, то именно это хозяйственное отношение окружающих к Йозефу Кнехту, взгляд с разных сторон на его дело, в котором, в конце концов, находится ключ к его судьбе, и становилось главным в рецепции романа в 1970—1980-е гг. Ограничимся только двумя примерами.

Поэма Александра Ожиганова начала 1970-х гг., получившая распространение в машинописи, была написана в виде двух венков сонетов [4] — от лица коллектива Касталии и от лица Йозефа Кнехта соответственно. Поэтика этого произведения близка соц-арту, сатирическому изображению лозунгов и обыденных реалий: так, порядок игры сводится к дневным и годовым рутинным циклам («Окно одно и то же за окном / Нас научает строгому порядку»), созерцание правил игры оборачивается взглядом на фронт работ и т. д. Но ключевые философские моменты романа Гессе становятся хозяйственными. Так, одно из замечаний поэмы: «Мы не хотим копать себе же грядку / И прорасти каким-то стебельком» кроме общей экспликации смысла латинского слова «культура» содержит и отсылку к Гессе, ключевому эпизоду, что дало дипломату Кнехту общение с отцом Иаковом (прототипом которого был Якоб Буркхардт, знаменитый швейцарский теоретик XIX в., открывший собственную «логику» западной культуры, ее собственные ресурсы самообоснования как культуры персоналистической), и, наоборот, что и показало недостаточность просто конструирования языка для решения вопросов мирозерцания.

В переводе под редакцией Аверинцева это звучит так: «Плод этот созревал медленно, очень медленно, прорастал так же настороженно и недоверчиво, как прорастают семена высокогорных деревьев, пересаженные на тучные поля долины: они унаследовали настороженность и недоверие своих предков, и медленный рост — одно из их наследственных свойств» [1]. Так названо появление у отца Иакова доверия к новому поколению, поколению энтузиастов, которые влияют друг на друга, тогда как аскеза отца Иакова требовала сопротивляться любому влиянию. Отец Иаков открыл в Йозефе Кнехте не только собеседника, но и касталийца, иначе говоря, понял недостаточность языка аскетического описания личности; необходимость компенсаторного принятия чужой, пусть даже искусственной идентичности, элемента искусственного языка, — благодаря чему и сам Йозеф Кнехт вдруг начинает чувствовать себя естественнее, чем раньше. Он тоже поневоле

освобождается от собственного языка и может описывать свои отношения и с отцом Иаковом, и далее с другими героями как дружбу, как взаимное понимание, иначе говоря, как то самое изобретение мировых ценностей, о котором думал Гессе после войны, а не как преуспевание в искусстве обращения с языком. В позднейшем переводе С. Апта 1984 г. [2] слово «настороженность» и «настороженно» исчезает, вместо этого появляется калька «выжидательно» для *abwartend* оригинала и «сдержанность», которая никак не отвечает оригинальному *Zurückhalten* — с оглядкой. Тем самым Апт хотел показать скорее характер героев, а не их реакции, что больше отвечало воспринятой из буддизма идее Гессе о невозможности насилия над характером, тогда как Аверинцев и переводчики издания 1969 г. как раз подчеркнули недоумение человека, оставшегося как бы отчасти без языка, фрустрированного, то, что извне выглядит как осторожность, по-бахтински разделив тем самым я-для-себя и я-для-другого.

Тогда Ожиганов принимает эту хозяйственную логику появления искусственного инструмента, резко как раз меняющего характер вопреки буддистским симпатиям самого Гессе, и утверждает в духе романтического концептуализма, что замкнутой рутине отвечает замкнутый язык, делающий невозможным то парадоксальное утопическое развитие, которое дано в книге Гессе, и только резкая смена оптики может позволить развиваться искусству. Во второй части поэмы Ожиганова и происходит такая резкая смена, когда «я» становится само себе соседом, само себе студенческим другом: «Я пью на брудершафт с самим собой». Но искусство оказывается страшным, возлюбленная оборачивается страшными ликами Шахерезады, Иродиады, требующей несбыточного роковой красавицы — язык соблазна и эротического влечения не может стать до конца эгоцентричным и поэтому мстит. Таким образом, в условиях замкнутого рутинного хозяйства просто вся логика культурного кризиса и обретения главным героем новой жизни, представленная в романе Гессе, оказывается неосуществима. При этом тема студенческого братства как новой Касталии оказалась востребована в другом произведении.

Речь о биографии Нильса Бора, написанной Д. Даниным, популяризатором науки и одним из создателей постсоветской системы преподавания философии науки (этот курс он читал под провокационным названием «Кентавристика»). В самом начале книги говорится об отношениях Нильса и его младшего брата Харальда, в этом изложении напоминающих отношения Йозефа и его товарища Плинио, раньше него покинувшего Касталию: Нильс отказывался носить академиче-

скую шапочку, чтобы не расстраивать еще не поступившего в университет брата. Сам этот эпизод мог бы быть анекдотическим, но в изложении Данина [3, 27] он превратился в характеристику Нильса, которому необходимо стать «непременным членом <...> кружка» — философского кружка «Эклиптика», своеобразной Касталии, где участники семинаров по физике обсуждают связанные с фундаментальной физикой философские вопросы, такие как свобода воли. Получается, что младший брат, сразу став студентом, сразу стал и членом этой Касталии, но при этом разделял ценности Касталии потому, что их разделяли все члены кружка, а не только его старший брат. Получается, что старший брат проявлял верность, жертвуя своей студенческой репутацией ради него, не настаивая на том, чтобы тот был непременно участником вольного философского кружка, но вольный философский кружок сделал обоих братьев неразлучными, так что участие в кружке стало лишь эстетической стороной, неким удовольствием, в их этических отношениях. Тем самым проблема медленного роста младшего брата оказалась решена естественно и рутинно — надо было дождаться его совершеннолетия, и деловое хозяйственное отношение к вопросу оказывается сильнее всех отдельных метафор Гессе.

Но когда Данин говорит, что члены кружка индивидуально искали «суть вещей», вгрызаясь в нее, это тоже отсылает к ключевому эпизоду из «Игры в бисер», самому моменту расставания Йозефа и Плинио. После разлуки Йозеф пытается найти утешение в самой игре, но начинает рефлексировать, что как раз игра есть лишь эстетический эпизод внутри этических требований и решений. В переводе Аверинцева это размышление звучит так: «Вся наша жизнь, как физическая, так и духовная, есть некий динамический феномен, из полноты которого Игра схватывает лишь эстетическую сторону и притом преимущественно в виде ритмических процессов» [1]. В позднейшем переводе Апта как раз появляется выражение «по сути», что больше соответствует оригиналу (*das Glasperlenspiel im Grunde nur die ästhetische Seite erfasst*), но как раз для Йозефа Кнехта суть жизни уже была не в игре, он посмотрел на игру со стороны. Также Апт прибавил слово «совокупность» в определение всей нашей жизни, хотя *das Ganze* оригинала — целое, и перевод под редакцией Аверинцева точнее передает, что речь идет не о единстве жизненных процессов, но о том, что есть основания истинного суждения о жизни (в соответствии с гегелевским пониманием истинного как целого), и Кнехт, размышляя, не зайдет полностью в область заблуждения. Таким образом, Данин прямо настаивает на том, что все члены кружка уже достигли развития Йозефа Кнехта, потому

что видели суть вещей не в самой игре, а в индивидуальном действии, которое выходит на целостную истину.

Сам кружок «Эклиптика» толкуется Даниным как утопия общего языка для разных профессий: «Как далеко они должны были уходить в своих дискуссиях от специальной осведомленности каждого, чтобы разговаривать на языке, общем для всех! Они наглядно доказывали равную справедливость двух противоположных суждений: “философия не наука” и “философия — наука наук”» [3, 28]. Это прямая отсылка к тому, как Гессе описывает смысл игры с самого начала, как чего-то далекого от собственных процедур дисциплин, но имеющего дело только с семиотически выраженными результатами: «Эти правила, язык знаков и грамматика самой Игры суть не что иное, как высококоразвитая тайнопись, в создании которой участвуют многие науки и искусства, в особенности же математика и музыка (соответственно музыковедение), и которая способна выразить и связать друг с другом смыслы и результаты почти всех научных дисциплин» [1]. В переводе Апта это дано глаже: «соотнести содержание и выводы чуть ли не всех наук» [2], хотя оригинальное *die Inhalte und Ergebnisse nahezu aller Wissenschaften* говорит не о выводах, а именно об индивидуально получаемых результатах, и здесь Данин, конечно, ближе к первому русскому переводу, как и Ожиганов, настаивая на хозяйственном владельческом эксперименте над индивидуальной оптикой, основанном на начально твердой нравственной позиции Бора.

Этот кружок, как утверждает Данин, не оставил письменных следов, а только живые воспоминания, далее приводится мемуар искусствоведа Вильгельма Сломанна, как братья изобретали аргумент на ходу, в ходе произнесения речи, — и если Сломанн имел в виду необходимость подбодрить себя в ходе долгого спора, то Данин акцентирует, что это просто способ создания живых сцен и постоянных споров: «запоздалые прохожие спешили поскорей разминуться с ними, не догадываясь, что эти ссоры мнимых гуляк — высшая форма их духовной близости» [3, 28]. То есть изначально этот метаязык игры претендовал на истину для отдельных дисциплин, но потом потребовалось индивидуальное хозяйственное решение по реорганизации отдельных дисциплин.

Но главное, что сближает этот эпизод из Данина с романом Гессе — это то, как такая Касталия изолирована от социальной проблематики, что и обеспечивает отсутствие перевода метаязыка игры на привычные языки — полицейские доносы тоже оказались невозможны, но невозможно было говорить и об «острых политических проблемах ве-

ка» [3, 29]. То есть, как и для Гессе, важно не столько субъективное, сколько одновременно объективное отсутствие языка: внешний наблюдатель не увидит его в Касталии, для чего в романе и понадобилась дипломатия Йозефа Кнехта, а Бору понадобилось эксплицировать собственную нравственность в метакритике свободы воли, тогда как та самая Касталия-Эклиптика просто распоряжалась свободой воли как собственными условиями роста. Уже совершенно по-гессевски Данин говорит, что как зашла речь о свободе воли, все члены кружка стали «участниками сумасбродной игры его мысли» [3, 30], иначе говоря, попали в ловушку собственного языка.

Молодой Нильс Бор, как пишет Данин, решил проблему свободу воли с помощью понятия «многозначной зависимости», которая и находится по ту сторону детерминизма и свободы. Данин считает, что эта идея, впоследствии заклеянная Бором в разговоре с Томасом Куном, возникла как часть обычаев философского кружка, где было принято обсуждать идеи, как бы объясняющие себя: если кружок признает равноправие всех участников, то он должен признать и идею равноправия факторов, снимающих противопоставление детерминизма и индетерминизма [3, 29—30]. Перед нами именно пример хозяйственной рефлексии, которая отмечает медленный рост высокогорных деревьев, но уже применительно к самому субъекту.

Как и в душе Кнехта, в душе Бора произошел переворот, когда он понял, что если содержание знаний детерминировано миром, то это не последняя истина, потому что мы можем понять место содержаний и представлений в содержании наших знаний: «...Кажется, все в представлениях человека о мире продиктовано этим миром. Но разве самим процессом узнавания истины человек не вмешивается в природу и не вносит при этом в нее изменения? Велики ли они или малы, не это существенно: важно понять их место в содержании наших знаний...» [3, 31]. Это уже Кнехт, покинувший Касталию, принявший то, что практики прямо ставят под вопрос прежнее топологическое определение знаний. Собственно, об этом в романе говорит ответ магистров ушедшему Кнехту, если его пересказать одной фразой: магистры не могут понять место изменений, происходящих с людьми, в содержании знаний об этих людях, но могут понять то, как знания об этих людях диктуются совокупностью обстоятельств постигнутого. Но где Йозеф Кнехт прошел через психологические кризисы, там лирический герой Ожиганова и эпический герой Данина просто с самого начала не принимают рутину, в том числе и некоторые социальные условности, и потому способ-

ны распорядиться хозяйством собственного языка наилучшим образом, создав новое искусство или новую физическую теорию.

Литература

1. *Гессе Г.* Игра в бисер / Пер. Д. Каравкиной, Вс. Розанова, С. Аверинцева: [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (дата обращения: 25.08.2021).
2. *Гессе Г.* Игра в бисер / Пер. С. Апта: [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser0.txt> (дата обращения: 25.08.2021).
3. *Данин Д.* Нильс Бор. М.: Молодая гвардия, 1978. 560 с.
4. *Ожиганов А.И.* Два введения в игру стеклянных бус // Ожиганов А.И. Ящеро-речь. Книга поэм. М.; Тверь: Арго-Риск; Колонна, 2005: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-4.html> (дата обращения: 25.08.2021).

References

1. Gesse G. Igra v biser / Per. D. Karavkinov, Vs. Rozanova, S. Averinceva: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (data obrashcheniya: 25.08.2021).
2. Gesse G. Igra v biser / Per. S. Apta: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser0.txt> (data obrashcheniya: 25.08.2021).
3. Danin D. Nil's Bor. M.: Molodaya gvardiya, 1978. 560 s.
4. Ozhiganov A.I. Dva vvedeniya v igru steklyannyh bus // Ozhiganov A.I. YAshchero-rech'. Kniga poem. M.; Tver': Argo-Risk; Kolonna, 2005: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-4.html> (data obrashcheniya: 25.08.2021).

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

* * *

**Славный юбилей славного человека:
А. И. Субетто и его 85**

Александр Иванович Субетто 85 лет!

Кто бы подумал: молодой, энергичный, деятельный, пишущий, глаголящий!

Вот уж явление так явление, да что явление — большая и редкая комета на ученом небосклоне: всю светящаяся, яркая, уверенно несущаяся к суперкосмической Истине. Доктор одних наук — философских, доктор других наук — экономических, кандидат третьих — технических. Профессор. Еще и морской волк — каперанг, строитель Плесецкого космодрома. Космист, ноосферист, экологист, социалист, гуманный гуманист, великий мечтатель — похлеще, пожалуй, иных, что у всех на слуху. Добрый, общительный, жизнерадостный, оптимистический, жизнеутверждающий.

Работоспособный: монографий, статей, выступлений, лекций — не счесть!

Выдающийся мыслитель, преданный Родине гражданин, редкий друг-товарищ, в общем — славный человек, и юбилей у него славный! Поздравляем!

Многие лета, дорогой Александр Иванович!

* * *

12 ноября 2021 г. в г. Лимасол (Кипр) состоялся Международный научный симпозиум «Трансперемны в современном мире: экономизм и технологизм», организованный Научным советом «Центр общественных наук МГУ», Академией философии хозяйства при содействии RCB Bank Ltd. В симпозиуме приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов, Г.А. Ахинов, В.В. Зражевский (Доха, Катар), К.А. Зимарин (Лимасол, Кипр), С.В. Киселев, Д.В. Кузин, кандидаты наук Е.С. Зотова, В.И. Островский (Лимасол, Кипр), научный сотрудник Т.С. Сухина.

Е.С. ЗОТОВА, Т.С. СУХИНА

**О транспеременах в современном мире:
экономизм и технологизм***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на международном научном симпозиуме «Трансперемены в современном мире: экономизм и технологизм» (Кипр, г. Лимасол, 12 ноября 2021 г.).

Ключевые слова: современный мир, общественное мироустройство, трансперемены, экономизм, технологизм, экономика, техномика, общественные финансы, сетевые структуры, управленческая революция.

Abstract. The article presents an overview of reports at the international scientific symposium «Trans-changes in the Modern World: Economics and Technologism» (Cyprus, Limassol, November 12, 2021).

Keywords: modern world, public order, trans-changes, economism, technologism, economics, technomics, public finance, network structures, managerial revolution.

УДК 330
ББК 65.01; 60.52

Приветствуя участников дискуссии д.э.н. **К.А. Зимарин** (генеральный директор RCB Bank Ltd, г. Лимасол, Кипр) подчеркнул, что на симпозиуме собрались как практики, которые ведут международную экономическую деятельность и могут реально оценить как функционирует банковский мир на уровне мегарегуляторов, так и представители фундаментальной науки. «Мы занимаемся бизнесом — для нас существует немного другой критерий того, чего мы хотим достичь: у нас нет задачи понять, у нас есть задача заработать, даже если мы не понимаем как. Поэтому обмен, с одной стороны, бизнесменов по наитию и фундаментальных ученых — с другой — представляется очень полезным и интересным. Приветствуем вас на нашей кипрской земле!»

Во вступительном слове д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (председатель научного совета «Центр общественных наук МГУ») отметил, что «современный мир — не просто изменяющийся мир, не просто мир с переменами, даже и большими, это буквально мир-перемена, — и речь

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С., Сухина Т.С. О транспеременах в современном мире: экономизм и технологизм // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 274—280.

сегодня должна идти даже не о тектонических переменах, которых было немало в истории человечества, а о большой перемене самого мира, происходящей по вине, в частности, экономизма, или господства экономики надо всем хозяйством, да и вообще надо всем жизнеотправлением человечества, и технологизма, а точнее — технократизма, или господства технического начала над гуманитарным.

Естественно-гуманитарная эра бытия человечества завершается на наших глазах, уступая место искусственно-технотронному бытию человечества, однако, заметим особо, бытию ли в привычном зёмном понимании, а не какому-то постбытию, чуть ли уже не космическому, как бытию все-еще-человечества или же чего-то другого — уже некоего пост-человечества (чего-то “лучистого” по тому же Циолковскому)?

Что касается диалектики экономизма и технологизма, то их благодатному историческому взаимодействию приходит, на мой взгляд, конец, ибо технологизм ныне не просто лишь обслуживает экономику, но и готовится ее под себя подмять, если вообще не прихлопнуть, осуществив переход от экономики к техномике.

Все это вызывает вопросы, да не простые, а цепенящие, ибо вполне удовлетворительного ответа на них нет (даже и негативно-скорбящего характера), а потому надо набираться ментального мужества и о них говорить и говорить, пока еще не поздно.

Предполагаю, — сказал Ю.М. Осипов, — что моя постановка вызовет разные реакции в аудитории, но что поделать, ежели реальность, вызываемая трудо-творческим — да и потребительским тоже — сознанием сильнее этого сознания, она прет вперед уже во многом независимо от сознания, однако сознание еще есть, и оно еще работает, в том числе и здесь, в этой аудитории, так что вперед!».

Отвечая на вопрос **В.В. Зражевского** (д.э.н., председателя совета директоров CQUR Bank LLC, г. Доха, Катар) «Что такое экономизм?», Ю.М. Осипов уточнил, что экономизм — термин, который впервые употребил С.Н. Булгаков — это утверждение, что экономика — главное, фундамент всего, можно сказать, что экономизм — это ориентация на извлечение выгоды.

Говоря о транспеременах в современном мире с позиций экономизма и технологизма, заметил д.э.н., профессор **С.В. Киселев** (заведующий кафедрой агроэкономики экономического факультета МГУ), можно попытаться подойти к этому вопросу с точки зрения волн. Что-то похожее на знаменитые волны Кондратьева, но применительно к мировым — всеземным — процессам.

Современная волна начинается с начала этого века. Ее пик, гребень, придется на его середину. Предыдущая волна — в прошлом веке.

Гребень прошлого века — также его середина. И такие волны можно обнаружить (примерно со столетним интервалом) и в прошлые века. Они накладываются друг на друга, передают энергию одних явлений другим, одних возмущений — другим.

Волна отличается сдвигами, революциями, войнами, потрясениями, изменениями в точках власти и пр.

Далее докладчик привел конкретные черты волн. Так, современная волна XXI в. характеризуется изменениями в технологиях: цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, искусственные продукты (растительное мясо, сахарный белки, пр.), происходит переход от автоматов XX в. к роботам XXI-го. Технологические изменения XIX в. хорошо описаны: от машин этого столетия произошел переход к автоматам следующего века. Изменения в масштабах процессов: глобализация прошлой волны и космизация нынешней (начало освоения космоса как среды для жизни, а не просто полетов); изменения в болезнях — от пандемии гриппа начала прошлого века к пандемии коронавируса начала нынешнего. В частности, аналог гриппа и коронавируса в XIX в. — холера. Именно с начала XIX в. начинается череда пандемий этого заболевания. Оно, как и грипп, никуда не ушло, но пандемий уже нет. Такая же судьба ждет и COVID-19.

Волны сопровождаются сменой центров мировой власти: в XIX в. — Великобритания, в XX в. — США. На наших глазах происходит смена центра мировой власти — от США к Китаю. Это станет более оформленным к середине нынешнего столетия. В прошлые времена эти смены сопровождались войнами (при этом в XX в. — две мировые войны). Нынешний век, возможно, избежит мировой войны, но число локальных войн уже возросло. И в этих локальных войнах идет борьба за доминирование в геополитике и в геоэкономике.

Однако, заметил профессор Киселев, у нынешнего века — у современной волны — есть особенность: антропогенное воздействие, влияние человека на природу достигло всеземного масштаба. Происходит климатическая «революция». Это не значит, что в прошлом не было всеземных климатических изменений, но отличие заключается в том, что сейчас воздействие человека все больше и больше определяет климат.

В подобных волнах пересекаются экономизм и технологизм. Но их не следует преувеличивать. Многие процессы и решения, системы управления или подходы к управлению, как отметил профессор Осипов, могут определяться внеэкономическими и внетехнологическими явлениями. В результате происходит «пересовершенство» мира.

Волновые изменения, на взгляд докладчика, можно описать и с точки зрения хаосмоса. В глобальном и космическом аспектах возможно рассмотреть изменения в степени хаоса, который при всех попытках

управления, в том числе и глобального управления, сохраняет свое значение. Важно оценить на разных этапах развития человечества антихаос и хаос. Для оценки изменения, видимо, необходимо определить критерии, индикаторы и показатели. Это нетривиальная задача, но от этого она только интереснее, подытожил профессор Киселев.

В своем выступлении «Общественные финансы в цифровом обществе» д.э.н., профессор **Г.А. Ахинов** (заведующий лабораторией экономики общественного сектора экономического факультета МГУ) обосновал положение, что общественные финансы — один из институтов формирования мироустройства (индивидуального и коллективного сознания). По его мнению, в индустриальном обществе (сложившемся за последние 150—200 лет) «государство-производитель» — субъект, который обеспечивает финансирование, производство и распределение частных, общественных и социально значимых благ, что ведет к росту числа и повышению влияния государственных чиновников (рост Левиафана), а также к ограничениям финансовых и человеческих ресурсов (для экономического и социального развития). В то же время, формирование цифрового общества, которое предполагает деление населения (общества) на две категории — «интернет-имущие» и «интернет-неимущие» (условная граница между «традиционным» и «современным» обществами) — связано с неценовой конкуренцией на рынках продукции (свобода доступа к информации и кастомизация); с управлением доходностью за счет сокращения издержек производства (качество менеджмента и/или сокращение количества занятых, и/или заработной платы, и/или налогов на заработанную плату).

В сфере общественных финансов интернет становится средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления благ, что предполагает проведение глубокой реформы всей системы государственного управления, в котором функция управления и контроля автоматизируется (электронное правительство включает четыре системы управления: между государством и гражданами, государством и бизнесом, государством и государственными служащими, государством и различными ветвями государственной власти (в том числе разработку государственных и муниципальных программ и проектов бюджетов)), и «государство-гарант» должно обеспечивать: защиту имущественных прав (всех физических и юридических лиц) и денежно-финансовых (платежных) систем; развитие контрактно-договорных отношений (государственно-частное партнерство, частные контракты); формирование системы общественного контроля (ограничивающее влияние Левиафана и произвол чиновников).

В заключение профессор Ахинов особо подчеркнул, что в цифровом обществе развитие сетевых структур управления и автоматизация

производственных процессов ведут к сокращению занятости (по разным оценкам, от 30 до 50%). В этой связи на рынке труда необходимы переход к срочным контрактам (с юридическими и физическими лицами) и поиск новых гибких и сложноинтегрированных сетевых структур управления изменениями, что в дальнейшем предполагает внесение существенных изменений в трудовой и налоговый кодексы. По его мнению, например, развитие института самозанятости («работник—предприниматель») предполагает перенос налоговой нагрузки с работодателя на работника (с налога на прибыль и социального налога на имущественные налоги и налоги с оборота).

Отвечая на вопрос В.В. Зражевского «Государство ведь должно что-то придумать для людей, у которых не будет работы?», Г.А. Ахинов подчеркнул, что если мы говорим о трансформации, то она заключается в том, что сегодня необходимо думать об изменении социально-трудового законодательства — базы общественной жизни. Работник должен рассматриваться как самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, он должен выступать в качестве работника-предпринимателя, который нанимается на работу. Он получает заработную плату от работодателя, и сам платит налоги государству, исходя из того дохода, который он декларирует. Так он становится предпринимателем — происходит разрыв сложившейся матрицы взаимоотношений между работником и работодателем.

К.А. Зимарин возразил, что, вероятно, такая модель может сформироваться в России, но в Западной Европе это невозможно из-за очень серьезной роли профсоюзов. Это другая философия. Речь фактически идет о вечной занятости, от которой, по мнению профессора Ахинова, надо отказываться.

К.э.н. **В.И. Островский** (советник председателя правления RCB Bank Ltd, г. Лимасол, Кипр) высказал мнение, что идея перехода от существующей системы налогообложения в пользу имущественных налогов и налога с оборота является несправедливой.

В своем докладе, посвященном транспеременам в управлении, д.э.н., профессор **Д.В. Кузин** (заведующий кафедрой управления организацией экономического факультета МГУ) отметил, что на рубеже XX—XXI вв. в теории и практике управления произошло несколько принципиальных перемен — фактически появилось «другое» управление.

Во-первых, и это самое главное, в начале XXI в. произошла 7-я управленческая революция. Впервые в истории человечества управление (как воздействие и отношение) стало осуществляться как в реальном, так и в виртуальном мире со все большим смещением в последний. При этом сами характеристики новой реальности (скорость перемен,

разнообразии, неопределенность, возрастающие риски и т. д.) неизбежно меняют и само управление, и ответственность за его последствия. Усложнение восприятия, понимания, анализа, интерпретации, ожиданий и т. д. этих перемен выводят проблемы эффективности управления и лидерства на первый план.

Во-вторых, изменилась парадигма менеджмента: модель M1.0, основывающаяся на трех «китах» — рациональности, измеримости и универсальности, сменилась моделью M2.0, которая существенно изменила как эти характеристики (или поставила под сомнение их абсолютность), так и добавила несколько новых в отношении парадигм организации (в том числе фирмы); человека в системе управления; места, роли и ответственности управления в современном обществе, особенно при его переходе в цифровое пространство. Последнее обстоятельство позволяет говорить, по мнению некоторых теоретиков, о парадигме M3.0 — Agile-менеджменте и возрастающей роли искусственного интеллекта в управлении (при всей неоднозначности и даже в известной степени опасности этого процесса).

В-третьих, изменились принципиальные «фокусы» менеджмента: от доминирования MBI (управление по инструкциям) к MBO (управление по целям) и далее к MBV (управление по ценностям). Главный вопрос: что это за ценности, чьи они, что они дают, куда ведут и т. д.? Возникла волна дискуссий о «новой нормальности», которая понимается очень по-разному. Все эти вопросы стали особенно актуальны в период нынешней пандемии COVID-19, которая на фоне других принципиальных социальных и технологических перемен фактически уже изменила мир и множество самых разных процессов, в том числе и в управлении, а также поставила целый ряд новых вопросов, на многие из которых только предстоит найти ответы, заключил Д.В. Кузин.

Относительно кардинальных изменений д.э.н. **К.А. Зимарин** отметил, что, с его точки зрения, на уровне практики пандемия ничего не изменила в банковской системе. Даже в категории «Luxury» ничего принципиально не изменилось, так как все платформы для торговли онлайн были сделаны уже давно, ничего не появилось внезапно, а теперь люди, наконец, просто начали их активно использовать. В качестве нового появилось понимание некоторых отраслевых рисков, например, в гостиничном бизнесе.

Говоря о финансовом секторе Европы, необходимо отметить абсолютную сбалансированность, абсолютную прозрачность и отчетность, единую систему регулирования. Вся европейская финансовая система управляется интернациональными командами: большая интернационализация как средство для большей стабильности — значительное «социалистическое» воздействие на всех участников рынка.

В обсуждении роли хорошего экономического образования применительно к бизнесу к.э.н. **В.И. Островский** отметил, что ожидание высокой инфляции в Евросоюзе привело к тому, что до сих пор реальная ставка отрицательная, но мы, тем не менее, в ожидании инфляции ведем себя определенным образом, в соответствии со своим макроэкономическим образованием. Но это не значит, что удастся заработать, и центра, который бы определял, что ставка будет высокой, нет. Мы не пытаемся спекулировать, ведь прибыль всех спекулянтов равна нулю. Бизнес банков — дать длинные деньги и взять короткие, при этом ничего не платить.

В заключение дискуссии д.э.н **К.А. Зимарин** подытожил: «Нам очень интересно это обсуждение, потому что наш ежедневный бизнес о другом — это инструкции, бесконечные отчеты, запросы, это вообще “про бумаги”. Теперь банк сделали центром статистической информации, так как любой человек рано или поздно приходит в банк. Банк должен собрать информацию и перераспределить ее. Фактически, банк стал частью публичного сектора. Мы не ставим перед собой никаких сверхзадач — это ежедневный кропотливый труд. В последние 6—7 лет банк стал расчетно-кассовым центром, это уже не про бизнес».

Завершая симпозиум, **Ю.М. Осипов** подчеркнул, что прошедшая дискуссия выявила, конечно, разные точки зрения на происходящее в мире, кроме, пожалуй, одной — трансперемены в мире есть, как бы их ни трактовать, к тому же с более неизвестными, чем как-то воспринимаемыми, результатами.

«Разумеется, всех экономистов волнует судьба доллара как мировой валюты и судьба всей международной финансовой системы, — сказал профессор Осипов. — События тут могут произойти в любой момент, ибо нынешний мир не просто мир-перемена, а, увы, еще и мир-война, а на войне как на войне: надо быть готовым к любому повороту изменяющейся реальности, отчего российский хозяйственный базис окажется очень кстати, хоть он пока еще и весьма дырчатый.

Вообще надо ждать неожиданных и непредсказуемых просто так событий: мир так или иначе беременен пусть и не тотальной катастрофой, но уж, скажем — нет, не острым кризисом — скорее, большой судьбоносной перетряской, из которой мир выйдет, как минимум, заметно другим, а как максимум, уже чем-то совсем другим, то бишь... ну, об этом можно и помолчать! Одно, пожалуй, ясно: события сии будут!»

* * *

8—10 декабря 2021 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция *«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство»*, посвященная 80-летию экономического факультета МГУ (в онлайн-формате). На пленарном заседании конференции выступили 12 докладчиков: доктора наук — Ю.М. Осипов, С.Ю. Глазьев, А.А. Грищенко (Киев, Украина), С.В. Киселев, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, А.В. Мочалов (Киль, Германия), С.В. Синяков (Киев, Украина), А.И. Субетто, Н.Б. Шулевский, С.П. Юхачев (Тамбов).

На секционных заседаниях выступили: доктора наук — М.Л. Альпидовская, С.В. Бирюков (Шанхай, КНР) И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), Л.П. Зенькова (Минск, Белоруссия), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, С.С. Носова, А.А. Олейников, М.Г. Покидченко, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), М.А. Румянцев (СПб), С.С. Слепаков (Пятигорск), А.Н. Фатенков (Н. Новгород), И.Ю. Фомичев (Тюмень), И.В. Черняева (Тверь), И.Г. Шевченко; кандидаты наук — Т.Б. Бердникова (Белгород), Ю.О. Глушкова (Саратов), О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.В. Зайцева, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск). Э. Мартин-Иогансон (Лондон, Великобритания), С.С. Мерзляков, Г.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, М.Ю. Павлов, А.А. Погребняк (СПб), Е.А. Починкова (Новороссийск), А.К. Рассадина, Т. Росяк (Варшава, Польша), Н.Л. Румянцева, И.П. Смирнов, Д.П. Соколов, А.А. Тарасов (Н. Новгород), В.А. Ушанков (СПб), Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, Т.Ю. Яковец; научный сотрудник Т.С. Сухина; преподаватели — И.А. Горюнов, И.Д. Спасский (Одесса, Украина); аспиранты — И.З. Гелисханов, Е.В. Горовой, А.Х. Евлоева, Н.В. Чихирева; предприниматель Т.В. Воеводина; представители МОИП — Е.Д. Антонова, Г.И. Хохлова.

10 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия *«Актуальная Россия. Перемены без перемен?»*, в которой приняли участие доктор наук — Ю.М. Осипов (ведущий), А.И. Агеев, М.В. Кулаков, К.А. Хубиев, к.полит.н., директор Института политических исследований С.А. Марков.

Е.С. ЗОТОВА

**Цивилизация России: традиции и новины
(обзор дискуссии)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Цивилизация России: традиции и новины» международной научной конференции «Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство», состоявшейся 8—10 декабря 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, русский мир, российская цивилизация, культура, философия хозяйства, софиасофия.

Abstract. The article presents an overview of reports at the section «Russia's Civilization: Traditions and Newness» of the international scientific conference «Russia is under the Pressure of New Realities: Civilization, Society, Economy» that is took place on December 8—10, 2021 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in online format.

Keywords: Russia, civilization, Russian world, Russian civilization, culture, philosophy of economy, sophiasophy.

УДК 140
ББК 65в

Дискуссия, развернувшаяся на секции «Цивилизация России: традиции и новины», проходившая в дистанционном формате в рамках международной научной конференции «Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство» 9 декабря 2021 г., была посвящена особенностям русской цивилизации, а также «новым реалиям», проявившимся в условиях происходящих мировых процессов.

В докладе д.э.н., профессора **М.Г. Покидченко** (экономический факультет МГУ) «Цивилизация России — прошлое и будущее» прозвучала мысль, что при построении будущей цивилизации России следует опираться на свои истоки. Россия как государство зарождалась в XIV—XV вв., когда Северо-Восточная Русь находилась в составе Монгольской империи и испытывала влияние древневосточных цивилизаций, также входивших в эту империю: Китая, Ирана и Хорезма. В результате, в России сформировалась евразийская цивилизация, которая положила

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Цивилизация России: традиции и новины // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 282—291.

начало не только определенной общественной системе, но и особому менталитету, подчеркнул профессор Покидченко.

По мнению д.э.н. **М.А. Румянцева** (г. Санкт-Петербург), выступившего с докладом «Российский путь: от традиций к новинам — и обратно», начиная с XVIII в. историческое движение России осуществлялось в виде циклов псевдоморфоза. Феномен псевдоморфоза, согласно О. Шпенглеру, связан с наложением форм одной культуры на содержание другой культуры, что приводит к искажению и отчуждению последней от своего развития. В России псевдоморфоз получил ряд особенностей. Во-первых, европейские институты перерабатывались в соответствии с национально-культурной спецификой, пусть и со значительными социальными издержками. Это было связано с большими пространствами России, которые замедляли диффузию заимствований, а также с метафизикой русского православия, носящего «антипрогрессорский» характер. Во-вторых, псевдоморфоз усиливал олигархический («боярский») принцип в общественно-хозяйственном устройстве России, поскольку элиты стремились к европейскому уровню потребления за счет перераспределения ресурсов и доходов в свою пользу. В-третьих, в результате псевдоморфоза Россия смогла создать современную армию и военную промышленность, выстоять в условиях внешних агрессий.

В докладе была обоснована возможность перехода России к траектории развития на собственной основе. Заимствование институтов и ценностей современного «посткапитализма» ведет к деградации российских архетипов и смыслов. Капитализация власти (обмен власти на капитал в соответствии с административным рангом) искажает авторитарный, не рыночный принцип хозяйственного управления, необходимый в российских условиях. Органичные для России «новины» М.А. Румянцев связал с Арктическим проектом, требующим «автохтонных» технологических и институциональных новшеств; а также с формированием субъектного принципа в экономической науке и в хозяйственной практике.

В выступлении на тему: «Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту?» д.ф.н., профессора **Ф.И. Гиренка** (философский факультет МГУ) была высказана мысль о том, что биоэтика возникла для того, чтобы преодолеть разрыв между природой и миром свободы. Но вместо преодоления этого разрыва она взяла на себя функции по легитимизации технического отношения человека к своему телу. По мнению Ф.И. Гиренка, никакого этического кодекса для искусственного интеллекта создавать не нужно — этот интеллект вне морали. Нужно совер-

шенствовать уголовный кодекс для создателей интеллектуальных систем и для собственников технических средств, обладающих интеллектом.

В докладе «Цивилизация “Россия” и современные русские “европейцы”» д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета) пояснил, что русской цивилизации не чужды предприимчивость, аскетизм и рационализм, но они уступают по своему весу в жизни общества общинности, справедливости и равенству. Эти две составляющие русского мира породили русско-славянскую и русско-европейскую его части. С начала перестройки и проведения грабительской приватизации вновь в российской элите доминируют русские «европейцы», построившие олигархическое государство. Для защиты своих интересов они готовы авторитарность и плутократию преобразовать в тоталитаризм. Ожидать от этих русских «европейцев» активности в перестроении России не стоит, а дальнейшее их содержание начинает угрожать самому существованию российского государства и русским «неевропейцам», заметил профессор Гузев.

В докладе «Цивилизация России: славянский разлом» д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва) отметил, что понимание России как страны начинается с выявления глубинной, коренной, самобытной России как русского мира, лишённого отчуждения и порождаемого отчуждением отношений собственности. В мире нет отчуждения человека от земли и от рабочей силы, что присуще цивилизации как общественно-экономической формации, основанной на отношениях собственности. Цивилизация России является ее экономической колонизацией Западом. Россия может использовать экономику только как средство обороны и сбережения глубинной России. Так, события на Украине и реакция на них Польши раскрывают неславянскую природу мира глубинной России, сказал профессор Пшеницын.

Попытка осмыслить характер новейших перемен, захвативших как Россию, так и весь остальной мир, в ракурсе эстетики была сделана в докладе «О характере изменений в России и мире: эстетический аспект» к.э.н., доцентом **А.А. Погребняком** (СПбГУ). Обычно этот аспект выносится за скобки, в расчет принимаются соображения другого рода, чаще всего чисто прагматического или, в лучшем случае, этического характера. Но, как показал еще Фридрих Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании человека», именно эстетическое переживание (вопросы гармоничности, красоты, совершенства, изящества и т. п.) связано с ценностью настоящего момента человеческого существования, который не должен рассматриваться исключительно в качестве переходного

состояния, когда значимыми представляются только какие-то будущие цели, а настоящее приносится им в жертву.

Именно поэтому следует задаться вопросом о том, насколько стиль новейших перемен гармонирует с нашим ощущением красоты настоящего момента; насколько вообще подобное ощущение допускается происходящими изменениями; наконец, насколько подобное ощущение может оказывать реальное воздействие на сами эти изменения — с целью их корректировки или даже радикального изменения их содержания. Ведь именно красота, которую мы обнаруживаем в явлениях этого мира, есть свидетельство изначальной «софийности» его устройства, подчеркнул А.А. Погребняк.

В докладе «Ценности русской культуры — традиционные и современные» к.т.н., доцент **Н.Л. Румянцева** (Московское общество испытателей природы) подчеркнула, что русская цивилизация как культурно-исторический феномен сформирована географической средой, выжить в которой было можно только на таких ценностных приоритетах, которые и создали образ жизни народа, или его культуру. Она представила исторически сложившиеся ценностные приоритеты русской культуры в разные периоды ее существования — в исторической России досоветского периода, в советский период, в современной России — и показала, что эти приоритеты действуют как в масштабе всей страны, так и в масштабе отдельной личности. Но ценности культуры всю историю государства Российского, кроме последнего века, не совпадали с его идеологией.

Наибольшее сближение ценностей культуры и принципов идеологии России, заметила Н.Л. Румянцева, мы видим в советское время, когда ценности культуры как образа жизни народа перешли в идеологию общества и воплотились на некоторое время в организации всей общественной жизни государства.

«Россия некапиталистическая: социокультурный императив русско-евразийской православной цивилизации» — так назвал свой доклад д.э.н., доцент **А.А. Олейников** (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет). Он заметил, что известные экономисты и лидеры мировой политики неоднократно заявляли: современный капитализм уже давно исчерпал себя. Выйдя за свои пределы, он перестал быть *собственно* капитализмом как способом производства. После распада СССР он трансформировался в способ глобального перераспределения экспроприированных мировых богатств в пользу США как лидера мирового хозяйства.

Понимание неадекватности современного капитализма социальным устремлениям народов и объективным требованиям XXI в. усилили

в странах Евросоюза поиски «третьего пути» общественного развития. Речь шла о попытке совместить социализм и его социальные принципы с капитализмом. В то же время, Запад стал активно навязывать СССР и постсоветской России модель «свободного» предпринимательства, которая на Западе уже вызвала всеобщее разочарование и крушение надежд на лучшее «капиталистическое будущее».

Однако Россия — это русская Евразия, это особый тип русско-евразийской православной цивилизации. Народ таков, какова его национальная культура, а она произрастает из тех религий, которые исторически господствуют в данной стране, в данной цивилизации. Хозяином в суровых природно-климатических условиях, Россия сможет выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории только в том случае, если в основу ее развития будет положена «некапиталистическая» модель национально-экономического развития.

Концепция некапиталистического пути — это и есть «третий путь» общественного развития. Третий путь — это путь ухода от диктатуры узкоклассовых идеологий. В основе некапиталистической модели лежат идеология работающих собственников и семейный тип организации всего национального хозяйства — таков вывод А.А. Олейникова.

Писатель **А.Д. Антонова** (Московское общество испытателей природы) в своем докладе рассказала о работе семинара «Социальное проектирование» философско-методологической секции Московского общества испытателей природы и предложила в любой деятельности руководствоваться главной духовной идеей России: «Справедливое общество счастливых людей в суверенной России».

В понятие «справедливое общество» входит следующее: идеология общества основана на нравственных принципах и мирном сосуществовании; каждому гражданину гарантировано удовлетворение витальных потребностей (питание, жилье, образование, медицина, безопасность); отсутствуют любые виды эксплуатации человека; наемная работа осуществляется на основе договоров между работодателем и работником и контролируется государством; при приеме на работу работник становится собственником; существуют все виды собственности с преобладанием государственной, общенародной; распределение совокупного общественного продукта (СОП) осуществляется по принципу: часть — поровну между всеми, часть — по труду; каждый имеет право на труд и заработную плату, каждый участвует в создании СОП.

Понятие «счастливый человек» предполагает самореализацию каждого человека в едином сообществе России, возможность духовного развития для каждого человека, всеобщее уважение и признание уни-

кальности и ценности каждого, гарантию удовлетворения витальных потребностей, сохранение семейных ценностей, возможность продолжения рода.

Понятие «суверенная Россия» означает экономическую самостоятельность России, территориальную целостность и национальную безопасность России, мирное сосуществование всех национальностей в России, мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами Земли, непрерывность исторического процесса, сохранение и развитие языка и культуры всех этносов, восстановление, сохранение и преумножение природных ресурсов. «Каждому — счастье, всем — справедливость, России — суверенность!» — заключила свое выступление А.Д. Антонова.

В докладе «Защита страновых интересов России в условиях “презумпции” ее перманентной виновности перед глобальным миром» д.э.н., профессор **С.С. Слепаков** (Институт сервиса и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск) сделал акцент на том, что эффективный ответ России на безосновательные, провокационные политические обвинения в духе «highly likely», требует обновления политических технологий защиты ее страновых интересов.

Дискредитация страновых интересов глобальными «партнерами» как форма современной конкуренции с использованием масштабного, действенного, малозатратного, экономически и политически эффективного приема «highly likely» заявила о себе в 2010-х гг. и получила широкое распространение. Эта форма воздействия на интересы конкурента (противника) обладает определенной новизной.

Прежде, наряду с продвижением собственных интересов методами свободной, либо монополистической конкуренции, дискредитируемые интересы с позиции силы игнорировались и отчуждались. Однако современное достижение глобальных преимуществ средствами дискредитации страновых интересов с применением приемов грубой дезинформации и провокации, безусловно, следует квалифицировать как, своего рода, знамение нового времени. Но и оно не безгранично.

Международное разделение труда, система международного права, международные отношения (политические, финансовые, торговые, межхозяйственные, межкультурные, межконфессиональные и пр.) не только продолжают существовать, но и по своему значению преобладают над противоборством. Даже в условиях жесткого столкновения интересов Россия и глобальное сообщество обоюдно нуждаются в конструктивном диалоге и определенной коллаборации. Явление дискредитации интересов стран в глобальном мире должным образом не изучено и требует всестороннего исследования, заметил профессор Слепаков.

Говоря о единстве и противоречиях научно-технической революции XX и XXI вв., д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону), подчеркнул, что НТР — это взаимосвязанные революционные изменения в науке, технике, производстве, в отличие от НТП пригодные для одновременного использования во всех трех известных видах потребления: личном, производственном, общественном. Подобное возможно не иначе как вследствие непрерывного взаимодействия науки с техникой и техники с производством, обеспечиваемого совокупным циклом «исследование — производство».

Если во второй половине XX в. НТР в основном создавала технологии новые, то в XXI-ом — преимущественно информационные. Вследствие этого тенденция мирового хозяйства к увеличению разрыва между странами «золотого миллиарда» и остальными возрастает, подытожил профессор Бугаян.

В докладе «От экономики к цифромике и математической философии хозяйства» к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт») заметил, что мир сегодня находится на пике глобальных перемен. И, прежде всего — в понимании происходящего. Точнее — даже в лихорадочном поиске инструментов и методов, необходимых для этого понимания.

Объясняется это тем, что широко используемые сегодня средства описания общественной жизни восходят к механистическому детерминизму и статистической физике, созданным в XVII—XIX вв., когда природа была практически безграничным источником познания и хозяйственного освоения. Человеку в тех условиях было достаточно разрозненных знаний философии, естествознания и математики.

Безнадежной оказалась первая попытка управления глобальным миром путем рыночной самоорганизации экономики, описанной А. Смитом 200 лет назад. Теперь за дело взялась, по образному выражению Ю.М. Осипова, цифромика. Хотя, казалось бы, зачем она нужна, если экономика и так оперирует одними цифрами. Востребованной эта система оказалась потому, что мощность вычислительных средств стала достаточной для анализа сведений обо всех людях планеты на принципах статистической физики Больцмана.

Математические начала философии хозяйства начали выстраиваться лишь в последние десятилетия (докладчик предложил обратиться к своим публикациям в журнале «Философии хозяйства»). На взгляд О.В. Доброчеева, инструменты понимания глобального мира — на уровне описания его динамики — созданы. Осталось только подготовить универсальных мыслителей, владеющих в равной степени философией,

математикой, экономикой, физикой, историей и медициной, способных понимать сложившееся положение вещей, а значит, владеть ситуацией. История регулярного появления в мире универсальных мыслителей, таких как Пифагор, Микеланджело, Ньютон, Ломоносов, Менделеев, говорит, что эта задача вполне реалистична, поскольку человек вполне способен повторить то, что уже встречалось, заметил О.В. Доброчеев.

В начале своего доклада д.ф.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) отметил, что после исследования им влияния различных современных экономических и неэкономических критических факторов и тенденций (прежде всего на примере событий 2020 г.) на развитие экономики и общества был сделан вывод о необходимости переосмысления известных теоретических подходов к вопросам социально-экономического развития. При этом одним из основных вопросов исследований является учет исторической ретроспективы. Однако обычно история анализируемой ситуации в научных исследованиях является лишь отдельным элементом предмета исследований, причем, зачастую просто основой отдельных субъективных критических мнений исследователей. Но также имеется проверенный временем альтернативный принцип, обозначенный и всесторонне рассмотренный Гегелем: принцип «единства исторического и логического». При применении этого принципа в процессе своих исследований докладчиком был установлен системный факт эволюционного изменения теоретических представлений о развитии исследуемого феномена в соответствии с его изменением во времени, что было продемонстрировано на примере представлений о современном социально-экономическом развитии России в его диалектических политэкономических исследованиях, начиная с 1999 г.

Анализируя их результаты, К.В. Молчанов пришел к выводу о необходимости учета изменения теоретических представлений о развитии исследуемого феномена и его перспективах в связи с изменением исторической обстановки и о новом принципе исследований, определяемом изменением с течением времени теоретических представлений об исследуемом феномене.

Директор Открытого исследовательского университета имени А.А. Ухтомского **И.Д. Спасский** (г. Одесса, Украина) в докладе «Поиск “Иного царства” в свете софиасофии» отметил, что евангельский призыв «Ищите прежде всего Царствия Божия, и остальное приложится» находит конкретное мыслительное воплощение, которое может быть претворено в живое творческое действо-хождение. Философия хозяйства во всей палитре своей целокупности формирует пространство мистерии-инициации, открывая проход в мир «Иного царства».

Софиасофия представляет собой систематическое обобщение софийного знания — знания, открытого посредством откровений Софии Премудрости Божией. По этой причине софиасофия является в своей основе мистериальное иницирующее знание, знание-прикосновение к Высшему. Об этом свидетельствуют накопления софиасофской мысли, породившие особые традиции и культуру софийного мышления — мышления, инициированного Софией и иницирующего в Софию. Такой подход резко контрастирует, к примеру, с методологией и результатами экономических наук. Прагматика экономизма, на взгляд докладчика, формирует тоталитарное мышление. Для такого мышления характерна невозможность различить явления чудесного и закрыт путь к движению в «Иное царство». Можно, используя метафору волшебной сказки, сказать, что пограничным пределом между пространством повседневности и «Иным царством» с его чудесами, диковинами, несметными богатствами выступает страшный лес экономизма. В современном мире сочетаются потребление и цифра, материализм и целеустремленный расчет, депрессивная прокрастинация и бег в шуме гигантских городских пространств. Сложившееся положение вещей буквально не дает «поднять голову» при мысли об Ином.

Для софиасофской мысли характерны порыв и прорыв в Иное. Философия хозяйства родилась и развивается как знание мистериальное, посвящающее, открывающее доселе недоступное. «Осмысление пути мистиков различных времен и традиций, на наш взгляд, ясно свидетельствует о том, что путь в Иное царство может быть раскрыт именно как инициация-посвящение. В противном случае возникает подмена пути различного рода ментальными концептами и конструктами, чем часто грешат исследователи в области теологии, философии и прочих сфер знания», — заключил И.Д. Спасский.

В докладе «Влияние внешнего рынка и внешних источников накопления на формирование структуры укладов при утверждении рыночно-капиталистического строя» д.э.н., профессор **Д.Н. Платонов** (экономический факультет МГУ) отметил, что историческая практика позволяет переосмыслить предположение об универсальности и объективной закономерности западного типа капиталистической трансформации рыночного хозяйства. Превращение натурального хозяйства в рыночное действительно является универсальным и всеобщим этапом эволюции мирового хозяйства и происходит под воздействием развития производительных сил.

Если обратиться к реальным событиям истории, нетрудно убедиться, что даже для западного типа цивилизации переход от рыночного

хозяйства к капиталистическому его варианту не был сугубо неизбежным и закономерным. Капиталистический уклад в европейских странах с самого начала утверждался не за счет капитализации внутреннего рынка, а, главным образом, используя разнообразные возможности мирового рынка и эксплуатации прежних укладов в свою пользу.

Превращение рыночного хозяйства в капиталистическое было обусловлено уникальным сочетанием благоприятных экономических, политических, правовых, объективных и субъективных факторов, что подтверждают исторические материалы по России, Великобритании, Франции, США. Далекое не всегда решающее значение в смене хозяйственных укладов имел фактор более высокого уровня технологии и большей эффективности производства нового уклада по сравнению со «старым». Важнейшую роль в процессах перехода к новым хозяйственным укладам в истории сыграл фактор наличия существенного внешнего спроса. Но значительную роль сыграли также и субъективные, нематериальные, факторы. В их число входят мировоззрение правящих слоев, а также разнообразные мотивы влиятельных сословий общества.

В истории мировой экономики наблюдается процесс постоянного усложнения хозяйственных систем, а входящие в них уклады взаимодействуют нередко в парадоксальных формах. При этом хозяйственная эволюция продолжается, подытожил профессор Платонов.

Анализируя русское хозяйство как хозяйство «континентального типа», к.э.н. **Е.Х. Хабибуллина** (экономический факультет МГУ) сказала, что нащупать объективную основу русской самобытности и исторического призвания России пытались многие русские мыслители, начиная со славянофилов. Тем не менее, даже и в новейших исследованиях эта тема не получила достаточного полного освещения.

Русскую цивилизацию правильно называют северной цивилизацией (В.Т. Рязанов), но это недостаточно полная характеристика. Ее необходимо дополнить раскрытием своеобразия русского хозяйственного типа в отношении мирового товарообмена. В мирохозяйственном отношении русское хозяйство — это хозяйство континентального типа. Н.П. Савицкий установил важную закономерность, имеющуюся в отношении мирового океанического товарообмена: наличие разнокачественной хозяйственной природы двух типов хозяйства в смысле различий в мировой торговле — хозяйство континентального типа и хозяйство океанического типа. И это открытие Савицкого практически остается неизвестным, заметила Е.Х. Хабибуллина.

АНОНСЫ — 2022

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда?»

Посвящается памяти Б.И. Пашко

*Неплохо бы разобраться, что есть ныне экономика, кому и чему
служит, куда идет сама и куда ведет человечество. Учебники и обще-
принятые, как и навязанные, доктрины не помогут. Надо думать!*

22 февраля 2022 г.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Эпоха постправды» как правда об эпохе»

*Дожили! Лгали втихую, лгали конфузливо, а теперь и лгать не
надо, даже и правдоподобно: правда снимается как благородный, но не-
нужный никому, анахронизм. Что заявлено, да еще и громко, на весь
мир, то и... нет, не правда вовсе... а... вот тут-то и вопрос, тут-то и
загвоздочка, ибо... что? Тоже думать надо, вот и подумаем!*

22 марта 2022 г.

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Научная конференция экономического факультета МГУ
Секция философии хозяйства

на тему:

**«Потальная технотроника: от вспомогательной услуги
к доминирующим решениям»**

*Дело идет к замене таки человеческого мозга на технотронное
счетно-решающее устройство, что положит чему-то конец и обозна-
чит чего-то начало. Надо полагать, что конец придет экономике (как*

стоимостно-социальной организации хозяйства, его части), а будет
ознаменовано начало постэкономики, или техномики. Разве не так?
Есть, о чем крепко задуматься и что оживленно пообсуждать!

Апрель 2022 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Мир-перемена как текущая реальность»

*Не мир перемен, а мир-перемена! Не так общемировой кризис,
как общемировое оцепенение. Что происходит, куда все идет, если уже
не катится? Непреложная роль ковида и непреходящее значение таин-
ственных пандемий. Мир на пороге, а что при дверях? Есть, есть, о чем
призадуматься с завязанными глазами, спутанными ногами и затума-
ненной головой.*

Май 2022 г.

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

«Экология как наше всё: человек, хозяйство, природа»

*Экология давно уже не просто учение о равновесии в природе, а...
не учение вовсе... а тревожное оцепенение, как раз перед обозрением
того, что натворил демиургирующий экономический человек с приро-
дой, с природой, с обществом, с самим собой, когда не то что равно-
весия какого-то добиваться, а выжить бы, да не в каком-то там рав-
новесии, а совсем наоборот — во всеобщем раздрае! Что ж, подумаем,
поговорим, глядишь, и что-то этакое вдруг ухватим — как перо Жар-
птицы!*

Июнь 2022 г.

(Совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2022

Всероссийский научный симпозиум

на тему:

«Государство и хозяйство: неразлучность и мера»

Цивилизованного хозяйства нет без государства (права, денег, инвестиций, пособий, вмешательств, контроля, да мало ли еще чего), но и государства нет без хозяйства вообще и собственно государственного хозяйства. Иное дело — степень огосударствления хозяйства, как и степень охозяйствования государства, тут могут быть разные решения. А вот отделять одно от другого — не более чем постмодернистское безумие! Особенно для (в) России. Безумству безумных не поем мы песню! Обсудим!

Сентябрь-октябрь 2022 г.

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Суверенная Россия: экономика, технология, культура»

Хозяйственно (экономически) суверенная и цивилизационно культурно самобытная Россия: мечты и реальность. Либо Россия во всех отношениях суверенная и самобытная страна, еще и по устройству своему имперская, либо никакой России! «Псевдороссийский симулякр» — в действии! Самое главное, ответственное и тяжкое состоит в том, что России таки придется существенно и полномасштабно измениться — перейти от неполноценного пореформенного образа к полноценному постреформенному! Оставшемуся в России органично российскому интеллекту (не искусственному, боже упаси!) ничего не остается как твердить и твердить об этом пренеприятнейшем для многих российских-де интеллектуалов моменте — почти с ленинской страстью! Соберемся, поговорим, может, наконец, чего-нибудь и добьемся!

7—9 декабря 2022 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ТРИФОНОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Норильский государственный индустриальный институт, Норильск, Россия (*peopleproperty@mail.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и социологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ПЛАТОНОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*dnp2106@mail.ru*).

ХАБИБУЛЛИНА ЕЛЕНА ХАМЗАЕВНА.

кандидат экономических наук, преподаватель, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*habibullina888@mail.ru*).

ГУДКОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tat-gud@yandex.ru*).

ЗОЛУТУХИН АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

финансист, Ставрополь, Россия (*zol-alsky@yandex.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (*kut.va@mail.ru*).

ГАРБУЗОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ,

доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра философии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия (*buendia@bk.ru*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

САЦУКЕВИЧ АННА ИГОРЕВНА,

магистрант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*AU10029@yandex.ru*).

МАРКОВ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург; кафедра философии, культурологии и социологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Нижний Новгород, Россия (*bmarkov@mail.ru, b.markov@spbu.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ОСИН РОМАН СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия», Москва, Россия (*roman.2014.os@gmail.com*).

ДЕМИН ИЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия (*ilyadem83@yandex.ru*).

ГОРБАЧЕВ МАКСИМ ДМИТРИЕВИЧ,

магистрант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mdgorbachevmsu@gmail.com*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

ЯКОВЛЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр институтов социально-экономического развития, Институт экономики РАН; доцент, Научно-образовательный центр современных марксистских исследований, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tetn@yandex.ru*).

ШПИЛЕВАЯ АНГЕЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА,

младший научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*angelina.shpilevaya@gmail.com*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanity Sciences, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

TRIFONOV EVGENY VASILIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Norilsk State Industrial Institute, Norilsk, Russia (*peopleproperty@mail.ru*).

KOPTELOVA TATYANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210@rambler.ru*).

PLATONOV DMITRY NIKOLAEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of History of the National Economy and Economic, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*dnp2106@mail.ru*).

KHABIBULLINA ELENA KHAMZAEVNA,

Candidate of Economics, Lecturer, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*habibullina888@mail.ru*).

GUDKOVA TATIANA VIKTOROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tat-gud@yandex.ru*).

ZOLOTUKHIN ALEXEY ANDREEVICH,

Financier, Stavropol, Russia (*zol-alsky@yandex.ru*).

KUTYRYOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University, Nizhni Novgorod, Russia (*kut.va@mail.ru*).

GARBUZOV DMITRY VIKTOROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University, Simferopol, Russia (*buendia@bk.ru*).

FATENKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod — National Research University; Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

SATSUKEVICH ANNA IGOREVNA,

Master's Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*AU10029@yandex.ru*).

MARKOV BORIS VASILIEVICH,

Doctor Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg; Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslavl the Wise Novgorod State University, Nizhni Novgorod, Russia (*bmarkov@mail.ru, b.markov@spbu.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

OSIN ROMAN SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Synergy University, Moscow, Russia (*roman.2014.os@gmail.com*).

DEMIN ILIA VYACHESLAVOVICH,

Doctor Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Samara University, Samara, Russia (*ilyadem83@yandex.ru*).

GORBACHEV MAXIM DMITRIEVICH,

Master's Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mdgorbachevmsu@gmail.com*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

YAKOVLEVA NATALIA GENNADIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tem@yandex.ru*).

SHPILEVAYA ANGELINA EVGENIEVNA,

Junior Researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*angelina.shpilevaya@gmail.com*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться **JEL**-кодами (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графических материалов не должно быть более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье в совокупности должно быть не более 8.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие и не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.